

ISSN 2223-2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 12-3 2020 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

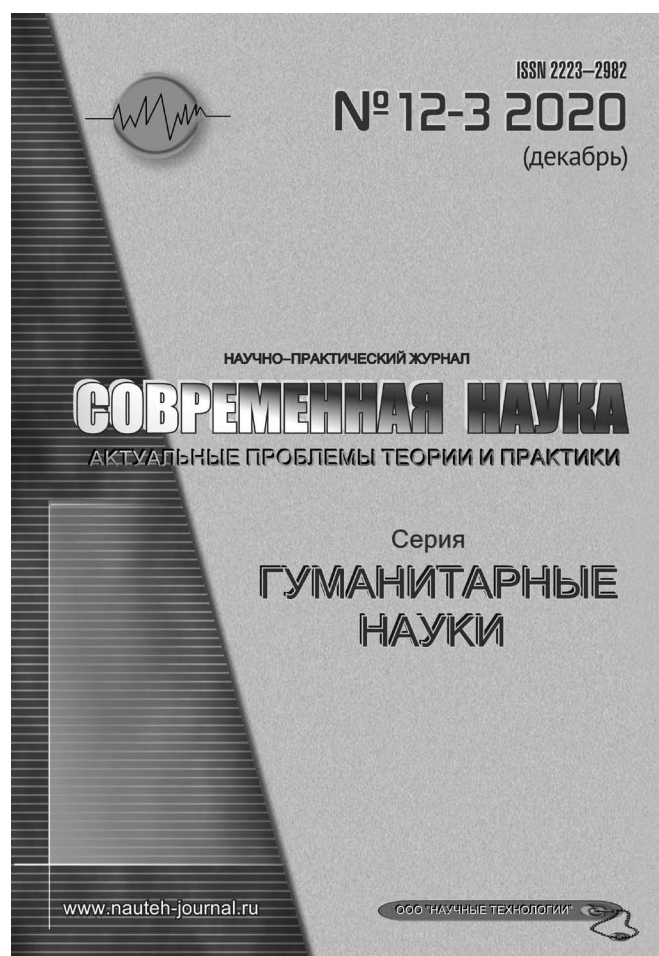
Серия: Гуманитарные науки № 12-3 (декабрь) 2020 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 27.12.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

9 7 7 2 2 2 3 2 9 8 2 3 6

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Аветисян В.Р. – «Экологическая политика» российских монархов (от Екатерины I до Павла I)
Avetisyan V. – "Environmental policy" of the Russian monarchs (from Catherine I to Paul I) 5

Алферов А.А. – О специфике исторической реальности
Alferov A. – About the specifics of historical reality... 9

Алферов А.А. – Процессуальность истории и время
Alferov A. – History as a process and time. 14

Полева Ю.В. – Методы государственного регулирования религиозной практики пещерничества
Poleva Yu. – Methods for state regulation of religious caving practice 18

Унежев К.Х. – Формы и методы колониальной политики царизма в годы Кавказской войны 1763-1864 гг.
Unezhev K. – Forms and methods of tsarist colonial policy during the Caucasian war of 1763-1864 24

Педагогика

Булохов А.М., Михайлов М.Р. – Актуальные проблемы применения тренировочных систем в подготовке будущих военных специалистов
Bulokhov A., Mikhaylov M. – Relevant problems of applying training systems in teaching future military specialists 31

Гарифуллин Р.Ш., Калманович В.Л., Хайруллин Р.Р. – Формирования мотивации студентов к занятиям по физической культуре посредством применения перспективной физкультурно-оздоровительной программы
Garifullin R., Kalmanovich V., Khairullin R. – Formation of students' motivation for physical culture classes through the use of a promising physical culture and health program 34

Гуренко М.В. – Творческий потенциал подростков и театральная педагогика
Gurenko M. – Creative potential of teenagers and theater pedagogy..... 37

Казиева И.И., Орлова С.Н. – Технологии мобильного обучения иностранному языку как средство повышения эффективности учебного процесса магистрантов по специальности «экономика»
Kazieva I., Orlova S. – Technologies of mobile learning a foreign language as a means of increasing the efficiency of the educational process of master's students in the specialty "economy" 42

Попков М.В. – Гендерный подход к формированию физической культуры у детей старшего дошкольного возраста
Popkov M. – Gender approach to the formation of physical culture in older preschool children 47

Семенов А.А., Яицкий А.С. – Формирование ценностей научного познания посредством учебно-исследовательской деятельности учащихся (на примере биологии и экологии)
Semenov A., Yaitsky A. – Formation of values of scientific knowledge through educational and research activities of pupils (on the example of biology and ecology)..... 49

Сусименко Е.В., Ефимов А.В. – Культура образования и особенности ее трансформации в оптике социально-гуманитарного знания
Susimenko E., Efimov A. – Culture of education and features of its transformation in the optics of social and humanitarian knowledge 55

Тютюева И.А., Филютина Т.Н. – Состояние коммуникативного контроля у обучающихся по дефектологическим направлениям подготовки
Tyutyueva I., Filyutina T. – Status of communication control among students in special areas of training..... 60

Черных С.С., Сусименко Е.В., Коваленко А.М. – Инновационный потенциал российской молодёжи в условиях цифровизации системы образования: ведущие тренды и перспективы развития
Chernykh S., Susimenko E., Kovalenko A. – The innovative potential of Russian youth in the context of digitalization of the education system: leading trends and development prospects..... 66

Шан Ш. – Проблемы реализации воспитательных целей в системе общего и профессионального образования
Shang Sh. – Problems of implementation of educational purposes in the system of general and professional education..... 72

Ярлова Т.В., Степанов А.А., Савина М.В. – Императивы подготовки креативных управленческих кадров цифровой экономики
Yarovova T., Stepanov A., Savina M. – Imperatives of training creative management staff of the digital economy 75

Филология

Беленов Н.В. – Топонимическое пространство эрзя-мордовского села Мордово-Аделяково Самарской области
Belenov N. – Toponymic area of the erzya-mordovian village "Mordovo-Adelyakovo", Samara region 80

Бурдовская Е.Ю., Попова Е.О. – Функционирование языка молодежной субкультуры в экономическом медиатексте
Burdovskaya E., Popova E. – The functioning of the language of youth subculture in the economic media text..... 85

Бурдовская Е.Ю., Попова Е.О. – Особенности использования языковой игры в экономическом медиатексте
Burdovskaya E., Popova E. – Peculiarities of using a language game in an economic media text 88

Гаврилова Ю.В. – Структурализм и социальная антропология в трудах британских исследователей XX века
Gavrilova Ju. – Structuralism and social anthropology in the works of British scientists of the 20th century..... 91

Девякович А.А. – Структурный анализ сложных комплексов рыболовной тематики в диалектах селькупского языка
Devyakovich A. – Structural analysis of the fishing complex naming units in the Selkup dialects..... 94

Зубченко В.В. – Зооморфные компоненты в текстах басен и эпиграмм советского сатирика А.Б. Раскина
Zubchenko V. – Zoomorphic components in the texts of fables and epigrams of the soviet satirist A.B. Raskin..... 99

Кондратьева О.А. – Структурно-семантический анализ фототерминологии
Kondratieva O. – Structural-semantic analysis of phototerminology 104

Муталов Р.О. – О двойном каузативе в даргинских языках
Mutalov R. – About double causatives in Dargin languages 110

Новикова О.В. – Роль внутренней формы английских зоосемических фразеологических единиц в отображении культурного опыта языкового коллектива
Novikova O. – The inner form of animal English phraseological units as a mirror of the cultural experience of speech community 114

Петрова И.М. – Нарушение иконичности языкового знака как показатель изменения когнитивного фокуса (на материале английского языка)
Petrova I. – Violation of the iconicity of a language sign as an indicator of changes in cognitive focus (based on the material of the English language)..... 119

Чистякова Л.А. – Когнитивный и лингводидактический аспекты структурно-семантического анализа реалий
Chistyakova L. – Cognitive and linguodidactic aspects of structural and semantic analysis of culture-specific elements 123

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 126

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 127

«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ (ОТ ЕКАТЕРИНЫ I ДО ПАВЛА I)

Аветисян Владимир Рудольфович

к.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»
vladimir.avetisyan26@mail.ru

"ENVIRONMENTAL POLICY" OF THE RUSSIAN MONARCHS (FROM CATHERINE I TO PAUL I)

V. Avetisyan

Summary: This article discusses the development of environmental protection and environmental activities of Russian monarchs in the XVIII century since the death of Peter I. Russian environmental legislation has a long tradition, dating back to the period of Kievan Rus. The era of Palace coups and the reign of Catherine II ambiguously influenced the "environmental policy" in the country, thereby arousing particular interest in the study of this issue. The article presents legislative acts and orders that characterize the environmental and environmental activities of each monarch separately, allowing us to trace the general mood in Russian society.

Keywords: history of ecology, environmental policy, Romanovs, the era of Palace coups, forest legislation.

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос развития природоохранной и экологической деятельности российских монархов в XVIII столетии с момента кончины Петра I. Российское экологическое законодательство имеет давние традиции, корнями уходя в период Киевской Руси. Эпоха дворцовых переворотов и время правления Екатерины II неоднозначно повлияли на «экологическую политику» в стране, тем самым вызвав особый интерес в изучении данного вопроса. В статье приведены законодательные акты и распоряжения, характеризующие природоохранную и экологическую деятельность каждого монарха в отдельности, позволяющие проследить общие настроения в российском обществе.

Ключевые слова: история экологии, экологическая политика, Романовы, эпоха дворцовых переворотов, лесное законодательство.

Введение

Природоохранная и экологическая политика российского государства формировалась на протяжении многих столетий. При изучении историографии исследуемого вопроса можно сделать вывод о том, что вопросы развития экологической мысли в России не раз оказывались в центре внимания отечественных историков и экологов. Данная проблематика рассматривается в трудах таких российских ученых, как Г.С. Розенберг [1], Н.Г. Смирнов [2], Б.Н. Лузгин [3], А.М. Калимуллин [4], М.Б. Булгаков [5] и др. Изучению лесного законодательства в России в XVIII в. посвящены работы В.В. Черных [6].

Одним из государственных деятелей, внесших значительный вклад в развитии экологического законодательства в России, можно считать Петра I. В период своего правления он издал множество законов и предписаний экологической и природоохранной направленности. Заботясь о своей стране, царь (а позже император) совершил несколько решительных шагов по сохранению природы от антропогенного воздействия и нерационального природопользования.

Чтобы более объективно определить роль каждого российского монарха в области экологического законодательства необходимо понять, какое наследство после

своей смерти в 1725 г. оставил Петр Алексеевич.

С момента воцарения на российский престол Петра I беспощадная вырубка леса в стране была временно прекращена. Для царя лес в первую очередь представлял достояние государства. 30 марта 1701 г. он подписывает указ запрещающий проводить расчистку лесов в Московском уезде под пашни и на сенные покосы на расстоянии 30 верст от рек, «по которым леса плавят и гоняют к Москве» [7; С.90]. Выражая озабоченность качеством рек, царь подписывает новое распоряжение, препятствующее обработке на берегу привезенных по ним бревна, «чтобы от тех щеп и сору оные речки не засорялись» [1; С.161].

Понимая значимость леса для страны, Петр I пытался законодательно обеспечить его сохранение. За период правления им было подписано около 200 указов, писем и распоряжений, имеющих прямое или косвенное отношение к сохранению леса. Указом от 6 апреля 1722 г. он назначил вальдмейстеров – лесничих, а при Адмиралтейской коллегии учредил Вальдмейстерскую канцелярию и назначил обервальдмейстером – главным лесничим – бригадира Глебовского «для смотрения и бережения лесов во всем государстве» [8; С.641].

В 1706 г. при Московском госпитале был открыт первый в России ботанический сад, который сегодня явля-

ется филиалом Ботанического сада при Московском государственном университете. В 1714 г. по указу Петра I для выращивания и изучения лекарственных растений в Санкт-Петербурге был открыт «Аптекарский огород», который в 1824 г. реорганизируют в Императорский ботанический сад [9; С.22].

Со смертью Петра в России начался период дворцовых переворотов, внесший определенные изменения в обществе. Из этого следует вопрос, смогли ли последующие правители продолжить петровские преобразования в данном направлении или свели на нет полученные им результаты? В чем состоит вклад каждого из монархов в отечественной истории экологии XVIII столетия?

Екатерина I

После смерти императора Петра I на российский престол возшла его вторая супруга Екатерина Алексеевна или Екатерина I. Ее правление продлилось всего два года и было наполнено интригами, борьбой за власть у трона.

В 1725 г. была открыта Академия наук, устав которой был утверждён Петром I еще при жизни. Во главе с капитаном В. Берингом была организована экспедиция к берегам Камчатки, чтобы установить, соединяются ли Азия и Северная Америка перешейком.

В период правления императрицы Екатерины I существенных изменений в экологической политике страны не произошло. Указом от 19 февраля 1725 г. в новом штате государственных служащих была сохранена администрация Вальдмейстерской канцелярии [10; С.423].

О сохранении заложенного Петром I политического курса также свидетельствует подписанный 24 февраля 1725 г. указ «Об управлении лесов в Лифляндии, Эстляндии и на островах Эзель по-прежнему». Согласно ему в северной Прибалтике сохранялась прежняя система управления лесными массивами. Допускалась вырубка для строительства зданий и жилищ. В тексте отмечалось: «в указе, блаженные и вечно достойной памяти Его Императорского Величества... велено в Лифляндии и Эстляндии на островах Эльзе леса на домовые нужды рубить по указу не запрещать» [11; С.427].

Решения, принимаемые императрицей, во много зависели от законосовещательного Верховного тайного совета, который в большей степени решал государственные вопросы. Исходя из этого, трудно однозначно судить о личных намерениях императрицы в осуществлении природоохранной и экологической политики.

6 мая 1727 г. Екатерина Алексеевна скончалась. На следующий день во дворце было прочитано завещание усопшей императрицы. Российский трон она передала

великому князю Петру Алексеевичу, внуку Петра I.

Петр II

Правление юного 11-летнего Петра Алексеевича оказалось лишь на год больше, чем у его предшественницы Екатерины I. Императора больше заботили балы и охота нежели государственные дела. Но будучи в таком юном возрасте, он оказался способен повлиять на численность некоторых животных, в частности медведей, в Подмоскovie. Излюбленным делом Петра II считалось проведение массовых охот на лесных зверей. Подмоскovie леса со времён Алексея Михайловича Романова не знали подобного размаха травли медведей. Если Екатерина I превратила русских дворян в участников огромного непрекращающегося бала, то Петру II удалось сделать их главным занятием псовую охоту. Имея 360 собак, он иногда спал вместе с ними. Частые охоты на медведей приводили к сокращению их численности.

В тоже время юный император отличился и положительными действиями. Как отмечает исследователь В.В. Черных, в конце 1720-х гг. лес вновь стали вырубать без всякой бережливости [12; С.15]. Воспрепятствуя этому, Петр II подписал указ от 11 марта 1729 г., запрещающий вырубку заповедных лесов на территории Казанской, Астраханской и Нижегородской губерний [13; С.131].

Анна Иоанновна

Заботу о лесном хозяйстве страны после смерти Петра II продолжила дочь Ивана VI – Анна Иоанновна. Уже в первый год своего правления она подписывает указ о восстановлении лесного управления по образцу, заложенному Петром I (Указ от 28 августа 1730 г.) [14; С.319]. Всего за несколько лет под контроль были взяты леса вдоль крупных рек (в том числе Волги). Увеличены были и штрафы за нарушение принятых императрицей указов. Так, «за самовольную рубку или повреждение деревьев в первый раз полагался штраф в 10 руб. за каждый пень, во второй раз – по 40 руб., а в третий – наказание кнутом и каторжные работы на 10 лет» [12; С.16]. Позже также был подписан указ, запрещающий разведение огня в лесной местности. Несмотря на это, принятые распоряжения серьезных изменений не принесли, вырубка лесов под пашни продолжилась.

В отношении защиты животных императрица особо не отличилась. Анна Иоанновна, как ее предшественник Петр II, любила охоту. Стоит отметить и тот факт, что во дворце у окон часто стояли заряженные ружья, дабы государыня могла выстрелить в пролетающих птиц.

Елизавета Петровна

Вступив в 1740 г. на престол, Елизавета Петровна

стремилась во всем быть достойной своего отца. Не исключением стала и природоохранная деятельность императрицы.

В 1847 г. она расширила указ своей предшественницы о запрете поджогов в лесных угодьях, добавив к ним еще и все прилегающие территории и мосты [15; С.414]. Своей целью императрица видела также оптимизацию деревоперерабатывающей промышленности в стране, которая выражалась в недопущении засорения лесов щепой и опилками, таким образом, понижая уровень пожароопасности. Заботясь о лесных массивах вокруг Москвы, она предложила больше строить каменных нежели деревянных домов.

Несмотря на это, все предпринятые указы и распоряжения, содержащие экологический контекст, в реальности уступали проведенным Петром I преобразованиям. Объясняется это в первую очередь особенностью российского общества, которое находилось в период дворцовых переворотов.

Петр III

Природоохранные указы, принятые императором Петром III, оказались самыми скудными. За свой короткий период правления им был принят лишь один указ в области лесного хозяйства, который не имел под собой глубокой экологической подоплеки. В оправдание скажем, что и период правления Петра был самым коротким (семь месяцев).

Серьезные преобразования в данном направлении будут сделаны его супругой Екатериной II, которая не только расширит законодательную часть, но и поддержит научные экспедиции по стране.

Екатерина II

В трактате «О рублении» (1766 г.) писатель, мемуарист, философ-моралист, ботаник и лесовод А.Т. Болотов писал, что «рубят лес сплошняком, спешат скорее вырубить, чтобы кола и доброй хворостинки не осталось» [16].

Императрица Екатерина II окончательно отменила лесные указы Петра, отметив в своем указе от 1782 г., что «все леса, растущие в дачах помещичьих ... оставить в полную их волю». В том числе в полную волю помещиков отдавалась и леса «заповеданные». Как показали дальнейшие события, «полная их воля» руководствовалась вовсе не разумом, а стремлением к прямой выгоде. К концу столетия в стране было уничтожено более 22 млн га леса. При этом не осуждались, а восхвалялись те помещики, которые расширяли пашню за счет лесов и вывозили за границу больше пшеницы [17; С.36].

К середине XVIII в. Российской Академией наук стали проводиться исследования экологической направленности. В 1755 г. отечественным ботаником, этнографом и географом Степаном Петровичем Крашенинниковым по итогам экспедиций в Сибирь и Камчатку был написан труд «Описание земли Камчатки», который стал одной из первых комплексных экологических работ. Изучение природы России продолжил Иван Иванович Лепехин (1740–1802). Результаты своих экспедиций он отразил в четырехтомном труде «Дневник записок путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства».

В 1763 г. в трактате «О слоях земли» [18] свои соображения о негативном влиянии уральских металлургических заводов на живые организмы высказал первый видный русский ученый-естествоиспытатель Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). Исследуя развитие почв, ученый отмечал, что «чернозем – не первообразная и не первозданная материя, но произошел от согнития животных и растущих тел со временем». Изменения в неживой природе ученый считал одной из причин изменений растительного и животного мира.

С 1767 по 1810 гг. на русской службе находился немецкий ученый-энциклопедист Петр Симон Паллас (1741–1811), который, путешествуя по Сибири и Южной России, стал автором многих работ по биогеографии и экологии. В 1773 г. вышел его труд «Путешествие по разным провинциям Российского государства», а в 1788 г. он издал «Флору России», которая представляет собой сводное описание собранных ученым за 1784–1788 гг. растений, произраставших на территории России. В первой половине XIX в. был опубликован один из главных трудов ученого – «Зоография Азиатской России». В издание вошли сведения о 151 виде млекопитающих и 425 видах птиц.

В 1786 г. был издан первый отечественный учебник по естествознанию – «Начертания естественной истории...» [19]. Его автором стал Василий Федорович Зуев (1754–1794), известный в России ученый-естествоиспытатель, этнограф и путешественник. По мнению известных российских ученых-методистов И.Н. Пономаревой, О.Г. Роговой и В.П. Соломина, учебник В.Ф. Зуева содержал достаточно много сведений по экологии растений и животных, окружающей среде и бережном отношении к ним. Это было очень важно, т.к. экологическая наука находилась лишь на первоначальном этапе своего развития [20; С.32].

Заключение

Восемнадцатое столетие одно из самых непростых периодов в истории России. После смерти Петра I и чередой дворцовых переворотов сохранение и развитие

природоохранного и экологического законодательства являлось непростой задачей. Вместе с тем попытки сохранить достигнутые в петровскую эпоху достижения говорят о неравнодушии монархов к своей стране в целом. Принятые ими указы и распоряжения были направлены

на сохранение природы и минимизации ущерба, нанесенного деятельностью человека. О заинтересованности говорит и то, что стали организовываться научные экспедиции по изучению природных богатств страны, которые заложили основу будущей науки экологии в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенберг Г.С. Лики экологии. – Тольятти: СНЦ РАН, 2004. – 224 с.
2. Смирнов Н.Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем // Известия Уральского государственного Университета им. А.М. Горького. – 2002. – №23(12). – С.84–98.
3. Лузгин Б.Н. Историческая экология: учебное пособие для магистрантов и студентов геогр. и ист. фак. вузов. – Барнаул: АлтГУ, 2012. – 234 с.
4. Калиммулин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем: монография. – М.: Прометей, 2006. – 368 с.
5. Булгаков М.Б. Российское природоохранное законодательство XI – начала XX вв. / М.Б. Булгаков, А.А. Ялбулганов. – М.: Легат, 1997. – 83 с.
6. Черных В.В. Российское лесное законодательство в период правления Екатерины II // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 1(76). – С.23–33.
7. Кайль Е.В. История становления экологического права России в период правления Петра I // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2014. – Т.27 (66). – №3. – С.88–92.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т.6 (1720–1722), 1830. №3941. – 815 с.
9. Розенберг Г.С., Мозговой Д.П., Гелашвили Д.Б. Экология. Элементы теоретических конструкций современной экологии: учебное пособие. – Самара: СНЦ РАН, 2000. – 396 с.
10. ПСЗРИ. Т.7 (1723–1727), 1830. №4659. – 922 с.
11. ПСЗРИ. Т.7 (1723–1727), 1830. №4667. – 922 с.
12. Черных В.В. Лесное законодательство при приемниках Петра I // Сибирский юридический вестник. – 2015. – №3 (70). – С.14–21.
13. ПСЗРИ. Т.8 (1728–1732), 1830. №5378. – 1014 с.
14. ПСЗРИ. Т.8 (1728–1732), 1830. №5612. – 1014 с.
15. ПСЗРИ. Т.12. (1744–1748). 1830. №9182. – 960 с.
16. Остробородова Н.И., Володькин А.А. История лесного дела: учеб. пособие / сост. Н.И. Остробородова, А.А. Володькин. – Пенза: РИО ПГСХА, 2012. – 92 с.
17. Краткий курс истории экологии: учебное пособие для студентов, обучающихся по биологическим и экологическим направлениям подготовки / сост. В.Р. Аветисян. – Самара: СГСПУ, 2020. – 80 с.
18. Ломоносов М.В. О слоях земных // Первые основания металлургии или рудных дел. Прибавление 2. – СПб: типография Императорской Академии Наук, 1763. – С.237–416.
19. Зуев В.Ф. Начертание естественной истории / Изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторья. – СПб., 1786. – 240 с.
20. Пономарева И.Н., Роговая О.Г., Соломин В.П. Методика обучения биологии: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / под.ред. И.Н. Пономаревой. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 368 с.

© Аветисян Владимир Рудольфович (vladimir.avetisyan26@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СПЕЦИФИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ABOUT THE SPECIFICS OF HISTORICAL REALITY

A. Alferov

Summary: Every science studies a certain reality. Historical science studies the past. However, how can the past be a reality, because it is no longer there. What gives the historical past the features of reality? The article proves that the historical past receives these features from the consciousness of people of the past – their opinions, views, ideas, evaluation, motivation... It also discusses possible ways of penetrating the spiritual world of the past.

Keywords: past, present, time, consciousness, historical reality, cognition of the past.

Алферов Анатолий Александрович

Д.ф.н., доцент, Южный Федеральный Университет

Antal@list.ru

Аннотация: Каждая наука изучает определенную реальность. Историческая наука изучает прошлое. Однако, как прошлое может быть реальностью, ведь его уже нет. Что наделяет историческое прошлое чертами реальности? В статье доказывается, что историческое прошлое получает эти черты от сознания людей прошлого – их взглядов, представлений, идей, оценок, побуждений... Обсуждаются также возможные способы проникновения в духовный мир прошлого.

Ключевые слова: прошлое, настоящее, время, сознание, историческая реальность, познание прошлого.

Введение

Каждая наука исследует определенную реальность – элементарные частицы, генетический аппарат, язык и т.д. Если обобщенно выразить, что же изучает наука история, то никуда не деться от тривиального суждения, что она изучает прошлое. Однако, как прошлое может быть реальностью? Ведь физически человек всегда пребывает в настоящем, а прошлое есть то, что прошло, – того настоящего, которым в свое время было прошлое, уже нет как реальности. В этом смысле историческая реальность представляет собой проблему.

Американский исследователь Э. Клейнберг в книге «Призрачная история: за деконструктивистский подход к прошлому» [1] критикует историков за онтологический реализм. Под онтологическим реализмом он понимает представление о том, что реальность прошлого есть объективная реальность. Он пишет: «Я определяю онтологический реализм как стремление рассматривать историю в виде событий, которые приписаны к определенному месту и времени, в принципе наблюдаемы и как таковые являются фиксированными и неизменными» [1, с. 8]. Отвергая онтологический реализм, Э. Клейнберг заявляет, что прошлое событие есть призрак – оно не принадлежит настоящему, но его нет и в прошлом.

Г. Пауль, полемизируя с Э. Клейнбергом, обращает внимание на то, что историки выступают в различных профессиональных ситуациях и в каких-то из них они могут занимать и позицию, отличающуюся от онтологического реализма. Он также отмечает, что метафизические коннотации историков не отражаются на их профессиональной компетенции [2].

Э. Клейнберг в качестве альтернативы онтологиче-

скому реализму предлагает деконструктивизм. И американский ученый сокрушается, что историки не принимают деконструктивизм, считают, что он фокусируется на языке и практически не совместим с профессиональной деятельностью историка. Мы тоже критикуем онтологический реализм, но не считаем прошлое призрачным и вполне разделяем отношение историков к деконструктивизму, полагаем, что он действительно не совместим с практикой исторической науки, с самим проектом истории. Далее мы обосновываем определенный взгляд на природу исторической реальности, который и считаем действительной альтернативой онтологическому реализму.

Прошлое существует в сознании

Из того обстоятельства, что прошлого уже нет, сразу следует вывод, что прошлое существует в нашем сознании и никак иначе оно существовать не может. Еще Святой Августин, фиксируя, что человек всегда пребывает в настоящем, задавался вопросом, а что же такое прошлое и будущее, и он приходил к выводу, что прошлому и будущему больше негде существовать, кроме нашей души, что прошлое – это наша память, а будущее – наше ожидание [3].

На утверждение, что прошлое не существует помимо сознания, возможно возражение, что прошлого сейчас уже, конечно, нет, но оно когда-то было настоящим, вот наука история и воспроизводит его таким, каким оно было в качестве настоящего – воспроизводит по письменным источникам и различным вещественным памятникам. Рассуждая таким образом, имеют в виду, что сейчас прошлое, конечно, не существует помимо нашего сознания, но когда оно было настоящим, оно существо-

вало независимо от сознания, и вот наука история его таким и воспроизводит. Дело, однако, заключается в том, что прошлое и тогда, когда оно было настоящим, не существовало независимо от сознания.

Историческая реальность есть социальная реальность. Ее своеобразие состоит только в том, что она относится к прошлому. Поэтому, рассуждая об исторической реальности, надо определиться с тем, как существует социальная реальность. Мы полагаем, что природу социальной реальности верно понимает феноменологическая социология.

Она рассматривает общество как такое явление, которое создано и постоянно воссоздается в духовном взаимодействии индивидов. Сторонники этой социологии предостерегают от объективирования, овеществления социальных явлений. Они подчеркивают, что нет социального мира как объективной реальности. Социальная реальность зависит от процессов ее интерпретации, понимания, объяснения. Социальная реальность существует в коллективных представлениях людей. Социальный мир intersubjectiven, это – мир, общий для всех нас, что предполагает коммуникацию и язык. Структура социальной реальности имеет смысловой характер. Социальный мир – это мир смыслов. Социальные феномены реальны, поскольку мы организуем свою деятельность так, что подтверждаем их реальное существование. Вне признания нет социального мира. Основоположник феноменологической социологии А. Шюц подчеркивал также, что понятия и теории в общественных науках – это всегда конструкции второго уровня. Первым же уровнем является мир повседневной жизни, где индивид связан многочисленными связями с другими людьми. И в этом повседневном мире рождаются исходные смыслы, на которые затем так или иначе опираются и которые затем используют социальные науки [4]. К феноменологической социологии близки символический интеракционизм и этнометодология, которые тоже рассматривают социальную реальность как социальные смыслы, устанавливаемые и изменяемые в человеческой коммуникации.

Бытовало и до сих пор бытует мнение, что историческая наука воспроизводит прошлое – воспроизводит таким, «каким оно действительно было», во всяком случае, к этому стремится.¹ Но что значит, что прошлое было таким или иным, для кого оно было таким или иным? Данная точка зрения предполагает, очевидно, что прошлое имело некую определенность «в себе», что оно есть некая объективная реальность, которую нужно только точнее и полнее отобразить. Но мы уже отметили, что исторической реальности не может быть в этом смысле. Приведенная точка зрения – это дорефлексивный, наивно-реалистический взгляд, который, возможно, не ме-

шает существованию и развитию исторической науки, но в философском смысле несостоятелен.

Познание прошлого как отношение между сознаниями

Историческая реальность определяется, конституируется сознанием, это верно в отношении социальной реальности вообще и тем более верно в отношении исторической реальности. Но возникает вопрос, чьим сознанием конституируется реальность, относимая к прошлому – сознанием людей, живших в прошлом, или сознанием наших современников, воспринимающих прошлое из настоящего? Этот вопрос имеет принципиальное значение.

Ясно, что когда прошлое было настоящим, то оно определялось сознанием своих современников, а когда перестало быть настоящим, то оказалось связанным с сознанием других людей, которые уже не были его современниками. Поэтому мы сталкиваемся в постижении прошлого с удвоением сознания: сознание историков, создающих картины прошлого, и их современников, воспринимающих эти картины, и сознание самих людей прошлого, воспринимавших действительность, которая была их действительностью и которая существовала благодаря их сознанию. Между этими сознаниями может быть и, как правило, бывает расхождение, и само познание прошлого предстает как некоторое отношение между этими двумя сознаниями. Между ними могут вклиниваться и другие сознания – именно, сознания историков и других писателей, живших в прошлом на каком-то временном отстоянии от явлений, интересующих современного историка, и запечатлевших эти исторические явления в своих трудах, которыми может пользоваться современный историк.

Историческая реальность (шире – всякая социальная реальность) структурирована, и структурируется она чьим-то сознанием. Это может быть сознание современников, структурировавших собственную жизнь, или сознание последующих поколений, проявляющих интерес к этой жизни, изучающих ее. Результатом структурирующей работы сознания является выделение определенных событий, социально-исторических явлений, социальных общностей, социальных отношений и институтов, исторических периодов и т.д. Первоначально эту формирующую роль выполняло исключительно обыденное сознание, но с появлением социальных и гуманитарных наук к этому подключилось и научное сознание.

¹ Леопольд Ранке в предисловии к работе «История романских и германских народов с 1494 по 1535 гг.» писал, что он в этой работе стремился показать, «как это было на самом деле» [см. 5, с. 57].

Прошлое не должно конструироваться только из настоящего

Существует точка зрения, что конструируя прошлое, историки не должны покидать настоящее, напротив, должны прочно стоять в нем и прошлое рассматривать сквозь призму настоящего. В философии истории этой точки зрения придерживались многие философы. Так, Б. Кроче утверждал, что не может быть интереса к прошлому самому по себе, безотносительно к настоящему, что вообще не может и не должно быть воссоздания прошлого. «...Лишь интерес к настоящему способен подвинуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешние, а не былые интересы», – писал он [6, с. 9]. Р. Арон полагал, что прошлое должно предстать перед нами исключительно в свете настоящего. Он считал, что в познании истории следует ограничиться концептуальной реконструкцией прошлого и не покушаться на проникновение во внутренний духовный мир людей прошлого [7]. Ф.В.Й. Шеллинг писал: «Историческое повествование, для которого вообще единственным объектом является объяснение данного состояния в мире, могло бы с таким же успехом выносить суждения о прошлом исходя из настоящего, и попытка показать, как из современности можно со строгой необходимостью вывести прошлое, была бы не лишена интереса» [8, с. 454].

В методологии историографии позиция рассмотрения прошлого с точки зрения настоящего получила наименование презентизма. Историческая реальность конструируется историками, разумеется, на основе тех или иных исторических данных, которые черпаются в исторических источниках, но главное в позиции презентизма заключается в том, что реальность прошлого конструируется исходя из сознания настоящего, из определенных социологических, политических, правовых, моральных и прочих представлений, существующих в настоящем, в координации с которыми и выстраивается, создается эта реальность. Очевидно, что в этом случае вообще не ставится задача воспроизведения прошлого. Создаваемая таким путем историческая реальность не будет и не должна совпадать с той реальностью, которая существовала для людей, живших в прошлом, существовала в их сознании. Вообще любые модели, создаваемые современными науками (экономические, социологические, политологические и прочие), можно опрокинуть на прошлое и построить соответствующую историческую картину, но мы при этом не избавимся от вопроса, действительно ли существовали в прошлом эти явления и отношения?

Реальностью прошлого является содержание сознания людей прошлого

Другой подход к прошлому стремится рассматривать прошлое в его самостоятельном значении. Этот подход демонстрирует интерес к той реальности, которая существовала и была значимой у людей прошлого, а значит, интересуется их сознанием, в котором и присутствовала эта реальность. Исторической реальностью является содержание сознания людей прошлого – их взгляды, представления, идеи, переживания, оценки. Ведь именно в этом сознании существовали определенные события, социальные институты, социальные отношения и т.д., современниками и участниками которых были эти люди. И мы должны воспроизвести эти представления, исходя из которых сами люди прошлого конструировали свою реальность. Такое понимание задачи исторической науки, очевидно, вполне соотносится с представлением о способе существования общества, к которому мы примкнули, передавая взгляды феноменологической социологии.

В соотношении настоящего и прошлого настоящее обладает безусловным преимуществом перед прошлым, поскольку настоящее обладает достоинством действительности. И исторический наблюдатель присутствует в настоящем и принадлежит ему. Поэтому настоящее уже само по себе, одним фактом своего существования накладывает свою печать на прошлое, и требуются большие усилия мысли и воображения, чтобы преодолеть аберрацию прошлого настоящим, насколько это возможно. М. Блок писал: «Чтобы проникнуть в чужое сознание, отделенное от нас рядом поколений, надо почти полностью отрешиться от своего «я». Но чтобы приписать этому сознанию свои собственные черты, вполне можно оставаться самим собою. Последнее, конечно, требует куда меньше усилий» [9, с. 80]. Высказывается соображение, что усилий по проникновению в прошлое и не нужно делать, что настоящее – это естественная, вполне оправданная точка зрения по отношению к прошлому. Этой позиции и придерживаются сторонники презентизма. Но в этом случае мы заведомо отказываемся от понимания прошлой жизни.

Безусловно, проникновение в духовный мир людей прошлого возможно только потому, что между сознаниями историка и людей прошлого есть что-то общее, обусловленное их общечеловеческой принадлежностью, и в противном случае проникновение в духовный мир прошлого сделалось бы невозможным.

Воспроизведение сознания людей прошлого, насколько это возможно, только и сообщает прошлому характер реальности. Подобное воспроизведение – наша точка опоры в постижении прошлого, которое мы вынуждены воспринимать из настоящего. И если мы действительно хотим постигать прошлое, то у нас нет иного пути, как вообразить людей, которые жили и действова-

ли при тех условиях, в той социальной действительности. Если мы намерены не только конструировать прошлое, но и нечто реконструировать, воспроизводить в нем, то этим «нечто» может быть именно духовный мир людей прошлого.

Предлагавшиеся методы проникновения в духовный мир прошлого

То, что для понимания прошлого необходимо проникнуть в духовный мир людей прошлого, признавали многие философы. И они пытались разработать методы подобного проникновения. Так, В. Дильтей различал науки о духе и науки о природе², а также внутренний и внешний опыт человека, и он считал, что природу человек познает (насколько он способен ее познать) с помощью внешнего опыта, опосредуемого чувственным восприятием и рассуждением, а духовную реальность он постигает с помощью внутреннего опыта (вживания, сопереживания, понимания) [10]. Вживание в прошлую жизнь возможно, конечно, на основе каких-то следов прошлого. Таковыми следами могут быть письменные тексты, а также разнообразные неписьменные следы. В. Дильтей предполагал проникновение в прошлое с помощью текстов, понимания их первоначальных смыслов. Он также имел в виду, что вживания в дух иной эпохи возможно достичь на основе проникновения в субъективный мир выдающихся личностей данной эпохи. Поэтому он придавал особенное значение такому историческому документу, как биография.

Различение наук о духе и наук о природе принимал и Х.Г. Гадамер. Он считал, что методологической процедурой наук о духе (гуманитарных наук) является понимание. Он, однако, подчеркивал, что понимание имеет значительно более широкое значение, чем познавательный прием гуманитарных наук. «...Науки о духе, – писал Х. Гадамер, – сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории» [11, с. 39]. Понимание он осмысливал как сугубо языковую практику, тщательно избегая психологизма в трактовке понимания. Он также считал, что герменевтика не должна стремиться к реставрации изначальных смыслов, будь то смысл художественного произведения, подразумеваемый его автором, или смыслы прошлой жизни, что она занимается не восстановлением, а порождением смыслов, и всякий акт понимания есть, в сущности, порождение смысла.³ «...Герменевтическая деятельность, для которой пониманием называлось бы восстановление первоначального, – это только сообщение умершего

смысла», – писал Х. Гадамер [11, с. 218]. А живой смысл, следовательно, – это понятия и представления настоящего, которые познающий субъект будет вкладывать в тексты и факты прошлого, делая вид, что он его изучает. То есть, Х. Гадамер отклонял интенцию герменевтики на проникновение в духовный мир прошлого, которая присутствовала у В. Дильтея и еще ранее у Ф. Шлейермахера. Его союзником оказывался Гегель, который считал, что настоящее раскрывает истинный смысл прошлого. Но у Гегеля это убеждение опиралось на представление о необходимом и целенаправленном (разумном) характере исторического развития, а Гадамер пытался обосновать примат настоящего на почве герменевтики. Он утверждал, что более глубокое понимание текстов и исторических явлений достигается на исторической дистанции от них, так что эту дистанцию не следует преодолевать, а следует, напротив, сохранять временное отстояние от них, то есть оставаться в настоящем. Точнее, по Гадамеру, эту дистанцию все же нужно преодолевать, но не путем перемещения в прошлое, а путем включения прошлого в горизонт настоящего [11].

Обратимся также к взглядам Ф.Р. Анкерсмита. В книге «Нарративная логика» (1983) [12] он противопоставлял позиции «нарративного реализма» и «нарративного идеализма». Под нарративным реализмом он понимал представление о том, что нарратив историка отражает, воспроизводит прошлое, его структуру. А нарративный идеализм полагает, что нет какого-либо структурного соответствия между нарративом и прошлым, что нарратив изображает прошлое при помощи таких сущностей, которые не являются частями или аспектами прошлой действительности. И Анкерсмит присоединялся к нарративному идеализму, он писал: «Нам следует остерегаться интуитивного восприятия нарратива как результата рефлексии о структуре, внутренне присущей прошлому» [12, с. 130]. Действительно, нарратив не может воспроизводить структуру прошлого, потому что прошлое не имеет собственной структуры, прошлое структурируется сознанием историка, вот, в частности, с помощью нарратива, и Анкерсмит показывал в данной книге, как нарратив это выполняет. Но не надо забывать, что прошлое, интересующее историка, уже было структурировано, когда оно было настоящим, – структурировано сознанием своих современников, и эта работа не может, не должна быть безразлична историка, изучающему этот фрагмент прошлого и пишущему нарратив, она должна быть учтена в его нарративе.

В книге «Возвышенный исторический опыт» (2005) [13] взгляд Ф. Анкерсмита на историческое познание

2 В. Дильтей утверждал, что все социально-гуманитарные науки есть науки о духе, поскольку вся человеческая действительность есть порождение духа, и все социально-гуманитарные науки есть исторические науки, поскольку эта действительность претерпевает историческое развитие.

3 Всякое понимание текста действительно есть надделение текста смыслом, так как сам в себе текст смысла не содержит, и понимание произведения искусства, осуществляемое в актах его восприятия и исполнения, тоже есть надделение смыслом. Но это не может дискредитировать стремления раскрыть тот смысл, который вкладывался в тот или иной передатчик смысла ранее, изначально.

существенно изменился. В этой книге он противопоставляет язык и опыт и критикует «лингвистический трансцендентализм». Под лингвистическим трансцендентализмом Ф. Анкерсмит понимал представление о том, что историческое и гуманитарное познание обязательно опосредствуется языковыми средствами, что невербальный опыт здесь невозможен, и голландский философ считает, что это убеждение характерно для философии XX века (структурализм, герменевтика, постструктурализм, тропология...). Надо снять оковы языка, исключить такого посредника, как язык, уклониться от того влияния, которое он оказывает на наши концепции прошлого, и это будет подлинный опыт постижения прошлого. Этот опыт должен совершить историк, и он будет представлять собой прямое, непосредственное проникновение к прошлому, минуя язык. Этот опыт будет субъективным, целиком основывающимся на личности историка, на его особых способностях. То есть, «возвышенный исторический опыт» Анкерсмита есть невербальный опыт. Он говорит о прямой встрече настоящего с прошлым, которая может случиться с человеком – инсайте, прорыве, откровении, и толчком к этому могут послужить самые разные и случайные вещи, связанные с прошлым – «строчка в газете, гравюра, обрывок старой песенки...». Голландский философ приводит свидетельства Й. Хейзинги, описывавшего происходившие с ним подобные соприкосновения с прошлым, которые и вдохновили его на создание знаменитой работы «Осень средневековья», а также свидетельства других мыслителей и художников о случаях вживания в прошлое. Текст – могучее средство исторического познания, и некоторые мыслители вообще начинали историю с того рубежа, откуда до нас начинают доходить письменные источники, тем не менее текст в известном смысле представляет собой барьер на пути к познаваемой исторической реальности, потому что текст еще нужно истолковать. Текст требует истолкования, а оно может быть различным, многообразным.

Истолкование мы производим из настоящего, и оно неизбежно будет нести в себе дыхание настоящего, если не ставить специально цель проникнуть к изначальному смыслу. А «возвышенный исторический опыт», который описывает Ф. Анкерсмит, должен быть свободен от этого затруднения, потому что он предполагает погружение в прошлое, – погружение, минуя текст. Впрочем, под опытом В. Анкерсмита понимал и «опыт чтения», то есть вербальный опыт, но это чтение тоже должно быть особым – не связанным с толкованием текста и основывающимся опять же на личности историка, на его особой способности погружаться в текст, растворяясь в нем «как кусок сахара в чашке чая». Ясно, что подобное растворение в тексте, без его истолкования, означает проникновение в его изначальный смысл, вкладывавшийся в него самим автором. Вообще, к какой реальности хочет прорваться Ф. Анкерсмит, преодолевая барьеры языка, к какой реальности выводит нас «возвышенный исторический опыт»? Очевидно, что это – духовная реальность, та реальность, которая и определяет характер жизни людей.

Заключение

Несостоятельно мышление о прошлом как некоей объективной реальности. В таком качестве прошлое никогда не существовало, даже когда оно было настоящим. Прошлое существовало в сознании людей – своих современников, когда оно было настоящим, и существует в сознании людей, уже не являющимися его современниками, когда оно становится прошлым.

Историческая реальность есть конструируемая реальность, она конструируется историками. Но это не значит, что конструирующая деятельность историков может ни с чем в прошлом не соотноситься. Она должна соотноситься с той конструкцией реальности, которая была создана самими людьми, жившими в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kleinberg, E. *Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past*. Stanford: Stanford University Press, 2017. 302 p.
2. Herman Paul and Ethan Kleinberg. *Are Historians Ontological Realists? An Exchange*. *Rethinking history*. 2018. Vol. 22, Issue 4. Pp. 546-557.
3. Августин А. *Исповедь*, книга XI.
4. Шюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.
5. *The Varieties of History: From Voltaire to the Present*. Edited, selected and introduced by F. Stern. New York, Vintage Books, 1973. 531 p.
6. Кроче Б. *Теория историографии // Теория и история историографии*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 8-98.
7. Арон Р. *Введение в философию истории // Избранное: Введение в философию истории*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 213-524.
8. Шеллинг Ф.В.Й. *Система трансцендентального идеализма // Соч. в 2 т. Т. 1*. М.: Мысль, 1987. С. 227-489.
9. Блок М. *Апология истории, или ремесло историка*. Издание второе. М.: Наука, 1986. 256 с.
10. Дильтей В. *Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. в 6 т. Т. 1*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270-730.
11. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
12. Анкерсмит Ф.Р. *Нарративная логика: Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
13. Анкерсмит Ф.Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Изд-во «Европа», 2007. 612 с.

© Алферов Анатолий Александрович (Antal@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ И ВРЕМЯ

Алферов Анатолий Александрович

Д.ф.н., доцент, Южный федеральный университет

Antal@list.ru

HISTORY AS A PROCESS AND TIME

A. Alferov

Summary: The understanding of history as a process is substantiated. The relation of the modes of historical time: present, past and future is considered. The defining significance of historical consciousness for the history is shown. As characteristics of the historical process, the emergence of a new one, variability, irreversibility, and uncertainty are called and considered. It is proved that the representations of synergetics give a successful model of the historical process. It is shown that the postmodern approach to history leads to the destruction of historical consciousness.

Keywords: historical process, historical consciousness, time, present, past, synergetics, postmodernism.

История есть процесс. Этот процесс предполагает те или иные события и те или иные изменения в характере жизни людей, обществ. Если бы никаких изменений в жизни людей не происходило, то не было бы и истории как таковой.

Всякий процесс разворачивается во времени. Исторический процесс осмысливается с помощью представлений о настоящем, прошлом (прошедшем) и будущем. Между настоящим, прошлым и будущим существует определенная связь, выстраивается определенное отношение. Это отношение вкупе с самими понятиями настоящего, прошлого и будущего образуют историческое сознание. Одновременно настоящее, прошлое и будущее предстают модусами исторического времени. Настоящее, прошлое и будущее – представления исторического сознания и модусы исторического времени.

Физически человек всегда пребывает в настоящем, проживает в нем всякий миг своей жизни. Прошлого уже нет, а будущего еще нет. Прошлое и будущее существуют в сознании человека. Еще Августин задавался вопросом о природе прошлого и будущего, и он приходил к выводу, что прошлое у нас есть потому, что мы обладаем памятью, а будущее существует для нас благодаря другой способности нашей души – способности ожидать, предвкушать, надеяться... «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего, – пишет Августин. – Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе,

Аннотация: Обосновывается понимание истории как процесса. Рассматривается отношение модусов исторического времени: настоящего, прошлого и будущего. Показывается определяющее значение для истории исторического сознания. В качестве характеристик исторического процесса называются и рассматриваются возникновение нового, вариативность, необратимость, неопределенность. Доказывается, что представления синергетики дают удачную модель исторического процесса. Показано, что постмодернистский подход к истории ведет к разрушению исторического сознания.

Ключевые слова: исторический процесс, историческое сознание, время, настоящее, прошлое, синергетика, постмодернизм.

и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» [1, с. 222].

Если прошлое содержится в сознании человека, то, значит, в нем присутствует и история. Историю образует то, что представлено в сознании. А условием, предпосылкой истории является обращенность сознания к прошлому, то есть существование исторического сознания. Если нет исторического сознания, то нет и истории.

О. Шпенглер, как известно, полагал, что разные культуры демонстрируют различное отношение ко времени, что одни культуры безразличны ко времени, а другим свойственно обостренное чувство времени. Античную культуру он относил к первым. О. Шпенглер представлял историю человечества в виде развития отдельных неповторимых культур и стремился выявить их своеобразие, духовную основу. Каждая культура у него определяется ее неповторимой «душой», которая проявляется во всех сторонах жизни того или иного народа. И постигая душу античной культуры, он утверждал, что ей не присуще чувство исторического времени. Древний грек, – говорил он, – немедленно предавал действительное прошлое забвению, замещая его поэтическими вымыслами в виде мифов. Ему нужен был миф, а не история. В сознании античного человека, – пишет Шпенглер, – «...не существует прошедшего и будущего в качестве упорядочивающей перспективы, и все оно полно в совершенно непостижимой для нас степени настоящим...» [2, с. 41]. В подтверждение своей точки зрения он обращался к характеру античного искусства, архитектуры, литерату-

ры, науки – математики, физики, астрономии, к философским взглядам, культу, обрядам, сочинениям историков и т. д.

Античное мировоззрение, как известно, имело космоцентрический характер. Космос же, по античным представлениям, есть нечто конечное, вечное, неизменное и прекрасное в своей неизменности. Античный человек жил в этом вечном космосе, а не в истории.

А западноевропейской культуре свойственно, по мнению Шпенглера, обостренное чувство времени. Это находит выражение в обращенности к прошлому и будущему: в интересе к действительному прошлому и устремленности в будущее. Острое чувство времени западноевропейца О. Шпенглер демонстрирует, как и равнодушие ко времени древнего грека, на различных проявлениях культуры. Так, он пишет: «Среди народов Запада немцы стали изобретателями механических часов, этого жуткого символа убегающего времени, чей днем и ночью с бесчисленных башен Западной Европы звучащий бой есть, пожалуй, самое мощное выражение того, на что вообще способно историческое мироощущение» [2, с. 47]. «А наши музеи, куда мы сносим всю совокупность ставшего чувственно-телесным прошлого! Разве и они не являются первостепенным символом? Разве их назначение не сохранить, наподобие мумий, «тело» всей культурной истории?» [2, с. 202]. Что же касается античной культуры, то О. Шпенглер считал, что эта культура для европейца чужая и далекая, в частности, в отношении восприятия времени.

С утверждением О. Шпенглера о вневременной сущности античной культуры вполне согласуется и оценка М.М. Бахтиным древнегреческой литературы – именно, хронотопа греческого романа. В этом романе происходит нанизывание отдельных событий, авантюры, но в героях при этом ничего не меняется, какими они входят в эту цепь авантюры, такими и выходят из нее. Время здесь совершенно не вымерено, а цепь авантюры могла бы длиться сколь угодно долго: совершенно неопределенное время, «вневременное зияние» между начальным и конечным пунктами романа, как отмечает М.М. Бахтин [см. 3].

Исторический процесс, взятый в достаточно общем виде и на достаточном временном интервале, есть возникновение чего-то нового, того, чего раньше не было, рождение новых форм жизни людей. Конечно, в возникающем новом всегда можно усмотреть некоторые черты старого, имевшего место в прошлом. Но даже при сознательной ориентации исторических деятелей на какие-то образцы прошлого воспроизведения прошлого в истории не бывает, а рождается новая социальная реальность. В этом смысле характеристикой исторического процесса можно считать необратимость.

Конечно, в истории мы имеем дело и с циклическими процессами, которые характеризуются повторяемостью, и социальные науки фиксируют подобные процессы, например экономическая наука фиксирует ритмику подъемов и спадов в экономике, те же знаменитые циклы Кондратьева, и другие циклы. Но подобные циклические колебания, устанавливаемые социальными науками, обычно относятся только к какой-то определенной сфере общественной жизни. Во-вторых, они не предполагают абсолютной повторяемости, в этих колебаниях и через них проступают изменения. В третьих, те или иные колебательные ритмы не безграничны во времени, они имеют исторически преходящий характер: они устанавливаются когда-то и где-то в истории и когда-то прекращаются или преобразуются коренным образом. «Ни в экономике, ни в народонаселении, ни тем более в политике не наблюдается вечный цикл, который проходил бы через переломы исторической непрерывности», – замечает Р. Арон [4, с. 426]. История как возникновение нового в своем развертывании преодолевает повторяемости, обнаруживая их относительный и преходящий характер.

Исторический процесс может быть интерпретирован в категориях возможности и действительности. А именно, он есть такой процесс, в котором какие-то возможности реализуются и превращаются в действительность, а из действительности проистекают новые возможности. Всякое достигнутое историческое состояние есть результат реализации определенной возможности развития, одной из многих, и это состояние в свой черед беременно какими-то возможностями. Разумеется, превращение той или иной возможности в действительность осуществляется в истории через человеческую деятельность и сами возможности существуют не иначе, как в деятельности людей.

Исторические возможности, однако, нам не известны. Они не известны ни относительно прошлого (в нем мы знаем только ту возможность, которая реализовалась, а относительно иных возможностей, которые, несомненно, были, приходится только гадать), ни, тем более, относительно будущего. Мы, конечно, предполагаем, что наличное историческое состояние ограничивает каким-то образом поле возможностей последующего развития, но это не сообщает нам способности делать научные предсказания относительно будущего, так как мы не знаем ни этих возможностей, ни того, сколько их.

Сегодня историческая наука, как и социально-гуманитарное познание в целом, обращается к синергетике. Эта область знания первоначально возникла на почве физики и химии, она рассматривает процессы самоорганизации в открытых нелинейных системах. Она заостряет внимание на когерентных эффектах в системах этого типа – эффектах, выражающихся в том, что элементы

системы начинают вести себя согласованно, «дружно». В появлении синергетики сыграло роль стремление преодолеть противоречие между вторым началом термодинамики, согласно которому развитие идет от более упорядоченных состояний к менее упорядоченным, и развитием в живой природе, сопровождающимся повышением уровня организации живых существ. Синергетика показала возможность движения в сторону упорядоченности и в неживой природе, установив, что процессы в открытых системах вообще могут быть процессами самоорганизации. На основе представлений синергетики в терминах упорядоченности–неупорядоченности возникает определенная модель развития. А именно, развитие предстает как смена неупорядоченных, хаотических и упорядоченных, устойчивых состояний. При этом важную роль в интерпретации синергетикой развития играют присутствующие в ней идеи неопределенности (принципиальная невозможность определить, в каком направлении будет происходить развитие) и необратимости (невозможность возврата системы к пройденным состояниям). Синергетика также устанавливает, что на пике неустойчивости неравновесной системы толчком к самоорганизации может послужить сколь угодно малая спонтанная флуктуация [см. 5].

Мы полагаем, что синергетика, если не преувеличивать значение собственно терминологии, не многое может сообщить историку о характере исторического развития, чего бы он не знал до нее или интуитивно не чувствовал, но именно поэтому союз исторической науки с синергетикой кажется более продуктивным, чем с какой-нибудь другой естественной наукой. Как отмечал С.Г. Гомаюнов, воздействие синергетики на биологию и общественные науки отчасти объясняется «своеобразным «узнаванием» синергетики биологами, социологами, экономистами, историками» [6, с. 100]. Действительно, историку, например, хорошо знакомы по истории и необратимый характер развития, устанавливаемый синергетикой, и роль случайностей, и возможность различных путей развития, открывающаяся в определенные критические моменты истории, и то, что малые и случайные события могут стать катализаторами важных социально-исторических изменений. «Узнавание» синергетики историческими науками определяется тем, что она внесла историзм в понимание процессов, совершающихся в природе. Как бы то ни было, можно констатировать, что представления синергетики вырабатывают хорошую, адекватную модель исторического процесса.

В постмодернистской философии история мыслится как форма словесного дискурса, нарратология. Постмодернисты исходят из того, что история имеет дело с письменными источниками, текстами, и они утверждают, что эти тексты и есть историческая реальность, за которой нет никакой иной реальности – ни объективной, ни субъективной. Они провозглашают, что означаемое не

существует вне означающего, до процесса означивания. Представление о том, что означаемое существует помимо означающего, есть, по их убеждению, недопустимое представление о «трансцендентальном означаемом».

Постмодернисты отказываются мыслить историю как процесс. Уже М. Фуко разбивал историю на отдельные синхронические, статичные образования – эпистемы или дискурсивные формации. А между этими статичными блоками он не устанавливал никакого перехода и не ставил вопроса об их возникновении. Историю, по его утверждению, характеризует радикальная прерывность [см. 7].

Очень показательна в этом отношении операция на времени, которую производил Ж. Делез. Он накачивал настоящее, раздвигал его границы – так, чтобы оно поглотило прошлое и будущее. Тем самым он останавливал время, так как если не будет прошлого и будущего, то все будет настоящим, все будет здесь и теперь. Это разбухшее настоящее он вслед за стоиками именовал Хрономосом и, вдохновленный стоиками, писал: «Иногда можно сказать, что только настоящее существует, что оно впитывает в себя прошлое и будущее, сжимает их в себе и, двигаясь от сжатия к сжатию, со все большей глубиной достигает пределов всего Универсума, становясь живым космическим настоящим» [8, с. 86]. А другое прочтение времени у него – Эон. Это такое прочтение времени, в котором настоящее интерпретируется как водораздел между прошлым и будущим – исчезающе малый водораздел, через который будущее перетекает в прошлое. Эон, согласно Делезу, является местом событий, но события, как он разъясняет, бестелесны и являют собой поверхностные эффекты от взаимодействия тел, заполняющих Хронос.

Подлинным временем у Делеза является Хронос, он неустанно подчеркивал, что Эон – это только поверхностный эффект, что Эон пуст, бестелесен, пустая форма времени, свободная от телесного содержания настоящего. А Хронос материален, заполнен телами, между которыми существуют отношения каузальности, физическими качествами, «физический и циклический Хронос живого изменяющегося настоящего», в отличие от пустого настоящего Эона, бесконечно разлагающегося на прошлое и будущее. Свободный от материи и телесности Эон, очевидно, представляет собой сознание – временное историческое сознание, которому Делез отказывает в реальности. Но без исторического сознания, как мы уже отмечали, не может быть истории. Поэтому можно сказать, что подобная интерпретация времени, которую предлагал Ж. Делез, представляет собой попытку закрыть историю, вывести нас из нее. И постмодернизм, претендуя на радикальную перестройку всего мировоззрения современных людей, действительно провозглашал «конец истории».

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин А. Исповедь, книга XI.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Эстетика словесного творчества. М., 1976.
4. Арон Р. Введение в философию истории // Избранное: Введение в философию истории. М. – СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
6. Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004.
8. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.

© Алферов Анатолий Александрович (Antal@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южный федеральный университет

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ ПЕЩЕРНИЧЕСТВА

METHODS FOR STATE REGULATION OF RELIGIOUS CAVING PRACTICE

Yu. Poleva

Summary: The article highlights the main stages of state regulation of religious life and ascetic practice of cave asceticism in the South of Russia during the 17th - early 20th centuries; forms of asceticism in various confessional groups are considered: Orthodox, Old Believers and sectarian. The author analyzes the reasons for the growing popularity of cave digging and cave asceticism in modern times, during the period of persecution by the secular and church authorities of individual forms of asceticism and the consequences of such a policy on the development of cavemen.

Keywords: cave hermitage, cave digging, cave seclusion, Old Belief, dissident communities, deviation, Orthodox Church Belief, confessional persecution.

Полева Юлия Владимировна

*К.и.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры»
poleva_yuliya@mail.ru*

Аннотация: В статье выделяются основные этапы государственного регулирования религиозной жизни и аскетической практики пещерного подвижничества на Юге России на протяжении XVII-н.ХХ вв.; рассматриваются формы аскезы в различных конфессиональных группах: православных, старообрядческих и сектантских. Автор анализирует причины роста популярности пещерокопательства и пещерного подвижничества в новое время, в период преследования со стороны светской и церковной власти индивидуальных форм подвижничества и последствия такой политики на развитие пещерничества.

Ключевые слова: пещерное подвижничество, пещерокопание, пещерный затвор, старообрядчество, секты, девиация, православие, религиозные гонения.

На протяжении длительного периода с XVII по первую треть XX в. на территории Нижнего Поволжья и Подонья, развивалась крайняя форма аскетического подвижничества в форме пещерокопательства и пещерного затвора. Объединяя нередко значительные общины, пещерничество создавало определенные образцы поведения более значимые для адептов, чем общепринятые нормы, а часто и более значимые, чем действующие законы государства, регулирующие религиозное поведение. Это ставит перед нами проблему, как юридически государство пыталось регулировать эту форму подвижничества; какие методы применялись и насколько успешно осуществлялся такой контроль.

Немаловажным мотивом подземного затвора было стремление «скрыться» «бежать от мира». Говоря о выработке подземных полостей для культовых практик, необходимо оговорить вопрос о том, что есть норма и что есть девиация для «пещерного делания», конечная цель которого понималась как «подвиг» для «спасения души».

Обширный пласт православной житийной литературы, дает канонический образец пещерного подвижничества в обеих формах: «пещерокопательство» и «пещерный затвор». Благодаря Киево-Печерскому патерику эти формы подвижничества вдохновляют все новых адептов вплоть до XX в. То есть мы видим, что пещерничество задано как особая норма поведения, поощряемая именно как подвиг. Светская власть в средневековье не претен-

дует на вмешательство в регулирование поведения монахов как церковных людей. Такая позиция власти опиралась на действующее законодательство, известное как «Устав Владимира Святого» [1. 544-545]. Запрет на вмешательство светской власти в церковные дела восходит к византийскому сборнику церковного права VI-VII в. «Номоканону». В глазах светского человека русского средневековья пещерник – человек однозначно святой. А вот внутри самой церкви не было единого отношения к пещерничеству как к безусловной норме монашеского подвига. Это хорошо проявляется в патериках, например, в «Киево-Печерском патерике» [2. 7-81] в эпизодах о первоначальном запрете игуменом пещерного затвора для будущих святых Никиты и Лаврентия затворников. Жития этих святых раскрывают историю дьявольского прельщения этих монахов в пещере, что чуть не завершилось их гибелью. Такие же эпизоды мы видим в Синайском патерике, повествующем о подвижничестве раннехристианского монашества. То есть сфера применения «пещерного делания» в монашестве, на самом деле был ограничен самой церковью. Оно признавалось возможным только для опытных в духовной брани подвижников, умеющих отличать «хитрые обольщения сатаны от действий благодати» [3. 190]. Нельзя сказать, что устав полностью определял развитие традиции этой формы подвижничества на юге России. Напротив, стремление к индивидуальной аскезе, к пустынночеству, безмолвию, пещерному деланию приводило к уходу некоторых монахов и создание пустыней в отдаленных ме-

стах. Например, Донские казаки почитали основателей Кременской Вознесенской обители - семерых братьев, являвшихся современниками Ермака¹. Пещеры в Каменном байраке близ монастыря, согласно преданию, были местом их подвижничества [4. 168-172].

Церковный собор 1666-1667 определивший раскол русской православной церкви, породил новое явление убеждение, что поскольку нечестием людей «на тридцать сажен осквернена земля» [5. 249-258], то единственное спасение для христианина возможно в результате разрыва всех социальных связей, бегства от мира в пещеры: «Уходите вы, мои свету, Вы во горы, во вертепы, Вы во пропасти земныя. Засыпайтесь вы, мои свету, Вы пеплами и песками, еще мелкими хрящами. Вы постойте, мои свету, за крест и за молитву, и за веру христианскую» [6. 15]. Эта мысль проходит красной нитью через старообрядческие стихи, псалмы и пр. Власть в лице царя Алексея Михайловича и смещенного патриарха Никона воспринимаются староверами как «два рога антихриста». То есть мы видим, что религиозный кризис получил политический контекст. Этот кризис достиг своего апогея во время старообрядческой войны. 1686-1688 гг. на Дону. Восставшие требовали прежде всего отмены реформ патриарха Никона, исправлений книг и обрядов. Центром восстания стали меловые горы на Медведице близ устья р. Арчеда. Спецификой восстания было присутствие в руководстве двух старцев-пещерников с Волги. Сам предводитель восставших казаков-старообрядцев Кузьма Косой именовал себя «Святогорским», что опять претендует на придание сакральной легитимности социальному конфликту. Кузьма Косой был казнен после многочисленных пыток, а вот судьба старцев нам до конца не известна. «А в Медведице реке, которые были в горах Кузьки Косого советники и те все также собрався, вышли в дальние места в вершину реки и живут в крепях² близко Танбова и Козлова и расколу не отстанут» [7. 2196]. Необходимо помнить, что эти события приурочены к периоду дуумвирата Петра и Иоанна Алексеевичей под регентством царевны Софьи. Софья проявила себя как жесткий преследователь старообрядцев еще в 1685 г. были приняты «Двенадцать статей царевны Софьи», где старообрядцев, отказывающихся принять исправления, приказывалось пытать и в случае упорства «жечь в срубе и пепел развезать» [8. 419-422]. Тем не менее, сама практика личной аскезы не подвергалась юридическому регулированию.

Становление абсолютизма, оформление Российской

империи в правление Петра I кардинально изменило положение института церкви в государстве. Ее превращение фактически в имперский бюрократический аппарат привело к усилению государственного контроля над всеми формами религиозной жизни в России.

Создание Святейшего правительствующего синода в 1721 г. способствовало развитию таких социальных функций религии, как использование религиозных санкций в качестве форм социального контроля общества, а также для поддержания стабильности существующего государственного порядка. В новом политическом контексте индивидуальный мистический религиозный опыт, как императив, получаемый напрямую «сверхъестественным» образом, был антагонистичен церкви как бюрократическому институту.

В 20-х гг. XVIII в. предпринимается ряд шагов, по ограничению народных форм религиозности, понимаемых властью как суеверия: Принят ряд указов, упразднявших часовни: деревянные подлежали сносу, каменные употреблению на иные нужды; снимались надвратные иконы; изымались чудотворные иконы в ризницы кафедральных соборов [9. 187-193]. В том числе было запрещено странничество, затворничество, столпничество и прочие особо суровые индивидуальные формы аскезы, которые могли усилить авторитет личности подвижника в ущерб авторитету института церкви [10. л.245].

Однако народная религиозность по-прежнему преимущественно поддерживала подвижников. Христианское мученичество за веру стало такой же нормой для церковного сознания, как и аскетизм еще во II-III в., когда мученичество было «самым сильным доказательством истины христианства» [11. 56]. В целом на протяжении всего XVIII в. намечалось некоторое смягчение государственной политики по отношению к старообрядцам, хотя они и подвергались религиозной дискриминации: не могли занимать государственных и иных должностей, обкладывались двойным подушным налогом и т.д. Но жестокие условия «двенадцати статей царевны Софьи» прекратили свое действие еще при Петре I. Положение старообрядцев значительно было облегчено в правление Петра III и Екатерины II. Однако, личная аскеза, в том числе пещерничество подвергалось жестким преследованиям, как явная девиация, при том преступного характера. Пещерников подозревали как минимум в мошенничестве, а также в изуверстве, фальшивомонетничестве³ и т.д. Редкое исключение о признании новых

1 «... Нам передавали, что когда копали ямы для крестов, то находили человеческие кости, основываясь на древних преданиях, кости эти считаются костями семи братьев. По одному акту, хранящемуся в Донской консистории, убийство это относится ко времени Ермака». См.: Кременский Вознесенский монастырь // Войсковые областные ведомости: часть неофициальная. 1876. № 4.

2 Крепь горная, искусственное сооружение, возводимое в подземных выработках для предотвращения обрушения.

3 А. Артемьев отмечал, что в с. Синенькие, где существовала секта подпольников, развиты фальшивомонетничество и подделка документов. Подобные же обвинения в адрес старообрядческого монаха Антония, при этом с указанием на изготовление фальшивых денег именно в пещере мы встречаем у Леопольдова в «Историческом очерке Саратовского края». Подобный вид деятельности, очевидно, связан с общей концепцией легитимности власти у этого направления сектантства

рукотворных пещер православными Синодом было сделано для Белогосских пещер Воронежской епархии. Однако путь признания пещер, выкопанных М. Шерстюковой и ее поклонниками был не прост. Борьба между местными иерархами РПЦ и пещерокопателями завершилась неожиданным вмешательством императора Александра I, признавшего эти пещеры [14. 34].

В 1764 г. по указу Екатерины II были секуляризованы монастырские земли. Монахи стали получать жалование согласно штатному расписанию. Штатные монастыри были разделены на три класса, но многие выведены за штат и упразднены. Такая судьба постигла Мигулинский, Усть-Медведицкий и Кременско-Вознесенский монастырь. Позже Войско Донское добилось восстановления двух последних, за штатом, на содержании от Области Войска Донского. С этого времени в запустение приходят многие пещерные монастыри в Воронежском Подонье. Шатрищегорский пещерный монастырь также был упразднен, но по-прежнему посещаем паломниками. Гражданским властям было поручено уничтожить пещеры. Полиция у пещер столкнулась с местным населением, которое встало на защиту почитаемой святыни. В итоге «пещеры остались открыты и еще более чтимы» [13. 811]. Этот конфликт наглядно иллюстрирует, что народные представления о святости не всегда совпадали с церковными.

Представление о святости пещер среди простого народа распространяется как на признанные православной церковью пещеры, так и на пещеры, принадлежащие иным толкам. Как оказалось, органы власти не располагали реальными возможностями (ни догматическими, ни идеологическими, ни карательными), чтобы справиться с таким массовым проявлением народных убеждений. Многие пещеры оказались завалены, а пещерокопатели разогнаны, но развитию пещерокопательства это не препятствовало. В Белогорском и Шатрищегорском монастырях, как и в других случаях, губернские и епархиальные органы власти оказались вынуждены идти на компромисс с верующими. Конфликт между властью и простым народом нарастает и государство не находит эффективных инструментов для его регуляции. Конфликт во многом опирается на своеобразный «цивилизационный раскол» российского общества, образовавшийся в итоге реформ Петра I, на секулярную прозападническую культуру (город и высшие сословия) и почвенничество (крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения России). Этот «цивилизационный раскол», на самом деле объективно был неизбежен для русской цивилизации, вступившей в Новое время. По мере развития городской секулярной культуры, политических реформ на базе философии Просвещения и развития промышленности неизбежно нарастали противоречия между архаизированным миром крестьянской общины и рациональным миропониманием элит, в том числе и церковных. Излишнее молитвенное усердие мирянина

казалось церкви подозрительным, вызывало нередко расследование по подозрению в уклонении в раскол или сектантство. Политика Синода была не в состоянии успешно решать нарастающие противоречия с народной религиозностью, и мы видим, что радикальные формы личной аскезы процветают, пещерничество развивается, особенно активно в различных сектах и разных старообрядческих толках. Особенно наглядно это прослеживается на материале Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья.

С 1827 г. переход в старообрядчество стал уголовным преступлением. Подземные сооружения, создаваемые различными толками старообрядчества, выполняли важную функцию сохранения этих конфессиональных групп. Скрытность становится одним из распространенных атрибутов подземных культовых сооружений. Это отражается на материале уединенных старообрядческих скитов, возобновляющих весьма архаичные представления о пещере как сакральном помещении и убежище от преследования светских гонителей [14. Л.218].

После разгрома Иргизских монастырей 28 мая 1841 г. центр Поволжского старообрядчества сместился в Хвалынский, где на горах Черемшана с XVII в. существовали старообрядческие скиты. Политическое преследование старообрядчества не способствовало преодолению раскола, а провоцировало развитие антагонистических отношений между преследователями и гонимыми, находивших выражение, в том числе, в пространственных категориях. Интегративной основой для гонимых старообрядцев остается обращение к «древнему благочестию» принципам понятным и привлекательным для простого населения. Личная аскеза и пещерный затвор были наиболее наглядным их воплощением. Отношения полиции к пещерным практикам старообрядцев хорошо раскрыта Л.Т. Мизякиным на материале Черемшанских скитов: «...Здесь, в глуши лесов, в тущобах и пещерах затеплились первые лампы и по ночам раздавались молитвенные гимны. Время от времени наезжали светские и духовные власти с понатыми. Разметывали “гнездилище разврата раскольнического”, одних вязали и заковывали, других разгоняли... Все это вело лишь к тому, что люди подвигались все глубже и глубже в леса, отыскивали более скрытные пустыни, зарывались в подземелья, и в результате возникали новые обитатели и общежития» [15. 6].

Фактически сами преследования способствовали формированию таких представлений о подземном пространстве как об убежище и как основе новой, антагонистической легитимной, структуры. Психологически закреплялось представление о «спасительности» даже временного подвига пещерничества. Эти представления часто попадали даже в обыденную жизнь старообрядцев: «В России тогда для старообрядцев было суровое бесправное время. Грамота раскольникам в то время была строжайше запрещена, вследствие чего

о. Серапион, будучи еще мальчиком, должен был уходить в погреб, чтоб почитать какую-нибудь книгу. Все это известным образом сказало на его характере» [15. 11]. Несмотря на общую институализацию и бюрократизацию религиозной жизни в православной церкви в этот период, авторитет личности, ведущей подвижнический образ жизни, оставался по-прежнему высок и даже мог вызвать сочувствие властей: «Местное начальство очень уважало о. Серапиона... Власти г. Хвалынска часто посещали Черемшан, особенно летом. Нередко можно было видеть исправника, беседующего с о. Серапионом, а пристав С... прямо покровительствовал Черемшану. Этим можно объяснить то обстоятельство, что Черемшан за все время существования ни разу почти не подвергался репрессиям со стороны полиции» [15. 14]. Личная харизма о. Серапиона и подвижнический образ жизни являются лишь одной из предпосылок своеобразной ситуации, сложившейся на Черемшане. Ведь лояльное отношение местных властей к старообрядческим скитам здесь было довольно распространено, на что жаловались миссионеры и иерархи. И система взяток, обеспечивавшая лояльность властей, лишь подтверждала, что сложившаяся старообрядческая коммуникационная система паломничества к Черемшанским святыням вполне эффективно обеспечивает устойчивое существование здесь скитов.

Эти старообрядческие скиты являлись некоторое время резиденцией старообрядческих иерархов Белокриницкого согласия, которые находились под особым наблюдением полиции, поэтому были предусмотрены подземные тайники на территории скитов. Л.Т. Мизякин во время своего пребывания на Черемшане описал один из таких тайников: «На Черемшане для Афанасия (старообрядческий епископ Белокриницкого согласия. - Ю.П.) было устроено под беседкой подземелье, куда его и прятали в минуту опасности. Пол в беседке пригнан так искусно, что никому и в голову не придет, что он легко поднимается и опускается» [15. 38].

Уход под землю также являлся отражением социального протеста против светской власти и православной церкви – «истинные христиане всегда были гонимы», как любил повторять о. Илиодор.

Традиция пещерничества в старообрядчестве характерна для всего Поволжья. Так, А.И. Артемьев в отчетах статистической экспедиции по Саратовской губернии отмечал: «От города вниз по Волге поповская секта перешла уже в другую секту... Спасова согласия. Между этими селами примечательно с. Воскресенское (государственные и удельные крестьяне). В горах, окружающих село, скрываются беглые, землянки, в которых они живут, были неоднократно уничтожаемы, но на их месте всегда устраиваются новые» [14. 218 об].

Эта же традиция со всеми характерными особенностями развивалась в Области Войска Донского. Так, ста-

рожили станицы Нижне-Каргальской сообщали о разгроме старообрядческого скита, находящегося в балке близ станицы, но при этом добавляли, что два старика сумели избежать гонений [16. 9]. Можно сказать, что воспроизводимость и развитие этих толков, несмотря на преследования, были вполне успешны.

В период Великих реформ сложилась в целом более либеральная обстановка, но нельзя сказать, что контроль над сектантами и старообрядцами ослаб. По-прежнему Синод требовал тщательного учета всех уклонившихся от православия, по-прежнему полиция расследовала все выявленные случаи подпольничества, однако, чиновник статистического комитета МВД А.И. Артемьев в результате экспедиции по саратовской губернии пришел к выводу, что благочинные, полиция утаивают истинное положение дел, что бы не портить статистику. В своем статистическом отчете по состоянию раскола в Саратовской губ. А.И. Артемьев описывает распространенный факт, что «между беглопоповскими селениями образуется отдельная республика, пользующаяся громкой по всей стране славой... Зимой беглецы скрываются в подпольях у своих странноприимцев, а летом в окружающих село горах» [17. л.33. об.]. Мы видим, что своеобразная старообрядческая субкультура продолжает развиваться и в пореформенный период, усложняясь новыми толками.

В сектантских комплексах, где пещерное пространство воспринималось как антагонистическое наземному-греховному, пещерокопательство сопровождалось такими дезинтегративными процессами, как разрыв с семьей и своей социальной средой. Иван Черкасов осуждал безродненских духобратцев в том числе и за то, что мужчины и женщины шли в пещерное братство и оставляли окончательно домашнюю работу – честный труд и жили здесь «на людях» [18. 204]. В ситуациях, когда активизируются эсхатологические ожидания, пещера становится убежищем, местом, где «истинные христиане» способны спастись во время грядущего конца света и получить доступ в Царствие небесное.

Рост радикальных сект можно связать с ростом общественных движений в период великих реформ и промышленной революции. Реформы болезненно отозвались на уровне жизни крестьянства. Отсутствие рабочего законодательства ухудшало и без того тяжелое положение пролетариата, формирующегося из разоренного крестьянства. Неприятие разрушения традиционных патриархальных схем отношений между властью и народом принимало ожидаемую форму эсхатологических ожиданий. Встречаются групповые самоубийства сектантов в пещерах. Их масштаб не сопоставим с горями последней трети XVII в., однако, каждый инцидент крайне болезненно воспринимался общественностью. Так в Поволжье в селе Синенькие, зафиксирован и описан обряд «Красной смерти», где больного сектанта за-

колачивали в гроб, утыканный гвоздями и катали с горы, пока больной не умрет. В Поволжье этот обряд в д. Копены Саратовской епархии [17. л.33. об.]. В местной пещере произошло самосожжение сектантов. Подобный же эпизод описан в д. Костенки Воронежской Епархии [20. 42]/. Этот изуверский обряд воспринимался сектантами как своеобразный акт мученической смерти.

Законодательно ситуация кардинально изменилась под влияние первой русской революции 1905-1907 гг., когда были приняты «Основные законы российской империи». В этот период был принят закон о свободе вероисповедания. Поражение России в Русско-японской войне обнажило всю глубину кризиса политической системы, достигшего общенационального масштаба и выразившегося в революции 1905 - 1907 гг. Любой кризис сопровождается дезинтегративными процессами не только в экономической, политической и идеологической сферах, распаду подвергаются традиционный уклад, духовные ценности. Епархиальные отчеты периода первой русской революции фиксируют два основных процесса в духовной жизни своей паствы. Во-первых, мощный процесс секуляризации сознания, как православного населения, так и старообрядческой молодежи. Второй процесс отражал нарастание эсхатологических ожиданий среди сектантов. В условиях дестабилизации системы возрастает значение «религиозных виртуозов», которые предлагали верующим религиозные способы регулирования такого кризиса. Как правило, такие лидеры обладали сильной личной харизмой.

Массовое религиозное движение, возникшее под руководством о. Илиодора в Царицыне, можно рассматривать как своеобразную реакцию на нарастающую дезинтеграцию общества в кризисных условиях, разложение моральных и идеологических критериев всего общества, что вызывало дезориентацию личности, кризис ценностных норм. В 1911-1912 гг. иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов) создает в Царицыне грандиозный пещерный комплекс, насчитывавший три яруса [21. л.254.]. Мотивация его создания сочетала в себе как политические, так и эсхатологические моменты. Однако теперь губернское жандармское правление в большей степени интересуется

политическая лояльность религиозных общин, чем степень их соответствия православию.

Тем не менее, необходимо признать, что именно закон о свободе вероисповедания 1905 г. сделал более, нежели все миссионеры Святейшего Синода за XVIII-XIX вв. Он уничтожил основной посыл, который поддерживал радикальные религиозные движения: «Истинная церковь всегда гонима». Страдания за веру, скрытничество потеряли свой смысл, что повлияло на секуляризацию народных масс в целом. К сожалению, кризис ценностных норм в революционный период придал новый смысл сектантскому движению, привел к новым жертвам. Например, Традиционные эсхатологические ожидания шашковцев обострились в связи с образованием колхозов: «Наступает свету конец, – сказал он, – антихрист возликовал на грешной земле. Конец наступает христианству! Всех православных гонят в колхоз! Конец света! Кто хочет со мной замуроваться в Сионе пусть остается на месте. Кто не хочет – пусть облачается в мирские одежды и уходит в мир – не перечу! Даже благословляю!» [22. л.425.]. Возобновление практики добровольной смерти в радикальных сектах (душиловцы, скрытники, подпольники) мотивируется близостью конца света и Страшного суда. Преследования светской власти воспринимается как своеобразный знаменатель эсхатологических ожиданий в радикальных сектах и предвещает гибель мира, и определяет посмертную участь смирившихся с «антихристовым царством».

Добровольная смерть является способом преодоления насилия государства и истинным спасением в глазах сектанта. В некоторых случаях удавалось зафиксировать, что сектанты, принявшие решение о ритуальном самоубийстве, находились в экстатическом состоянии. Пещера, как сакрально выделенное пространство, воспринимается в качестве своеобразного перехода для «избранных» к царству Божьему. Таким образом наземное «профанное» пространство в религиозных представлениях противопоставлялось сакральному подземному пространству, свободному от контроля светской и церковной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Списки церковного устава святого Владимира. Список обширной редакции // митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. 12 томов. Т. 2. – Изд.: Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. – М.: 1994.
2. Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. – М.: Наука, 1999. – С. 7-81.
3. Устав общежит. монастыря, писанный для Коневской обители: Прибавл. 4, гл. 1 и 3 // Петр (Екатериновский, еп.). Правила и практика православной аскезы / Еп. Петр (Екатериновский). – СПб.: Статисъ, 2002. – 190 с.
4. Попов Н. Семибратская могила / Н. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1868, приложение к № 6. – С. 168-172.
5. Мельников-Печерский П.И. Собрание сочинений в 6 т. – М., Правда, 1963. Т.1, с. 249-288.
6. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб.: Изд-во «Питер», Серия «Лабиринты истории», - 2007. – 320 с.
7. Дополнения к Актам историческим собранным и изданным археографической комиссией. – СПб., 1872. – Т. XII.

8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 4. - СПб., 1836. С. 419-422. № 284.
9. Чистяков П.Г. Почитание местных святынь в российском православии синодального периода // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. Вып. 1(14)-2007. Материалы VI ежегодной научно-практической конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи». Казань, 2007. С. 187-193.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 2.. № 422/394. Л. 245.
11. Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. / А.И. Сидоров. - М.: Православный паломник, 1998.- 472 с.
12. Белогорские пещеры: Издание вновь открытой при Белогорских пещерах Воскресенской обители. - Павловск, 1889. - 71 с. (без сост.)
13. Шатрищегорский монастырь // Воронежские епархиальные ведомости. - 1875. - № 13. - С. 811- 822.
14. Артемьев А.И. «Сборник о раскольниках». Записки, отчеты, и прочее разных лиц, 1875 г. // РНБ. Отдел рукописей. - Ф. 37. №39. 1875. 256 л.
15. Мизякин Л.Т. Черемшан / Л.Т. Мизякин. - Саратов, 1909. - 76 с.
16. Из Донской старины. Ст-ца Нижне-Каргальская // Казачий вестник. - 1884. - № 19.
17. Артемьев А.И. Краткая записка о современном положении раскольников в Саратовской губернии. // РНБ. Отдел рукописей. - Ф.37. № 273. 26.09.1855. 68 л.
18. Черкасов И. Повесть о безродненских пещерокопателях в Астраханской губернии / И. Черкасов // Астраханские епархиальные ведомости. - 1889. С. 289-92; 305-310; 352-60; 401-410; 447-454; 486-96; 529-37; 590-598; 615-629.
19. РГИА. Ф. 797. Оп. 67. 2 отд-ние. 3. Стол. № 169. По записке министра юстиции о заживо погребенных сектантах в Терновских плавнях близ г. Тирасполя. Л. 5 об.
20. Степкин В.В. История изучения культовых пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола/ В.В. Степкин // Культовые пещеры Среднего Дона: сб.ст./ Сост. М.Ю. Сохин. - Вып. 4. М. - 2004. -С. 18-29.
21. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 273.
22. Агарков В.А. Трудное детство. Мемуары. Рукопись // Фонд музея с. Заплавное, Волгоградской области 1988 г. - 525 с.

© Полева Юлия Владимировна (poleva_yuliya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Волгоградская государственная академия физической культуры

ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1763-1864 ГГ.

Унежев Кашиф Хаждаутович

*Д.ф.н., профессор, Кабадино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. г. Нальчик
unegev_k@mail.ru*

FORMS AND METHODS OF TSARIST COLONIAL POLICY DURING THE CAUCASIAN WAR OF 1763-1864

K. Unezhev

Summary: The article deals with some aspects of the Caucasian war of 1763-1864. Attention is mainly paid to the forms and methods of tsarist colonial policy during the Caucasian war. The novelty and relevance of the research lies in the fact that the forms and methods used by tsarism in the conquest of the Caucasus have not yet been specifically studied.

The article proves that tsarism conquered the Caucasus not only by military methods, but it used a variety of "peaceful" methods of conquering the region.

Keywords: The Caucasus; Circassian; to the mountaineers; war; Russia; politics; culture; economy.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты Кавказской войны 1763-1864 гг. В основном уделяется внимание формам и методам колониальной политики царизма в годы Кавказской войны. Новизна и актуальность исследования заключается в том, что до сих пор конкретно не исследовались формы и методы, которые применялись царизмом при завоевании Кавказа. В статье доказано, что царизм завоевал Кавказ далеко не только военными методами, а он использовал самые разнообразные и «мирные» методы завоевания края.

Ключевые слова: Кавказ, черкесы, горцы, война, Россия, политика, культура, экономика.

На Кавказе всегда происходил диалог культур многочисленных племен и народов. Он всегда привлекал к себе внимание не одного народа и, поэтому он часто становился объектом агрессий многочисленных племен и государств.

Овладев Кавказом можно было бы контролировать торговые и военные пути между многими странами и континентами.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что история Кавказа, в том числе и северной его части, это история воин.

Самым драматическим периодом в истории горцев Северного Кавказа, особенно для адыгов (черкесов), является Кавказская война, которая длилась более века. (1763-1864гг.)

Как известно, эта тема была закрытой фактически в течении всего периода советского режима. Отечественные ученые были лишены возможности в полном объеме и объективно исследовать эту проблему, как утверждали чиновники, в силу «политической нецелесообразности». Но история не подвластна ничему и никому. Рано или поздно она становится достоянием народа.

Если даже затрагивалась специалистами эта проблема, то либо фальсифицировались важные ее аспекты, либо умалчивались о многих из них.

Результатом этого является тот факт, что до настоящего времени нет единой методологии изучения этой важной проблемы исторической науки и подходы ученых ко многим ее аспектам расходятся, порой кардинально. Мы имеем в виду такие ее аспекты как: само название войны, ее хронологические рамки и характер, причины ее развязывания, итоги, степень участия некоторых горцев в ней и многое другое.

Несмотря на идеологический пресс, еще в 20-40 годы XX века академики И.Ю. Крачковский, М.Н. Покровский, профессора Б.В. Скитский, Р.М. Магомедов, С.К. Бушуев, А.В. Фадеев и другие отмечали, что Кавказская война со стороны России была колониальной и захватнической, а борьбу горцев Северного Кавказа - национально-освободительной. [1, с.3]

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс не раз отмечали, что борьба горцев была борьбой за свою независимость, в которой участвовал сам народ. В частности, Ф. Энгельс в своей статье «Шансы войны» отмечал, что «настоящей войны, войны, в которой участвует сам народ мы не видели в центре Европы в течение нескольких поколений. Мы видели ее на Кавказе, в Алжире, где борьба продолжалась почти непрерывно». [2, с.200]. А в другой его статье «Расцвет и упадок Армий» он же отмечал, что «Россия непрерывно вела войну на Кавказе». [3, с.94]. Он же в своем письме К. Марксу от 9 июня 1864 г. указывал, что за этими действиями «русских на Кавказе Европа взирает с идиотским равнодушием... Подавление польского восстания

и овладение Кавказом - я считаю самыми серьезными событиями со времени 1815 года». [4, с.335].

Однако, в 1950 году в условиях административно-диктаторского метода исследований в исторической науке, эту борьбу горцев стали рассматривать не как антиколониальную, а ее участников как пособников империализма.

Одним из авторов такой антинаучной теории выступил М.К. Багиров. Он свои «идеи» изложил в статье «К вопросу о характере движения мюридизма Шамиля». В ней он характеризовал его как ставленника Турции и шпиона Англии. [5].

К сожалению, с таких же антинаучных позиций начали выступать с 80-х годов XX в. некоторые современные исследователи. [6]; [7]; [8]; [9].

Всем этим и другим работам по данной проблеме, на наш взгляд, дал объективную и убедительную оценку К.Ф. Дзамихов. [10, с.29-44].

В 1956г. в Москве и Махачкале проходили научные конференции, на которых была дана объективная оценка колониальной политике царизма, национально-освободительному движению горцев Северного Кавказа в годы Кавказской войны. В таком же русле проходили научные конференции в 80-90-е годы XX века почти во всех Северокавказских республиках, Ростове–на-Дону и других городах России, где были обсуждены многие аспекты проблемы Кавказской войны.

На этих форумах ученых-кавказоведов была дана принципиальная оценка колониальной политике царизма и, отмечено, что горцы Северного Кавказа в этой войне вели справедливую, национально-освободительную борьбу.

При завоевании Северного Кавказа, Россия использовала самые разнообразные формы и методы, некоторые из которых, на первый взгляд, не «вписывались» в классические методы колониальной политики других держав. Но основные формы и методы были такими же.

Данная статья посвящена одному аспекту этой войны- формам и методам, которые были использованы царизмом в своей колониальной политике в годы Кавказской войны.

Россия, задолго до начала Кавказской войны, стремилась закрепиться на Кавказе. Более интенсивное начало планомерного ее продвижения к югу, положил военно-политический союз, который был заключен в 1557 году, между Кабардой и Московским государством. Начиная с этого периода до XVIII века Россия имела с Кабардой

военно-союзнические отношения, т.е. отношения носили мирный характер. Но с XVIII века Россия переходит к открытым военным методам освоения Северного Кавказа, т.е. к прямому военно-колониционному покорению края. Просто она продолжила свою политику, которая проводилась с XVI века другими, а именно насильственными методами, т.е. военными.

В этом плане нельзя не вспомнить классическое определение К. Клаузевица, которое он дал войне: «Война в человеческом обществе, - писал он, - война целых народов, и, при том, народов цивилизованных, всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт ... Война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами». [11, с. 9,10].

Таким образом, как было сказано выше, Россия несколько веков проводила политику освоения Северного Кавказа мирными методами, война, которую она развязала на Кавказе во второй половине XV111 в. просто являлась продолжением этой политики.

В этом с ней соперничали ни одно столетие Османская империя со своим вассалом Крымским ханством, Иран и позже западные страны.

Первой жертвой Российской империи в завоевании Кавказа стали адыги(черкесы). Это было не случайно и на это были свои веские причины, о чем будет указано ниже.

Еще в XVI веке Россия начинает предпринимать конкретные шаги по освоению Северного Кавказа. Для этой цели она удачно использует обращения некоторых кабардинских княжеских фамилий с просьбой построить на их территории военные крепости для защиты от турецких и татарских агрессий. В 1567г. Россия строит крепость в устье реки

Первые шаги Московского княжества в Сунжа, где она впадает в Терек и в 1588г. у устья того же Терека – Терский город. [12, с.18]укреплении его позиции на Кавказе наглядно прослеживаются в документах тех далеких времен, во взаимоотношениях между прорусски настроенной части кабардинского общества и Иваном Грозным. В частности, по поводу обращений кабардинцев к нему сказано, что 22 декабря 1566 г. «приехал ко царю и великому князю из Черкас Матлов - князь Темгрюкович, шурина царя и великого князя, а людей с ним 30 человек, бити челом государю царю и великому князю от отца своего Темгрюка - князя Айдаровича, чтобы государь пожаловал, для бжежения от недругов его велел город на реке Терке усть - Сююнчи реки поставити». [13, с.13]. И в

феврале 1567 г. царь послал в Кабарду людей и велел им «на Терке-реке Тегрюку - князю по его челобитью город поставить» [13, с.13]. Позже в 1585 г. царь Иван Грозный «велел им город поставить в Пятигорских черкасах на Терке-реке, на усть Сунцы-реки, и плотников бы пожаловал дал, кому город делати, и воеводу бы своего пожаловал послал с вогневым боем, который бы их оборонял от крымского царя и от иных недругов их» [13, с.47].

Таким образом, Иван Грозный очень умело и вовремя воспользовался обращением определенной части кабардинских феодалов к нему, чтобы он построил военную крепость на их территории. Прорусски настроенные кабардинцы получили в лице Ивана Грозного союзника в их борьбе не только с внешним врагом, но в борьбе и с внутренними его противниками. А для Московского княжества это обращение кабардинцев и постройка крепостей были хорошим поводом для дальнейшего проникновения России на Кавказ. С этого периода она практически начинает распространять свои порядки на Северном Кавказе. И это явилось одним из ранних методов ее колониальной политики на Северном Кавказе.

Фактически с этого периода Россия начала также планомерную колонизацию края, создавая населенные пункты казачества, русских и украинских крестьян.

В эти же годы Россия организывает первые вооруженные столкновения с некоторыми кабардинскими княжескими фамилиями, которые выступали против Идаровых – первых ее союзников. Однако, широкомащтабные и регулярные карательные экспедиции она начала организовывать с конца XVIII века.

Россия в первую очередь пыталась утвердиться в Центральном Кавказе, поэтому она и начала войну с завоевания Кабарды, которая была, по признанию самого А.П. Ермолова, «многолюдная, коей жители, почитаемые храбрейшими между горцами, нередко по многолюдству своему отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях». [14, с.283]

Кабарда была не только одной из многочисленных субэтносов адыгского (черкесского) мира, но она занимала один из самых главных стратегических районов в Центральном Кавказе и имела огромное влияние на соседние народы, многие из которых находились в вассальной зависимости от нее. Через нее проходила сухопутная дорога в Грузию. Эти и другие обстоятельства явились главной причиной начала завоевания Северного Кавказа Россией с Кабарды.

Другими словами, Россия не могла осуществить свои далеко идущие планы по ее выходу в районы Ближнего Востока, Центральной Азии, на Дарданеллы и Персидский залив, не овладев Кавказом. Она так же хорошо

осознавала, что им невозможно овладеть обходным ходом с каспийского и черноморского флангов, пока Северный Кавказ не будет разрезан на две части в его центральном секторе. Именно здесь, в преддверии Дарьяльского ущелья, которое являлось кратчайшим путем сообщения с южным Кавказом, находилась Кабарда. [15, с.31]. Все эти обстоятельства послужили главной причиной, того что завоевание Кавказа начала Россия с адыгов и в первую очередь Кабарды.

С началом Кавказской войны, Россия начинает применять, помимо прежних форм и методов, которые использовались ею еще с шестнадцатого века, новые и самые разнообразные методы.

Теперь отметим основные методы и формы, которые применялись Россией в ходе Кавказской войны, которая продолжилась больше века.

В 60-е годы XVIII в. в крае появляется сплошная линия военных крепостей от Кизляра, заложенного еще в 1736 году, до Моздока, который был основан на территории Кабарды в 1763г. В 1777г начинается возведение 10 военных крепостей от Азова до Моздока, которая вошла в историю как «Кавказская линия» [16, с.20]. В нее входили такие крепости и укрепления, как Азов в устье Дона, крепость Донская (1777г.); Ставрополь (1777г.); Александров (1777г.); Георгиевск (1777г.); Моздок (1763г.). В эти же годы сооружаются на территории Кабарды такие крепости и укрепления как: Прохладная, Екатериноградская, Пятигорская, Солдатская, Кисловодская, Константиноградская и др. Эти крепости должны были отделить Кабарду от Чечни и других горцев.

А.П. Ермолов не только укрепил существующие военные крепости, но в 1822г под его руководством была основана новая цепь военных крепостей по территории Кабарды. Она получила название «Кабардинская линия», которая протянулась от так называемых Черных гор (от верховьев Кубани) до Владикавказа. В ее состав вошли такие крепости как: Каменомостская, Нальчикская, Баксанская, Черекская, Урухская, Чегемская, Урванская, Лескенская и несколько военных постов. [17, с.200-201].

В начале войны с черкесами Россия ограничивалась в основном передвижением вперед оборонительной линии, стесняя черкесов в пользовании пастбищами, а также время от времени совершая карательные экспедиции. Позже русские перешли к постепенному продвижению вглубь Черкесии, сопровождая его строительством дорог, прорубкой просек, с одновременным строительством на занимаемых землях казачьих станиц и русских поселений. При этом они клином врезались в адыгские земли, этим самым разобщая черкесов и их самих от других горцев. [18, с.356].

В частности, Россия переселяла из украинских и русских губерний государственных и крепостных крестьян, создавала казачьи станицы и деревни. Все эти мероприятия осуществлялись за счет земель горцев, в том числе Кабарды.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Турцией и Россией в 1774 году, где Кабарда была объявлена составной частью России, она вводит на территорию Кабарды административно-судебную систему управления, результатом которой явилось установление военно-оккупационного режима в крае. В частности, в 1769г. она вводит в Кабарде институт приставства, в 1793г. создаются в той же Кабарде родовые суды и расправы, в 1785г. учреждается Кавказское наместничество с центром в Екатеринограде, в августе 1822г. был учрежден в Нальчике Временный кабардинский суд. Позже эти мероприятия были продолжены до XX в.

Россия в своей колониальной политике использовала и другие методы. В частности, она умело противопоставляла одни княжеские фамилии другим. Она так же, всячески поддерживала антикабардинские настроения, зависимых от нее народов (карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы и ингуши). [19, с. 36.] Кроме этого она поддерживала антифеодальные выступления кабардинских крестьян, поощряя их бегство в русские крепости и вторичное принятие ими христианства.

Чтобы сделать горцев более «послушными» и лояльными к России, она вводит институт аманатства. В ходе войны, царская администрация всячески использовала всех горцев, которые относились к России лояльно. Она их принимала в свою армию, в милицию, создавала из них специальные отряды, которых потом использовали в борьбе против горцев.

Параллельно с этими мероприятиями она регулярно организовывала карательные экспедиции. Россия сознательно заносила в Кабарду эпидемии холеры, чумы и других болезней.

Даже сам Ермолов нагло отмечал: «Моровая язва была союзницею нашего против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...». [20, с.283]

В ходе войны Кабарда была отрезана от соляных источников и это значительно повлияло на состояние одной из основных отраслей ее экономики – животноводство. В одной Кабарде к началу Кавказской войны было около двух миллионов овец и более семидесяти тысяч лошадей, не говоря уже о крупном рогатом скоте, и т.д.

Кабарда, которая занимала огромные территории в Центральном Кавказе, в ходе войны потеряла более 4/5 своей территории.

Россия в массовом порядке регулярно выжигала поля и вырубала виноградники и сады адыгов (черкесов).

Россия завоевывала горцев поэтапно. Она переселяла их из плодородных земель, где они проживали веками и загоняла в горы и болотистые края.

Ермолов ввел на территории Кабарды так называемую билетную систему, по которой запрещалось передвигаться горцам по своей территории без специального письменного разрешения. Кроме этого вводится институт доносительства, по которому горцы были обязаны доносить русской администрации о тех людях, которые передвигались по краю без специального письменного разрешения.

Значительно было ограничено ношение горцами оружия. Кроме этого были запрещены многие традиционные общественные институты как аталычество, куначество и т.д.

Россия создавала льготные условия торговли для тех, кто к ней относился лояльно, а для «непослушных» эти условия отменялись.

Россия освобождала крестьян от тех феодалов, которые сопротивлялись ей. Все это подрывало их мощь.

К 70-м годам XVIII века Кабарда была уже целиком окружена военными крепостями и отрезана от других горцев. В этих условиях она фактически приняла на себя первый удар России.

В конце XVIII начале XIX вв. с постройкой военной крепости Кисловодская и присоединением к России Грузии и постройкой Военно-грузинской дороги, завершается полная изоляция Кабарды. [21, с.37.]

Царские генералы, такие как Медем, Глазенап, Якоби, Булгаков, Ермолов, Засс и другие навсегда остались в памяти адыгов и других горцев Северного Кавказа, как самые жестокие военачальники. Один Булгаков в 1809 году, в результате своей карательной экспедиции сжег до основания 200 кабардинских сел. Были и другие примеры. Крупные сражения проходили на территории Кабарды в 1767, 1779, 1794, 1804, 1809, 1810 и других годах.

А.П. Ермолов, с его приходом на Северный Кавказ в 1816 году, продолжил практику карательных экспедиций своих предшественников, в частности в 1822, 1825 годах он организовал такие экспедиции против Кабар-

ды, где было уничтожено много кабардинцев.

Кабарда к 1829 году теряет свою свободу, но продолжает борьбу вплоть до 40-х годов XIX века. Например, кабардинский владделец Магомед-Мырза Анзоров был старшим наибом Шамиля со своими воинами принимал участие в его движении. [22, с.9]

В ходе завоевания Кабарды, России приходилось идти на некоторые уступки ей. В частности, когда в национально-освободительном движении стало принимать самое активное участие духовенство в 1807 г., царизм учредил в Кабарде духовный суд Мехкеме. Верховный князь Кабарды одновременно стал председателем этого суда.

После потери Кабардой своей политической самостоятельности, в 1829 году центр сопротивления горцев переносится в Закубанье, Дагестан, Чечню.

Подобно Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года по Кабарде, Адрианопольский трактат, который был подписан между Россией и Турцией 02 (14 сентября) 1829 года, послужил основанием начала присоединения к России Северо-западного Кавказа и Черноморского побережья, т.е. западных адыгов (черкесов). С этого момента она начала проводить более активную политику в этом регионе и западные адыги стали в сфере противоречий этих держав и объектом агрессии России. [23, с.186-189]

Одним из действенных методов борьбы России с западными черкесами был метод их изоляции от внешнего мира. Она всячески воспрепятствовала военно-политическим контактам черкесов с иностранными государствами. Для этой цели она задействовала Черноморский флот. В 30-е годы XIX в. Россия открывает Черноморскую береговую линию и организовала полную блокаду Черноморского побережья Черкесии и Абхазии и они были лишены всякой помощи извне. [24, с. 143-155]

Западные адыги продолжили свою борьбу за независимость до окончания Кавказской войны 21 мая 1864 года. И здесь царские генералы, как Бескровный, Засс, Лазарев и другие действовали против западных адыгов такими же методами, что и в Кабарде вышперечисленные русские генералы.

Адыги (черкесы) больше всех понесли ощутимые потери как в людских, территориальных, так и материальных ресурсах. Это был настоящий геноцид по отношению к ним. Чтобы не быть голословным, можно привести некоторые примеры. В одной Кабарде численность ее населения в годы Кавказской войны сократилась в 10 раз. В частности, из 350 тысяч кабардинцев в конце войны осталось только 35 тысяч. Они были либо уничтоже-

ны, либо высланы в пределы Османской империи. Что касается таких крупных адыгских субэтносов, как шапсуги, абадзехи, бжедуги, натухаевцы, кемергоевцы и др., численность каждого из них, которая доходила до 500 тыс. и более человек, к концу войны осталось только по несколько десятков тысяч человек. А убыхи физически были уничтожены и их язык уже стал мертвым.

Таким образом, для адыгов (черкесов) Кавказская война была настоящим геноцидом. В настоящее время почти из 10 миллионов черкесов, более 90% их населения разбросаны по всему миру и проживают в более чем в сорока странах мира и только около 5-7% всех ныне живущих адыгов проживает на своей исторической Родине – Северном Кавказе.

По данным всероссийской переписи населения России 2010 года на территории РФ адыгов (черкесов) проживает чуть более 700 тысяч человек, в том числе в Республике Адыгея – свыше 120 тыс., в Кабардино-Балкарии около 517 тыс. кабардинцев, в Карачаево-Черкесии – свыше 73 тыс. черкесов (адыгов). [25, с.3]

Если известно, во сколько раз сократилась численность кабардинцев в годы Кавказской войны, то невозможно точно подсчитать число погибших и покинувших свою Родину среди западных адыгов. Сейчас потомки черкесов-мухаджиров компактно проживают в Турции, Иордании, Сирии, Германии и др. странах. В одной только Турции по неполным данным проживает до восьми миллионов черкесов, в Сирии около ста пятидесяти тысяч, в Иордании около семидесяти тысяч черкесов. Таков массовый Исход адыгов из своей Родины в результате Кавказской войны.

Победа в этой войне досталась самой России ценой огромных человеческих жизней и материальных затрат. В частности, она потеряла в ней более 77 тысяч солдат и офицеров. Только в 40-50-е годы XIX века на содержание кавказского корпуса и ведения войны Россия расходовала 10-15 миллионов ежегодно. [26, с.114].

Таким образом, Россия, задолго до начала Кавказской войны, начала постепенного и планомерного освоения Кавказа. Этому процессу ее продвижения на юг положил начало Иван Грозный еще с середины XVI в., когда он заключил военно-политический союз с Кабардой в 1557 г.

В этом вопросе Россия умело использовала прорусски настроенные княжеские фамилии кабардинского общества, а позже и остальных горцев.

Вплоть до начала Кавказской войны она в основном использовала в своей кавказской политике мирные формы и методы. Но во второй половине XVIII века международная обстановка сложилась таким образом, что она

начала завоевание края военными способами. При этом она использовали параллельно самые разнообразные и мирные формы и методы. Они касались почти все стороны жизни горцев.

Россия начала завоевание Кавказа адыгов (черкесов). На то были свои веские причины. Во-первых, они занимали самые важные регионы Кавказа в военно-стратегическом отношении. Во-вторых, они имели огромное влияние на многие соседние с ними народы. В-третьих, они были самыми многочисленными и мощными по своей военно-экономической жизни.

Эта война прославила и победителей и, не в меньшей степени побежденных. Однако следует отметить, что колониальную политику царизма на Северном Кавказе, формы и методы его завоевания осуждали многие представители русской прогрессивной интеллигенции. К ним относятся декабристы Н.Н. Раевский, А. Розен, Бестужев-Марлинский, писатели А.С. Грибоедов, Н.А. Добролюбов, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой и др.

Не мало случаев было, когда русские солдаты переходили на сторону горцев или становились их кунаками. Сочувственно относились к ним простые русские крестьяне и казаки. Горцы сами по достоинству оценивали такие жесты доброй воли и доброжелательности. Храбро защищая свою землю, они не раз проявляли гуманизм к военнопленным.

Любая война рано или поздно заканчивается и наступает мир. Так получилось и после Кавказской войны. Потомки тех, кто воевал тогда насмерть друг с другом,

сейчас живут в одной большой стране – Российской Федерации. Каждая из сторон должна извлечь из этой страшной войны уроки. Сейчас и на Северном Кавказе живут и русские и горцы. Именно Россия, которая завоевала их, позже создала все условия для сохранения традиций, обычаев, языка горцев. В XX веке была создана для них, пусть во многом формальная, но своя национальная государственность, широкая сеть культурно-просветительских, научных учреждений и учебных заведений всех уровней. Были подготовлены национальные отряды интеллигенции. Осуществлены широкомасштабные мероприятия по созданию национальной промышленности и по подъему сельского хозяйства и многое другое. На все это нельзя закрывать глаза. К сожалению, следует констатировать тот факт, что такие условия не были созданы ни в одной стране, где проживают компактно черкесы за рубежом, которые составляют более 90% всех ныне живущих адыгов (черкесов).

Да, Россия завоевала горцев в ходе Кавказской войны, но она их не покорила. И, по меткому выражению Расула Гамзатова, действительно, «нас, горцев, не покорил Россия Ермолова, а пленила пушкинская поэзия». [26, с.114.] А она для горцев вечна.

Сейчас, когда мы живем в составе Российской Федерации, необходимо работать над тем, чтобы она процветала и крепла. Мы обречены жить в составе этой великой страны, и должны помнить это всегда. В деле возрождения адыгов (черкесов) и сохранения своей самобытности придется решить много проблем. Но это тема для специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик – 1994. С.3.
2. Ф. Энгельс. Шансы войны. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Москва, 1960. Т.17. С 200.
3. Ф. Энгельс. Расцвет и упадок Армий. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Москва, 1960. Т. 17. С.94.
4. Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу от 9 июня 1864г. Маркс К. и Энгельс. Сочинения. 2-е издание. Москва, 1863. Т. 30. С.335.
5. Журнал: «Большевик», М., апрель, 1950.
6. Блиев М.М. «Кавказская война: социальные истоки, сущность». // История СССР. М., 1983, №3.
7. Он же. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва, 2004.
8. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
9. Виноградов В.Б., Айларова С.А. «К вопросу методологической несостоятельности некоторых терминов в оценке народно-освободительного движения горцев». // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х ХХ в. Всесоюзная научная конференция 20-22 июля 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989.
10. Дзамихов К.Ф. «Свое» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны. // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX-XXI вв. Материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., Ростов-на-Дону, 2013. С.29-44.
11. Клаузевиц К. О войне. Подготовка текста и комментарий Н.А. Чалдымова. Москва, 1990. С.9,10.
12. И.Х. Тхамокова. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, «Эль - Фа», 2000. С. 18.
13. Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. в двух томах. (КРО) Москва, 1957. Т.1. С.13
14. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. Москва, 1991. С.283.

15. Р. Трахо. Черкесы. Нальчик, 1992. С.31.
16. И.Х. Тхамокова. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик. «Эль - Фа», 2000. С.20.
17. К.Х. Унежев. История Кабарды и Балкарии. Нальчик. «Эль - Фа», 2005. С.200-201.
18. А. Фонвиль. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864г. //Черкесы (Адыге) Нальчик, 1991. С.356.
19. Р. Трахо. Черкесы. Нальчик, 1992. С.36.
20. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. Москва, 1991. С. 283.
21. Р. Трахо. Черкесы. Нальчик, 1992. С.37.
22. Т.Х. Кумыков. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 9.
23. А.Х. Бижев. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994. С. 186-189.
24. А. Сохт. Черноморская береговая линия: Сущность и функции. //Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. - XIX в. Майкоп, 1995. С.143-155.
25. Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. Нальчик, ООО «Тетраграф». 2012. С. 3.
26. К.Х. Унежев. Методология исследования некоторых аспектов проблемы Кавказской войны. // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX-XXI вв. Ростов-на Дону. Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ. 2013. С. 114.

© Унежев Кашиф Хаждаутович (unegev_k@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНЫХ СИСТЕМ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

RELEVANT PROBLEMS OF APPLYING TRAINING SYSTEMS IN TEACHING FUTURE MILITARY SPECIALISTS

**A. Bulokhov
M. Mikhaylov**

Summary: The substantiation of necessity to apply training systems in the military education is adduced in the article. Special attention is paid to the methodology of teaching future military specialists in the higher educational institutions. A summary of the recommended strength training exercises used for development of endurance and coordination is provided in the article.

Keywords: cadets, training systems, strength training exercises, CrossFit.

Булохов Александр Михайлович

Сотрудник, ФГКВБОУ ВО Академия ФСО России (г. Орел)
bat-4@yandex.ru

Михайлов Михаил Романович

к.т.н., Сотрудник, ФГКВБОУ ВО Академия ФСО России
(г. Орел)
mmchailov@mail.ru

Аннотация: В статье приводится обоснование необходимости применения тренировочных систем в обучении военнослужащих. Уделено внимание методике проведения занятий с будущими военными специалистами, обучающимися в вузах. Раскрыто краткое содержание силовых упражнений, рекомендуемых военнослужащим для развития выносливости и координации.

Ключевые слова: курсанты, тренировочные системы, силовые упражнения, кроссфит.

Внедрение ФГОС ВО (3++) в подготовку будущих военных специалистов в вузе потребовало от преподавателей не только построения учебных занятий, нацеленных на овладение курсантами профессиональными компетенциями, но и демонстрации своей профессиональной культуры и опыта, понимания сути важных образовательных проблем. Одной из таких актуальных проблем является применение на практике тренировочных систем, обеспечивающих развитие физических способностей будущих военных профессионалов. Вместе с тем, преподаватели военных вузов успешно внедряют в практику новые методы физической подготовки. Об этом можно судить по многочисленным публикациям в научных журналах и в материалах сборников различных конференций. Отметим, что новые методы физической подготовки военнослужащих основаны на развитии двигательных навыков, необходимых для той или иной воинской профессии. Еще до недавнего времени, как указывают в своих научных статьях ученые-педагоги, акцент был смещен в пользу общей физической подготовки: развитие быстроты, силы, выносливости и ловкости. Однако с позиции сегодняшнего времени уже становится понятно, что военнослужащему нужны развитые навыки и профессиональные компетенции, необходимые для выполнения той или иной задачи, по конкретной специальности. Конечно, и сейчас актуальны задачи формирования у сотрудников военно-прикладных навыков преодоления полос препятствий, различающихся как по сложности, так и по видам препятствий. Стоит отметить, что задача преодоления естественных и искусственных препятствий, а также овладение техникой их преодоления ставилась еще до появления первых фортификаци-

онных сооружений, однако систематическое обучение началось только в 18-м столетии и было связано с изобретением огнестрельного оружия и, как следствие, увеличением расстояния поражения, что привело, в свою очередь, к изменению подхода в строительстве оборонительных сооружений. Первое руководство «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» было напечатано в Москве в 1647 году и уже содержало обучение преодолению препятствий. На рубеже 17-го и 18-го веков начала складываться национальная система боевой подготовки войск, что было связано с появлением регулярной армии, где обучению как передвижению, так и преодолению препятствий было уделено значительное внимание. Создание этой системы связано с такими прославленными именами, как Пётр Первый, Александр Васильевич Суворов, Пётр Александрович Румянцев и другие выдающиеся полководцы. Для всех воинских специальностей вводились и развивались такие аспекты, как плавание в обмундировании с оружием, приемы рукопашного боя с оружием и без него. Это остается важным и для сегодняшних военнослужащих. Но теперь в армейских структурах будут внедряться еще и комплексы упражнений, разрабатываемые для каждой военной специальности. К тому же повышается интенсивность и плотность занятий по физической подготовке, чему способствует создание таких комплексных систем, разработанных как для полевых условий, так и спортивных залов, мобильных спортивных комплексов и тренажёров, что значительно повышает их доступность. Подчеркнем, что в настоящее время появились, например, Армейские международные игры, которые способствуют популяризации развития специальных

физических навыков. Примером международных соревнований, в которых участвовали две мужские и одна женская команды, и которые продемонстрировали отличную физическую подготовку российских военнослужащих, стали соревнования горных подразделений «Эдельвейс рейд – 2019» в Австрии, в которых россияне стали третьими и пятыми. Кроме вышеуказанных международных соревнований по военно-прикладным видам спорта следует отметить соревнования по видам войск, такие, как «Танковый биатлон», включающий индивидуальную гонку, спринт, гонку-преследование, спортивный этап и эстафету, причём спортивный этап включает в себя соревнование между экипажами, где проверяется состояние физической подготовки экипажей, и которая состоит из бега, силовых упражнений и полосы препятствий. По аналогии с «Танковым биатлоном», на волне его популярности, был создан «Авиадартс» - технический военно-прикладной вид спорта, который не содержит критерия скорость, а главным аспектом, подлежащим проверке, является точность. Продолжением этой тенденции стал такой вид военно-прикладного спорта, как «Открытая вода», в котором будут соревноваться понтонёры - представители вида войск, которые занимаются не только организацией переправ, но и разбором завалов и прокладкой дорог.

Кроме технических видов на национальном уровне существует триатлон специального назначения, который, как следует из названия, предполагает наличие трёх дисциплин, словосочетание «специальное назначение» указывает, что соревноваться между собой будут представители сил специального назначения. В состав этой комплексной дисциплины входит преодоление полосы препятствий в полной боевой выкладке, прикладная стрельба с ограничением информации об обстановке и «штурм высотки» - макета четырёхэтажного здания. Также к нетехническим видам прикладного спорта относится акватлон, который имеет советские корни (однако центр мирового акватлона сместился впоследствии в Израиль), его целью является не утопить соперника и заставить его сдать с помощью болевого приёма или набрать больше очков в результате применения специальных приёмов и ударов, а пройти в специальные ворота, размещённые на определенной глубине, после чего необходимо дотянуться до одной из лент, закреплённых на теле соперника, схватить её и поднять первым над поверхностью воды.

Особое внимание следует также обратить на подготовку допризывной молодёжи. Наряду с возрождением комплекса ГТО, о котором речь пойдёт ниже, стоит обратить пристальное внимание на поднятие авторитета военно-прикладных видов спортивных игр, таких как «Зарница», «Орлёнок» или «Гонка Героев», «Тропа Мужества». Надо понимать, что основа качественного уровня физической подготовки закладывается в юном возрасте,

что достигается комплексом мер поддержки, в том числе – повышение престижа спорта и здорового образа жизни у современной молодёжи [2].

Что касается подготовки курсантов в военных вузах страны, то в университетах, академиях и институтах, за последние пять лет, создана хорошая спортивная база, поистине соответствующая требованиям времени, где обучающиеся могут успешно тренироваться и достигать желаемых результатов. Однако поясним, что военнослужащие по роду своей деятельности и выполняемым должностным обязанностям могут находиться в разных условиях, иногда не позволяющим им осуществлять тренировки на стадионах, в спортивных залах и со специальным спортивным инвентарем. Поэтому руководителям физической подготовки в практических подразделениях, преподавателям в вузах, ученым, посвятившим свою жизнь развитию физической культуры и спорта, необходимо уделить особое внимание обучению военнослужащих оптимальным тренировочным системам, применимым в любых условиях службы и деятельности. О каких же тренировочных системах идет речь? Прежде всего, эти системы должны быть основаны на базовых движениях, которые могут иметь принадлежность к разным видам спорта [1]. Например, к гиревому спорту, легкой атлетике, спортивной гимнастике и т.д. Одной из таких тренировочных систем является кроссфит. Кроссфит, используемый как соревновательный вид спорта и как система физической подготовки, известен в мире с начала 2000-х годов (автор-создатель Грег Глассман).

Тренировки по такой системе включают в себя элементы интервальных тренировок высокой интенсивности, тяжёлой атлетике, пауэрлифтинга, гимнастики, гиревого спорта, бега и др. Кроссфит оптимально подходит для всех, кто заботится о своей физической форме, он хорош тем, что каждый, кто хочет тренироваться, сможет тренироваться где угодно и с любым набором оборудования. Концептуальной идеей кроссфита является функциональная направленность тренировок и максимальное их разнообразие. Важно и то, что кроссфит легко масштабируется под возможности каждого, все зависит от степени интенсивности и потребности организма в нагрузке. Интересно, что система кроссфит имеет предшественников, которые еще в 30-х годах прошлого века, должны были выполнять физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО). А в 60-е годы XX века этот комплекс пополнился ступенью «Готов к защите Родины». В настоящее время многие молодые люди знают о том, что можно развить силовые качества с использованием системы кроссфит. Если говорить о кроссфите, как о соревновательной дисциплине, то можно сказать, что он получил широкое распространение в России, и в 2012 году был проведен первый чемпионат России, а уже на следующий год победители защищали честь России на чемпионате мира.

В основе кроссфита лежит перекрёстный тренинг. Для развития силовых способностей применяются силовые упражнения, которые, в свою очередь, подразделяются на три группы, в основе которого лежит характер преодоления сопротивления. К первой группе относятся упражнения с весом собственного тела, ко второй – изометрические упражнения и упражнения с внешним сопротивлением. Упражнения с внешним сопротивлением (гантели, штанга, гири, набивные мячи) характеризуются наибольшей эффективностью для развития силы, что, в сочетании с их правильным подбором и дозированием, позволяет развить все группы мышц без исключения. Упражнения с собственным весом (сгибание и разгибание рук в упоре лёжа, на брусьях и в висе на высокой и низкой перекладинах, лазание по канату, поднятие ног на брусьях и к перекладине) используются в подготовке сотрудников различных возрастных групп, пола и степени подготовленности. Часто используются легкоатлетические прыжковые упражнения (однократные и многократные прыжки на одной или двух ногах, прыжки через барьеры, прыжки в «глубину» с возвы-

шения с последующим отталкиванием вверх, преодоление препятствий и др.). Изометрические упражнения подразделяются, в свою очередь, на упражнения с пассивным напряжением мышц (удержание груза на предплечьях рук, плечах, спине и т.п.) и упражнения с активным напряжением мышц (выпрямление полусогнутых ног, опираясь плечами в закрепленную перекладину и др.). Применяют такую методику и в некоторых военных вузах страны, где есть соответствующие специалисты-спортсмены, ведущие занятия и дающие необходимые рекомендации курсантам [3]. Цель проведения таких занятий: формирование выносливости, гибкости, координации, скорости, силы. Кроссфит рассматривается многими преподавателями вузов как высокоинтенсивная тренировочная система функциональной физической подготовленности курсантов и студентов, включающая многофункциональные двигательные действия. Однако, для того, чтобы успешно внедрять тренировочные системы, преподавателям военных вузов необходимо обладать определённой степенью креативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев, В.А., Орлова, Е.Л., Юдин, А.В. Актуальные проблемы физического самовоспитания курсантов военного вуза // *Современные проблемы науки и пути их решения: сборник научных статей. Выпуск 28. В 3 ч. Ч.2.* – Уфа: Омега Сайнс, 2016. – С. 153 – 156.
2. Михайлова, Ю.П., Михайлов, М.Р. О необходимости разработки актуальной методики определения личностных ценностей современной молодежи // *Наука. Культура. Искусство: Актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 т. / отв. ред. И.Е. Белогорцева, Ю.В. Бовкунова, С.И. Маматова. 2018. С. 72-77.*
3. Ярославский, Д.И., Еганов, В.А. Кроссфит как средство физической подготовки курсантов летных вузов // *Молодой ученый.* – 2019. – № 51 (289). – С. 480 – 482.

© Булохов Александр Михайлович (bam-4@yandex.ru), Михайлов Михаил Романович (mmchailov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЯМ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

FORMATION OF STUDENTS' MOTIVATION FOR PHYSICAL CULTURE CLASSES THROUGH THE USE OF A PROMISING PHYSICAL CULTURE AND HEALTH PROGRAM

**R. Garifullin
V. Kalmanovich
R. Khairullin**

Summary: Currently, there is a negative trend of falling interest in sports among students, which negatively affects both the educational process and the health of students. The Deterioration of indicators of physical fitness and health of students makes it necessary to look for new modern technologies and training programs for students at the University. In this paper, it is proposed to use a promising physical training program for conducting physical education classes at a University, which, according to the authors, will increase the motivation of students to engage in sports and physical culture. The implementation of this program will not only motivate students to play sports, but also increase the need for students to take additional physical education and sports, which in turn will reduce the incidence of SARS and other viral infections among students.

Keywords: motivation, physical culture, sports, perspective program, health.

Гарифуллин Руслан Шамилович

*К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»
rus-garifullin@yandex.ru*

Калманович Владимир Львович

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»
volek71@yandex.ru*

Хайруллин Рафаэль Равилевич

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»
89053146495@mail.ru*

Аннотация: В настоящее время в студенческой среде наблюдается негативная тенденция падения интереса к занятиям спортом, что отрицательно складывается как на учебном процессе, так и на здоровье студентов. Ухудшение показателей физической подготовленности и здоровья студентов, заставляет искать новые современные технологии и программы подготовки студентов в вузе. В данной работе предлагается использовать перспективную физкультурно-оздоровительную методику для повышения мотивации студентов к занятиям по физической культуре в вузе. Реализация данной физкультурно-оздоровительной программы позволит не только мотивировать студентов к занятиям спортом, но и повысит потребность студентов в дополнительных занятиях физической культурой и спортом, что в свою очередь позволит снизить заболеваемость студентами ОРВИ и другими вирусными инфекциями.

Ключевые слова: мотивация, физическая культура, спорт, перспективная программа, здоровье.

В настоящее время в студенческой среде наблюдается негативная тенденция падения интереса к занятиям спортом, значительно падает их физическая активность, что отрицательно складывается как на учебном процессе, так и на проблемах со здоровьем [1-2]. В сложившейся ситуации студентам сложно выполнять нормативы по физической культуре, так показатели их физической кондиции на данный момент также находятся на низком уровне. Снижение показателей физической кондиции и здоровья студентов, заставляет искать новые современные технологии и программы подготовки студентов в вузе [3-5].

Одним из путей решения проблемы повышения оздоровительного потенциала и роста заинтересованности студентов к спорту и к физической активности в целом стало внедрения в систему физического воспитания в России дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорта» в вузах. Предполагалось, что предо-

ставленная возможность выбора занятий по виду спорта подстегнет интерес студентов физической культуре и спорту, повысит их физическую активность и улучшит показатели здоровья студентов. В теории данная идея является привлекательной, так как позволяет учитывать различные предпочтения студентов в занятиях спортом и, в зависимости от их физического, функционального и психологического состояния организма [6].

Однако на практике механизм реализации дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту» в вузах России до конца не продуман и имеется ряд проблем связанных с его внедрением. Среди основных проблем можно выделить следующие: каждые вузы имеют разные возможности по материально-технической базе и квалификации профессорско-преподавательского состава, отсутствие четкого механизма сдачи и приема зачетных упражнений по элективным курсам по физической культуре и спорту. Также не ясен принцип

выбора вида спорта для студентов с отклонениями в состоянии здоровья. Поэтому каждый вуз самостоятельно программу занятий. Поэтому в данной ситуации каждый вуз самостоятельно принимает решение, какие физкультурно-оздоровительные программы применять. В связи с этим разработка и применение перспективной практической программы проведения физической культуры в вузе является актуальной задачей.

Разработанная программа приведена в работе [7], включает упражнения по футболу, волейболу, баскетболу, по настольному теннису, упражнения со скакалкой, с обручем, упражнения по легкой атлетике и гимнастике, а также некоторые комплексы вольных упражнений. В работе приводятся особенности проведения занятий с применением указанных упражнений, описана техника и основные ошибки при выполнении данных упражнений. Особенно ценным является описание методики оценивания выполнения техники приведенных упражнений. Программа разделена на три части: программу упражнений для девушек основной и подготовительной групп, программу упражнений для юношей основной и подготовительной групп и программу упражнений для студентов с отклонениями в состоянии здоровья.

Выполнения данных упражнений не требует сложной материальной базы и высокой квалификации тренеров для демонстрации упражнений. Кроме этого, студенты с незначительными ограничениями по здоровью при должной тренировке смогут освоить технику выполнения упражнений, а также улучшить показатели своего здоровья. Поэтому предложенная программа, по мнению авторов, позволит решить ряд проблем связанных с введением «Элективных курсов по физической культуре и спорту».

Цель исследования: исследовать мотивацию студентов к занятиям по физической культуре и спорту посредством применения новой физкультурно-оздоровительной программы.

Методы исследования: анализ научной литературы, педагогическое тестирование, анкетирование, экспертная оценка, наблюдение, математическая обработка результатов исследований

Методика

Исследование проводили с первого по четвертый семестр. Для исследований были выбраны юноши первого курса обучения, не имеющие отклонений в состоянии здоровья в количестве 80 человек. Студентов поделили на две группы контрольную и экспериментальную по 40 человек в каждой. Для проверки однородности деления на две группы провели математические исследование, с определением коэффициентом Стьюдента, которое подтвердило, что группы были поделены однородно. Студентам контрольной группы было предложено зани-

маться по стандартной методике проведения занятий, а экспериментальной группе – по новой программе.

Для оценки мотивации студентов к занятиям физической культурой по новой оздоровительной программе были выбраны следующие критерии:

- мотивация студентов к занятиям физической культурой и спортом;
- посещаемость занятий по физической культуре и спорта;
- необходимость студентов в дополнительных занятиях физической культурой и спортом;
- оценка заболеваемости студентами ОРВИ и другими вирусными инфекциями.

Оценить мотивацию студентов к занятиям физической культурой является достаточно сложным процессом, поэтому для этих целей использовали опросы, личные беседы, анкетирование. Посещаемость студентами занятий по физической культуре и спорта контролировали в классных журналах посещаемости студентов. Потребность студентов в дополнительных занятиях физической культурой и спортом определяли по их посещаемости спортивных секций, фитнес залов, студенты показывали свои пропускные билеты в спортивную секцию или спортивный клуб. Заболеваемость студентами ОРВИ и другими вирусными инфекциями контролировалась медицинскими справками.

Результаты исследований и их обсуждение

В начале исследования студентов поделили на две группы контрольную и экспериментальную по 40 человек в каждой и изучали однородность их распределения. Для этих целей использовали простейшие тесты по определению физической кондиции студентов. Тесты включали упражнения по подниманию туловища, лежа на спине за 30 сек и сгибанию, и выпрямлению рук в упоре лежа. Результаты исследования приведены в таблицах 1.

Таблица 1

Показатели физической кондиции студентов в контрольной и экспериментальной группах

Сравниваемые группы	Показатели физической кондиции	
	Поднимание туловища, лежа на спине за 30 сек, раз, n= 40	Сгибание и выпрямление рук в упоре лежа, раз, n= 40
ЭГ, (M±m)	35±2,6	38±3,1
КГ, (M±m)	37±2,9	36±3,4
Критерий Стьюдента	1,4*	1,72*

Примечание: * – достоверно при (P > 0,05),

Из данных, представленных, в таблице 1 видно, что по результатам двух тестом полученные значения для двух КГ и ЭГ групп отличаются незначительно. Для оценки

Сравнительные результаты оценки мотивации студентов к занятиям физической культуре для КГ и ЭГ групп в I и IV семестрах обучения

Сравниваемые группы	Сравниваемые показатели мотивации студентов к занятиям по физической культуре и спорту, N=80							
	Мотивация студентов к занятиям физической культурой и спортом		Посещаемость студентами занятий по физической культуре и спорта		Потребность студентов в дополнительных занятиях физической культурой		Заболеваемость студентов ОРВИ и другими вирусными инфекциями.	
	I семестр	IV семестр	I семестр	IV семестр	I семестр	IV семестр	I семестр	IV семестр
ЭГ, %	69	89	78	95	60	90	26	9
КГ, %	65	76	79	85	56	76	25	18

однородного распределения студентов по группам рассчитывали критерий Стьюдента, для уровня значимости, равного 0,05 и числа степеней свободы системы, равной 78. Затем проводили сравнение табличных и расчетных критериев Стьюдента, и установили, что расчетные значения меньше табличных. В соответствии с этим сделали вывод, что студенты в начальной точке эксперимента в КГ и ЭГ группах распределены однородно.

После этого начиная с первого семестра по четвертый студенты контрольной группы занимались физической подготовкой по стандартной методике, а студенты экспериментальной группы - по новой перспективной физкультурно-оздоровительной программе проведения практических занятий в вузе. После окончания эксперимента сравнивали полученные данные и делали выводы. Результаты исследований оценки мотивации студентов к занятиям физической культуре для КГ и ЭГ групп в I и IV семестрах обучения приведены таблице 2.

Из данных представленных в таблице 2 видно, что улучшение сравниваемых показателей с I по IV семестр произошли как в контрольной, так и в экспериментальной

группах. При этом рост показателей в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой оказался значительно выше, а заболеваемость значительно ниже. В частности, по мотивации студентов к занятиям физической культурой и спортом в ЭГ по сравнению с КГ рост составил 13%, посещаемость студентами занятий по физической культуре и спорту выросла на 10%, потребность студентов в дополнительных занятиях физической культурой и спортом выросла на 14%, при этом заболеваемость студентами ОРВИ и другими вирусными инфекциями в ЭГ по сравнению с КГ снизилась в 2 раза.

Выводы

Применение новой перспективной программы в учебном процессе позволяет повысить интерес студентов к занятиям физической культурой и спортом, значительно повысить их двигательную активность и улучшить исследуемые показатели мотивации, при этом следует отметить, что у студентов значительно снизилась заболеваемость вирусными инфекциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы развития физического воспитания студентов / Н.Т. Канагатов, Л.А. Сирока // Материалы IV международной научно-практической конференции «Образование: традиции и инновации», 2014. – С. 60-63.
2. Актуальные проблемы физического воспитания студентов / А.В. Бажин, Е.О. Дрягина // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Современное образование: плюсы, минусы и перспективы», 2017. – С. 18-21.
3. Лубышева Л.И. Концепция физкультурного воспитания: методология развития и технология реализации / Л.И. Лубышева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – №1. – С. 11-17.
4. Рязанова Е.А. Организация физической культуры для студентов с ослабленным здоровьем в вузе / Е.А. Рязанова, Л.А. Гиренко // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве», 2017. – С. 124-128.
5. Физическая подготовленность студенческой молодежи как фактор успешности в будущей профессиональной деятельности / А.А. Болотников, В.Л. Калманович, Э.Р. Мугаттарова и др. // European Social Science Journal. – 2017. - №9. – С.244-248.
6. Коршунова О.С. Элективные курсы по физическому воспитанию в вузах, перспективы и возможности / О.С. Коршунова, Л.Н. Роледер. // Молодой ученый. - 2016. - № 23 - С. 558-560.
7. Зенуков И.А. Методические рекомендации по проведению занятий по физической культуре в ФГБОУ ВО «КНИТУ»: учебно-методическое пособие / И.А. Зенуков, Р.Ш. Гарифуллин – Казань. нац. технол. ун-т. – Казань: Издательство «ФЭН» Академии наук РТ, 2019. – 208 с.

© Гарифуллин Руслан Шамилович (rus-garifullin@yandex.ru), Калманович Владимир Львович (volek71@yandex.ru), Хайруллин Рафаэль Равильевич (89053146495@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОДРОСТКОВ И ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Гуренко Максим Владимирович

аспирант, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
maximum14@mail.ru

CREATIVE POTENTIAL OF TEENAGERS AND THEATER PEDAGOGY

M. Gurenko

Summary: In the article, the author examines the concept of theatrical pedagogy, its role, methods and techniques. The goal, objectives and methods used by the author to research issues on this topic are determined. The features of adolescence are analyzed. The concept and features of cognitive interest, features of cognitive interest in adolescent children are considered. The author determined that thanks to theatrical art, a teenager acquires a number of invaluable priorities. The problems of the formation of the creative potential of adolescent children are revealed. The conditions for the development of creative principles in a teenage child are determined. The author believes that theatrical art affects the development of the multifaceted personality of the new era. The article describes the means, forms and methods of theatrical pedagogy. The author traces the relationship between the use of theatrical pedagogy and the development of imagination, the emotional sphere, the fantasy of adolescents, and his creative principles. Having solved the tasks set at the beginning of the study, the author achieved the goal of the study: the author determined that theatrical activity contributes to the identification and selection of individuality, the uniqueness of the human personality, the creative person, since the main thing in theatrical activity is the bright color of the emotional background, which contributes to the development of creative potential in adolescent children.

Keywords: theatrical pedagogy, creativity, methodology, organization, student, motivation, interest, classes, theatrical activity, personality.

Аннотация: В статье автор рассматривает понятие театральной педагогики, ее роль, методы и приемы. Определяется цель, задачи и методы, которыми пользовался автор для исследования вопросов по данной теме. Проанализированы особенности подросткового возраста. Рассмотрено понятие и особенности познавательного интереса, особенности познавательного интереса у детей подросткового возраста. Автором определено, что благодаря театральному искусству подросток приобретает ряд неоченимых приоритетов. Выявлены проблемы формирования творческого потенциала детей подросткового возраста. Определены условия развития творческих начал в ребенке подросткового возраста. Автор считает, что театральное искусство влияет на развитие многогранной личности нового времени. В статье описываются средства, формы и методы театральной педагогики. Автор прослеживает взаимосвязь использования театральной педагогики и развития воображения, эмоциональной сферы, фантазии подростков, его творческих начал. Решив задачи, поставленные в начале исследования, автор достиг цели исследования: автором определено, что театрализованная деятельность способствует выявлению и выделению индивидуальности, единственности человеческой личности, творческого человека, так как главное в театрализованной деятельности – яркая окрашенность эмоционального фона, что и способствует развитию творческого потенциала у детей в подростковом возрасте.

Ключевые слова: театральная педагогика, творческие способности, методика, организация, обучающийся, мотивация, интерес, занятия, театральная деятельность, личность.

Движущая сила прогресса в современном мире, который характеризуется многовариативностью нашего общества, постоянными процессами взаимопроникновения общественных групп, наций, экономических моделей развития, - личность, индивидуальность человека, что на сегодня стало доминантой в самых массовых процессах и движениях. Это обуславливает потребность в поиске новых путей содействия максимальному раскрытию творческих качеств личности подростка.

Подростковому возрасту требуется максимум внимания, так как подростковый период – это период становления личности [1]. В этом возрасте интенсивно развиваются внутренние творческие силы, возможности; формируется самооценка подростков, влияющая на успехи в обучении и т.д. Когда реализуется психический познавательный процесс, происходит также изменение

интересов подростка, вызванный процессом формирования личности. При этом подросток изменяет направление сферы собственных интересов, они становятся более выборочными, отмечаются определенной устойчивостью. Однако, учеба и все, что с ней связано, становится менее интересным подростку.

Цель данной работы – определить возможность формирования творческого потенциала подростка средствами театральной педагогики. Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач: рассмотреть понятие театральной педагогики, ее роль, методов и приемов; проанализировать особенности подросткового возраста; выявить проблемы формирования творческого потенциала детей подросткового возраста; проследить взаимосвязь использования театральной педагогики и развития воображения, эмоциональной сферы, фантазии подростков, его творческих начал.

В работе был использован ряд эмпирических методов, таких как изучение различных источников информации, анализ полученных сведений.

Познавательные интересы имеют количественную и качественную характеристику. Количественная характеристика является характерной во время процесса решения задач интеллектуального плана, определения скорости, эффективности. Качественную сторону характеризует процесс изменений в структуре мыслительного процесса подростка, которому уже становится небезразлично, каким образом будет решаться та или иная задача. Все это является подтверждением того, что подростковый возраст – период трансформации именно интеллектуальной сферы [2].

Развитие творческих начал в подростковом возрасте исследовали многие специалисты (Л.С. Выготский, А.В. Мудрик, Д.И. Фельдштейн), считающие подростковый возраст сензитивным периодом для развития творческого потенциала, оказывающим влияние на становление личности в целом [3].

Каждый человек стремится к творчеству, что можно определить в качестве естественного двигателя культуры. Творчество – реализация неких потребностей людей, посредством которых происходит осмысление действительности. Стремление к творчеству – это путь духовного развития личности любого человека, раскрытие его творческого потенциала.

Под творческим потенциалом стоит понимать все качества человека, которыми определяется его возможности и рамки его участия в любого рода деятельности.

Процесс развития творческого потенциала – это определенный процесс, характеризующийся непрерывностью, целенаправленностью. Этот процесс делает более актуальными ряд личных механизмов, способствующих проявлению возможностей, процессов саморазвития, самореализации, главным условием реализации которого является наличие доминирования роли формирования творческой направленности личности, что возможно, в том числе, обращением к культуре, что стимулирует стремление перехода от идеи «образованного человека» к идее «человека культуры». Благодаря такому переходу появляется возможность выявить взаимосвязь таких сфер, как образование, культура, искусство и личность.

Стоит отметить, что благодаря театральному искусству подросток приобретает ряд неоченимых приоритетов, представленных далее [4]:

- уверенность в собственных силах, способность к рассуждению, утверждению в качестве личности,

- приобретение навыков коллективного общения, которое необходимо подросткам в будущей жизни,
- процесс воспитания собственного чувства ответственности и самостоятельности,
- возможность к творческому самовыражению, к реализации персональных способностей каждого подростка,
- соприкосновение через игру с явлениями реальной действительности, переживаниями, что наполнит внутренний мир подростка богатым содержанием, надолго оставив в его памяти след,
- развиваются задатки и творческие качества,
- дети становятся более дисциплинированными, обладают большей самодисциплиной,
- формируется вкус, воспитывается чувство меры, ребенок обретает способность анализа, отличает истинное и высокое от пошлого и фальшивого, подросток может объективно оценивать собственные возможности и т.д.,
- расширяется кругозор, что способствует получению дополнительных знаний, необходимых для дальнейшей жизни.

Таким образом, театральное искусство влияет на развитие многогранной личности нового времени. Можно даже утверждать, что благодаря театральному искусству личность может обрести весь арсенал «оружий», так необходимых современному человеку: человек становится более самоуверенным, больше полагается на себя и собственные силы; усиливается чувство ответственности за собственные поступки; развивается умение отстаивать собственное мнение, точку зрения и т.д. [5]

Личность современного человека становится более гармоничной, что полностью совпадает с потребностями общества нового времени. Именно таким путем познания и идет театральная педагогика.

Собственно, понятие «театральная педагогика» на сегодня имеет неоднозначную трактовку у разных специалистов.

Под театральной педагогикой в общем понимается такое направление современной психологии и педагогики искусства, осуществление которого позволяет реализовать такие принципы, как событийность, проживание, личностное творческое действие, возможность импровизировать. Все перечисленные принципы взаимосвязаны благодаря интеллектуальному, чувственному и эмоциональному восприятию [6].

Посредством театральной педагогики возможно создание открытой творческой среды для живого общения, где темы для диалога могут быть крайне разнообразны.

Однако цель такого общения – работа по формированию целостной картины мира, удовлетворение в потребности развития одновременно эмоциональных и интеллектуальных способностей.

В процессе реализации театральной педагогики задействованы определенные методы. Благодаря их реализации более эффективно формируется, например, творческое воображение, составление необходимого анализа, синтеза полученной информации. Благодаря реализации методов театральной педагогики человек может самостоятельно организовывать собственные психические проявления, корректировать свое поведение и т.д. [7].

Выделен базовый метод театральной педагогики. Это метод физического воздействия. Он основан на анализе полученной информации, предложенного произведения. Продолжением анализа является процесс выстраивания логических цепочек, образующих сквозное действие.

В качестве следующего метода стоит отметить метод исторических параллелей. Отличительная черта данного метода – проведение аналогий, сравнений в эмоционально-логических представлениях, свойственных различным историческим эпохам и периодам развития общества. Это способствует более продуктивному решению поставленных задач посредством обеспечения понимания коммуникативной стороны учебного процесса.

Метод действенного анализа в театральной педагогике можно отнести к способам выработки навыков волевого поведения. Иначе такое поведение называют «сценическим» [8]. При реализации данного метода происходит акцентирование внимания на умении использовать те или иные элементы техники речи.

Также стоит отметить использование в театральной педагогике этюдного метода, под которым понимается проведение творческого исследования какого-либо жизненного действия, поступка того или иного человека, события.

Не менее важным в театральной педагогике и также не менее популярным считается метод игрового театрализованного представления.

Стоит напомнить, что основоположники отечественной театральной педагогики – видные деятели театра Щепкин, Давыдов, Варламов, режиссер Ленский. Но качественно новым этапом в театральной педагогике стоит считать период деятельности основателей МХАТа Станиславского и Немировича-Данченко [9].

Применение театральной педагогики при работе с

подростками способствует созданию определенных ситуаций, при которых моделируются жизненные ситуации. Подростки «переживают» эти ситуации вместе с педагогом, который вводит детей сквозь эту модель в мир всечеловеческой культуры.

Театральное искусство для подростка – модель, хотя и сложной по воспроизведению, но интересной деятельностью. Театральное искусство для подростка – это некая модель жизни. Продуктивнее и качественнее формируется творческий потенциал подростка именно посредством реализации процесса театральной педагогики во время формирования коллектива единомышленников. В качестве таких коллективов можем рассматривать театральные студии, кружки и т.д.

Когда театр постигается подростком с применением собственных сил, опыта, подросток получает более четкое представление об окружающем. Подросток начинает более полно ощущать себя в этом окружающем мире.

Театральную педагогику характеризует двойственность социальной направленности. Одна сторона – процессы, благодаря которым происходит воздействие на личность подростка, который является объектом приложения методов и форм театральной педагогики, т.е. подросток является актером на сцене. Другая сторона – это воздействие на зрителя с участием подростков, участвующих в кружках, студиях и т.д. [10]

Что же касается средств театральной педагогики, то стоит отметить мощность воздействия на эмоциональную сферу подростка, безусловность влияния на то, как действует ребенок, какие поступки он совершает, какой выбор осуществляет.

Современное общество характеризуется множеством нерешенных социальных проблем, что обязательно учитывается при выборе средств и форм театральной педагогики. Так, театрализованная деятельность в подростковом коллективе способна раскрывать творческий потенциал ребенка, воспитывать творческую направленность личности.

Подросток легче замечает в окружающем мире интересные идеи, более продуктивно их воплощает, создает художественный образ, тем самым развивая творческое воображение, ассоциативное мышление. Подростки умеют видеть необычные моменты в самых обыденных предметах, событиях [11]. Поэтому театрализованную деятельность в подростковом коллективе нужно направлять на целостное воздействие на личность ребенка, раскрепощать его, стимулировать на самостоятельность в творчестве, способствовать развитию ведущих психических процессов, самопознанию и само-

выражению личности; создавать условия для большей социализации, в чем зачастую нуждаются именно дети подросткового возраста, усиливать их адаптационные способности и т.д.

При выборе форм театрализованной педагогики должны приниматься во внимание личность подростка, его индивидуальность, своеобразие, право проявления собственного «я» и т.д. При этом методика работы с детьми должна быть не только коллективной, но и ориентироваться на индивидуальное развитие творческой личности каждого подростка.

Для ребенка любого возраста, и тем особенно для ребенка подросткового возраста, творческий потенциал является наиболее важным. И взрослые ни в коем случае не должны игнорировать это. Как уже было сказано, особенно актуальным это является для подростков, так как дети уже обладают определенными знаниями, обладают желаниями в развитии и в познании в определенных областях, наделены определенной долей любопытства, пытаются выразить себя. Подростковый возраст требует поощрения творческого потенциала любыми возможными способами.

Именно театрализованная деятельность способствует выявлению и выделению индивидуальности, единственности человеческой личности, творческого человека. Слово «творчество» берет свое начало от слова «творить», а значит, создавать что-то новое, интересное [12]. При этом работа с подростком осложняется еще и тем, что нужно учитывать то, что «новое» и его создание зачастую может не получаться. И именно театрализованная деятельность направлена на развитие в ребенке самостоятельности, независимости, оригинальности мышления.

Творчество также стоит воспринимать как непрерывность роста. Невозможно лишь подумать о чем-то, и сразу, без подготовки, это реализовать. Но в этом-то и заключается человеческое развитие, прогресс, общение.

В полной мере потребность в общении может удовлетворить театрализованная деятельность. Сфера общения дает возможность обогатить содержание самого общения, углубить познание другого человека, развить коммуникативные навыки, выразить себя, проявить себя с творческой стороны.

Главное в театрализованной деятельности – яркая окрашенность эмоционального фона. Театрализованная деятельность позволяет добавить и раскрыть собственные душевные переживания. Концентрируется творческий потенциал всех участников театрализованной

деятельности, что позволяет всем участникам этой деятельности самореализоваться, самоактуализироваться [1].

Для развития творческого начала в ребенке такого сложного подросткового возраста, для увеличения степени творческого потенциала целесообразно создание совместно с детьми театрализованных представлений с применением произведений русского народного творчества, по произведениям не только отечественной, но и зарубежной классики и т.д. Но наиболее главным при реализации театральной педагогики в воспитании творческого потенциала подростка можно считать развитие его эмоциональной сферы, его чувств, души, веры в себя, в свою неповторимость и уникальность.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что то, как, каким путем, посредством каких методов и приемов пытаться раскрыть творческий потенциал подростка способствует и эффективно решает именно театральная педагогика.

Театральная педагогика в качестве симбиоза произведения культуры и социума должна быть обеспечена собственным местом в образовательном процессе. В качестве оптимального условия социокультуры принимается в том числе театральная деятельность. И именно это стимулирует развитие творческих способностей [13]. Театральную педагогику отличает интегративность характера. Значит, театральная педагогика делает актуальными приобретенные знания, способности, которые формируются в процессе театрализованной деятельности. Театральная педагогика является мотиватором к проявлению творческих способностей.

Использование средств театральной педагогики не будет успешным без изучения психологии подростка, без сопереживания ему, что даст возможность расширению эмоциональной отзывчивости, развития гибкости души. Так как именно эти качества сегодня наиболее востребованы в обществе и именно такие качества необходимы подрастающему поколению, характер и привычки у которого только формируются. Привитие и воспитание данных качеств обязательно вызовет со стороны ребенка полную творческую отдачу.

В заключение следует отметить, что театральная педагогика – особенное средство, достаточного для охвата каждого этапа формирования становления творческих способностей подростка в духовном освоении окружающего мира и в осознании собственных потенциальных возможностей специфическими театральными средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караковский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Н.Л. Воспитание? Воспитание... Воспитание! - Москва, 2015.
2. Архангельский, Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности / Л.М. Архангельский. - М.: Знание, 2018. - 64 с.
3. Фридман, Л.М. Изучение личности учащегося и ученических коллективов: книга для учителя. - М.: Просвещение, 2018. - 206с.
4. Азаров О.Г. Современные научные психолого-педагогические подходы к пониманию творческой личности/О.Г. Азаров//Вестник Ставропольского гос. ун-та, – Вып.64, 2019. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. - С. 23- 34.
5. Шульга, И.И. Педагогическая анимация: Профессиональная подготовка организатора детского досуга / И.И. Шульга. – Новосибирск: НГПУ, 2016. – 340 с.
6. Букатов, В.М. Театральные технологии в гуманизации процесса обучения школьников: дисс. ... д-ра пед.наук / В.М. Букатов. – М., 2016. – 376 с.
7. Сериков, В.В. Развитие личности в образовательном процессе: монография / В.В. Сериков. – М.: Логос, 2015. – 448 с.
8. Бухвалов В.А. Развитие учащихся в процессе творчества и сотрудничества/ Бухвалов В.А. — М.: Просвещение 2016. – 167 с.
9. Сетрукова, Л. Театральная педагогики в школе [Текст] / Л. Сетрукова // Педагогика. – 2016. – №4. – С.121–123.
10. Давыдов, В.Г. От детских игр к творческим играм и драматизациям / В.Г. Давыдов // Театр и образование: сб. науч. тр. – М., 2017.
11. Савостьянов, А.И. Общая театральная психология [Текст] / А.И. Савостьянов. – СПб.: КАРО, 2017. – 256 с.
12. Ершова, А.П. Эстетическая значимость театрального творчества школьников / А.П. Ершова // Искусство в школе. – 2020. – № 5. – С. 40–43.
13. Яковлюк С.М., Ионов-Тарасов И.В. Методы и приемы театральной педагогики в формировании коммуникативной культуры школьника // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 2

© Гуренко Максим Владимирович (maxsimum14@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

ТЕХНОЛОГИИ МОБИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА МАГИСТРАНТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКОНОМИКА»

TECHNOLOGIES OF MOBILE LEARNING A FOREIGN LANGUAGE AS A MEANS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF MASTER'S STUDENTS IN THE SPECIALTY "ECONOMY"

I. Kazieva
S. Orlova

Summary: The level of ICT development and the need for in-depth language training of specialists in various fields make it necessary to turn to mobile learning technologies. The article actualizes the problems of optimizing the educational process of studying specialized English for undergraduates in the specialty "Economics". The authors approach this problem by implementing the possibilities of using mobile learning technologies in the educational process.

Results. The article substantiates the importance of mobile technologies in the context of modern educational trends; presents a step-by-step process of implementing technologies for voluntary training in a foreign language specialization; substantiates the effectiveness of mobile training in a foreign (English) language at the master's degree stage.

Conclusions. The study allowed us to demonstrate traditional options and new trends in the use of mobile learning technologies in the educational process.

Keywords: economics, foreign (English) language, undergraduates, mobile learning technologies, educational process, efficiency.

Формирование новой лингвокоммуникативной реальности на сегодняшний день определяет и новые концепты обучения иностранному языку (особенно языку специальности) на этапе начальной профессиональной самореализации и последующего осуществления профессиональной деятельности, которая, в соответствии с современными тенденциями развития экономики, в условиях современных реалий ориентирована на широкое внедрение в социально-производственную деятельность мобильно-цифровых инноваций [2; 5].

Эффективность процесса обучения языку специализации (в нашем случае, английскому языку в профессиональной подготовке магистрантов экономических специальностей) во многом обусловлена спецификой

Казиева Индиана Ивановна
Старший преподаватель, ФГАОУ ВО "Российский университет дружбы народов"
diana-21@yandex.ru

Орлова Светлана Николаевна
К.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО "Российский университет дружбы народов"
topsv@yandex.ru

Аннотация: Уровень развития ИКТ и необходимость углубленной языковой профессиональной подготовки специалистов различных сфер вызывают потребность к обращению к технологиям мобильного обучения. В статье актуализируются проблемы оптимизации учебного процесса изучения специализированного английского языка магистрантов по специальности «Экономика». Авторы подходят к решению данной проблемы путем реализации возможностей использования в учебном процессе технологий мобильного обучения. В статье обоснована значимость мобильных технологий в условиях современных образовательных тенденций; представлен пошаговый процесс реализации технологий мобильного обучения иностранному языку специализации; обоснована эффективность мобильного обучения иностранному (английскому) языку на этапе обучения в магистратуре. Исследование позволило продемонстрировать традиционные варианты и новые тенденции использования в учебном процессе технологий мобильного обучения.

Ключевые слова: экономика, иностранный (английский) язык, магистранты, мобильные технологии обучения, учебный процесс, эффективность.

инновационного моделирования иноязычной образовательной среды, средства обеспечения учебного процесса в рамках которой имеют неуклонную тенденцию к преобладанию мобильно-цифровых технологий и реализации соответствующего дидактико-методологического инструментария [6; 8].

Считаем необходимым отметить, что под мобильным обучением иностранному языку специализации следует понимать процесс использования мобильных компьютерных средств с целью формирования иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, в рамках которого осуществляется создание соответствующей образовательной среды и образовательных ресурсов (разработанных целенаправленно для специальности по программам магистратуры, на-

пример, в нашем случае в роли таких образовательных ресурсов могут выступать специально разработанные словари (в рамках модуля, темы и пр.), сценарии работы с подкастами экономической направленности, профессионально-ориентированные web-квесты, системы упражнений и многоуровневых языковых задач по экономике и т.п.[1; 3]), доступных для обучающихся в любое время, из любой точки доступа, с любого мобильного компьютерного или SMART-устройства, а также осуществляется управление учебным процессом, основанное на взаимодействии субъектов образовательного процесса посредством информационно-коммуникационных технологий.

Проблема использования технологий мобильного обучения узкоспециализированному иностранному языку на этапе магистратуры предопределена достаточно насущной необходимостью разработки методик, моделей построения учебного процесса, прогнозирование эффективности и оптимизации обучения магистрантов должно строиться на основе средств обеспечения образовательного процесса, богатых дидактико-методологическим потенциалом в контексте мобильного их применения. Для этого необходимо учитывать ряд основных факторов продуктивного использования мобильных технологий в учебном процессе освоения языка специализации, а именно готовность и мотивацию обучающихся к мобильному обучению; в данном контексте мы выделяли следующие основные аспекты, в отношении которых был осуществлен анализ мнения магистрантов:

- а) интерактивность иноязычных образовательных ресурсов, предоставляющая возможность многократного обращения к языковому специализированному материалу, а также оперативность доступа к иноязычной образовательной среде (52,34% обучающихся отметили данный фактор один из значимых, отмечая тот факт, что мобильные технологии в обучении также позволяют осуществлять синтез образовательной и профессиональной деятельности);
- б) повышение автономности в учебной деятельности, возможность обращаться к средствам обеспечения учебного процесса (профессиональные иноязычные тексты, рекомендации преподавателя, словари и справочники и мн. др.) и оптимизировать индивидуальную образовательную траекторию на основе формирования профессионального иноязычного портфолио (67,23%);
- в) многократность выполнения упражнений по развитию языковых навыков и компетенций до окончательной «отправки» итогового варианта преподавателю на проверку (39,45%);
- г) актуальность презентационных качеств иноязычного специализированного учебного материала, способствующих наиболее качественному усвоению специализированного материала (реле-

вантная терминология, тексты экономического содержания, представленность иноязычной экономической информации в виде графиков, таблиц, органограмм и пр.) (54,31%);

- д) виртуальный учебный процесс и виртуальный учебный материал как факторы, повышающие интерес к учебной деятельности, учебной работе, включая самостоятельную деятельность по изучению языка специализации (62,03%);
- е) особенности виртуальной иноязычной образовательной среды, позволяющей с любого мобильного устройства осуществлять «погружение» в процесс иноязычного коммуникативного взаимодействия в контексте создания профессиональных ситуаций, полилогов, многоуровневых деловых игр и пр. (34,67%).

Таким образом, анализируя мнение магистрантов, мы пришли к заключению о достаточно высокой значимости и насущности разработки проблемы реализации мобильных технологий в учебном процессе обучения иностранному языку (в нашем случае английскому) специализации.

Несомненно, что на начальном этапе использования мобильных технологий обучения значительный объем работы преподавателя заключается в решении задачи обеспечения интереса обучающихся к использованию мобильных устройств для изучения языка специальности в свободное от аудиторной работы время. Для этого нами были продуманы небольшие творческие задания, результаты выполнения которых магистранты могли отправить в общий чат/канал и в процессе проверки которых оценивались как качество, так и объем. Эти задания отражали как усвоение специализированной лексики, так и уровень экономических знаний обучающихся и должны были быть представлены ими в виде синквейнов [4] (специфических пятистрочий, представляющих собой иерархически взаимосвязанные лексико-грамматические конструкции, в каждой из которых обучающимся необходимо выразить мысль на языке специализации в четко установленной возрастающей от строки к строке численности слов: от 2-х до 5-ти слов последовательно).

Например, для темы «Классификация экономических ресурсов» (Classification of economic resources):

- Название темы (Topic Title) Economic resources
- Описание темы (Topic Description) Classification criteria
- Описание действий магистранта (Description of student actions) Describe by criteria: affiliation, source of origin, sign of primacy
- Отношение магистранта к теме (Student Attitude) There are contradictions in the classification of economic resources
- Синоним темы (Topic synonym) Capital

Выполнение подобных заданий обучающиеся отправляли в общий чат, в котором получали рекомендации от преподавателя, оценку качества выполнения, а также анализ положительных сторон представленного задания и т.п. Также, анализируя присылаемые обучающимися варианты выполненных упражнений по методу синквейна, преподаватель мог сразу целенаправленно планировать аудиторное время работы, которое можно было бы продуктивно использовать для анализа ошибок, сформулировать ряд проблем обсуждения в рамках дискуссии и пр., т.е. использовать аудиторное время максимально продуктивно.

Также необходимо отметить, что использование потенциала мессенджеров в коммуникации при организации самостоятельной учебной деятельности в качестве инструмента управления учебным процессом позволяет осуществить ряд правил отправки окончательного варианта выполненного задания (например, до вынесения итоговых рекомендаций сообщение можно удалить/откорректировать и отправить заново) [7].

Таким образом, в процессе так называемого адаптационного этапа к широкому использованию мобильных технологий в обучении магистрантов экономических специальностей иностранному языку выразили активный интерес к такой форме учебной работы 83,21% обучающихся; отметили возможности рациональности планирования времени на учебную деятельность 49,81% магистрантов. 21,09% обучающихся отнесли к использованию технологий мобильного обучения с некоторым опасением, объясняя это тем, что разбираться с заданиями без непосредственного участия преподавателя им будет сложнее. Тем не менее, большая часть обучающихся характеризовалась устойчивым положительным отношением к широкому внедрению в учебный процесс мобильных технологий.

Процесс реализации мобильного обучения иностранному языку включал в себя следующие основные компоненты:

- формирование мобильно-цифровой иноязычной образовательной среды, доступ к которой может обеспечиваться с любого вида мобильного компьютерного устройства; для функционирования такой образовательной среды было реализовано не только коммуникативное взаимодействие субъектов образовательного процесса посредством формирования общих чатов или каналов в различных мессенджерах, но также и разработан сайт-визитка преподавателя, на котором размещались иноязычные специализированные презентации тем или образовательных модулей с краткой характеристикой-описанием данной темы/модуля, включая разработанные преподавателем специализированные словари для каж-

дой конкретной темы, а также справочный материал и пр. с гиперссылками на них или доступные по web-вложениям (SubjectSampler):

Например,

Subject: «Globalization and the process of capital accumulation in the coal industry»:

Brief presentation: The most important task of the Russian economy is effective integration into the world economy. The economy of coal mining regions is based on the main raw materials: the fuel and energy complex and metallurgy...

Economic's language bank:

Resource-saving technologies – ресурсосберегающие технологии

Export competitiveness – конкурентоспособность экспорта и т.д.

Также сайт-визитка был снабжен ссылками на готовые Интернет-ресурсы в рамках задачи формирования фактуальных иноязычных экономических знаний магистрантов по различным темам. Ссылки, а их, как правило, необходимо было выбрать не менее 10-ти, были сформированы в специальной медиатеке сайта-визитки (TreasureHunt), а работа на их основе заключалась в самостоятельном освоении ресурса и формулированию ключевого вопроса к каждому информативному блоку. В конце всей работы предполагалось формулирование основного вопроса (BigQuestion), требующего логического заключения в контексте широкого понимания/освоения темы/модуля.

Например,

Subject: «Analysis of fixed assets».

Links:

- analysis of the dynamics and structure of production assets of the enterprise;
- initial data for the analysis of fixed assets etc.

Big Question:

- a) calculation of indicators of the dynamics of fixed assets;
- в) assessment of the state of fixed assets.

— организация общения и управления процессом; помимо организации коммуникации в общем чате, образовательная среда, удовлетворяющая требованиям процесса реализации мобильных технологий обучения, включала создание блога (на основе платформы Google) с целью обмена общей информацией (при затруднении) коммуникации в общем чате/канале, проведения при необходимости он-лайн эфиров, написания отзывов по различным аспектам учебного процесса, а также размещения рекомендаций, пожеланий, просьб и пр.

— разработка и размещение в образовательной среде электронных, интерактивных учебных ма-

териалов, сборников практических упражнений по темам, разделам, модулям; в рамках данного компонента преподаватель осуществлял разработку заданий, которые также были доступны магистрантам по ссылке с сайта-визитки; при реализации данного компонента использовалась электронная платформа вуза, на которую интегрировались электронные ресурсы с разработанными алгоритмами выполнения и без них, т.е. имеющие проблемный характер, требующие творческого подхода как в плане логики выполнения, так и в плане употребления специальных языковых средств;

Например,

Subject: «Analysis of fixed assets».

Big Question: budgeting of enterprise repairs;

Task: estimating a analysis results from your own viewpoint.

Attention! Choose a genre, style.

Genre: Interview, speech, lecture, conversation, monologue.

Style: Official, scientific, colloquial, neutral.

Выбор жанра и стиля можно осуществлять как из перечня по гиперссылке, так и при помощи функции «checkboxes» в электронном учебном пособии или сборнике упражнений.

Необходимо также отметить, что, помимо этого, в рамках данного компонента преподаватель разработывал фонды оценочных средств для текущей, промежуточной и итоговой аттестации.

Совершенствование образовательного процесса изучения иностранного языка на этапе обучения в магистратуре посредством использования мобильных технологий в учебном процессе не только делает сам процесс инновационным и продуктивным, но и помогает сделать позицию магистрантов рефлексивно направленной, которая, в свою очередь, обеспечивает регулярную самостоятельную деятельность обучающихся в плане со-

вершенствования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. Обосновывая повышение эффективности учебного процесса на основе использования технологий мобильного обучения можем отметить, что 89,43% магистрантов оценивают опыт работы использования мобильных технологий в обучении очень положительно. Из них 86,78%, согласно, результатам организации и самоорганизации учебной работы считают, что такой подход эффективно влияет на формирование языковой компетенции, а 75,98% обучающихся отметили, что учебная работа, организованная мобильно и информативно, повышает интерес к учебной дисциплине.

Необходимо отметить, что у 56,42% магистрантов улучшился процесс восприятия иноязычного материала за счет увеличения доли его интерактивности, визуальной презентабельности. 63,21% обучающихся показали положительную динамику как в повышении интереса к процессу обучения, так и в усвоении теоретического иноязычного материала, а интерактивный практический комплекс, доступный с мобильных индивидуальных устройств позволил улучшить качество самостоятельной работы у 71,54% обучающихся. Помимо этого, улучшились скорость продуцирования иноязычной речи и качество произношений у 52, 12% магистрантов, а 44,04% обучающихся отметили, что справляться с самостоятельными заданиями стало намного легче.

Анализируя общее состояние готовности магистрантов к продолжению учебной деятельности на основе технологий мобильного обучения, необходимо отметить, что скорость выполнения заданий стала значительно выше, что свидетельствует об эффективности самостоятельной деятельности за счет осваиваемого объема заданий.

Независимо от формата реализации технологий мобильного обучения значительная часть магистрантов отмечает, что работа в мобильной цифровой образовательной среде выступает для них [магистрантов] высоко значимым мотивационным фактором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеенко, Н.В. Инновационные технологии в обучении иностранному языку / Н.В. Агеенко, А.А. Рыбкина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2017. – № 4 (36). – С. 7-14.
2. Касаткина, Н.Н. Исследование готовности студентов вузов к мобильному обучению / Н.Н. Касаткина // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 133-138.
3. Климова, А.Б. Веб-квест технология как средство развития информационно-аналитических умений студентов при обучении английскому языку для специальных целей / А.Б. Климова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 4 (14). – С. 85-91.
4. Насонова, О.О. Метод синквейна в обучении иностранных языков как инструмент формирования учебно-познавательной деятельности студентов [Электронный ресурс] / О.О. Насонова, И.С. Шумакова // Modern directions of theoretical researches. – 2016. – Режим доступа: <http://www.sworld.education/>

- conference/year-conference-sw/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/march-2016
5. Омарова, С.К. Характеристика и дидактический потенциал мобильно-цифровых технологий обучения иностранным языкам / С.К. Омарова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 1 (190). – С. 52-57.
 6. Попова, С.Н. Мобильное обучение как новая технология обучения иностранному языку студентов вузов (на примере Томского политехнического университета) / С.Н. Попова // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 4-2 (44). – С. 49-52.
 7. Резникова, А.В. К вопросу о возможности использования мессенджера WhatsApp как дидактической платформы и средства психологической адаптации иностранных слушателей при обучении русскому языку как иностранному / А.В. Резникова, А.В. Внуковская // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (86). – С. 183-187.
 8. Чернышкова, Н.В. SMART-технологии в преподавании иностранного языка / Н.В. Чернышкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2-1 (80). – С. 211-214.

© Казиева Индиана Ивановна (diana-21@yandex.ru), Орлова Светлана Николаевна (topsv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

GENDER APPROACH TO THE FORMATION OF PHYSICAL CULTURE IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

M. Popkov

Summary: This article analyzes the preconditions for the use of a gender approach to the problem of the formation of physical culture in older preschool children studying at preschool educational institutions. In addition, we offer the following components of the personal physical culture of children in terms of a gender approach to the organization of physical education classes: cognitive-meaningful, motivational-value, organizational-activity.

Keywords: gender, gender approach, physical culture, physical education, senior preschool age.

Попков Максим Вячеславович
аспирант, Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина,
popkov-2015@list.ru

Аннотация: В данной статье анализируются предпосылки использования гендерного подхода к проблеме формирования физической культуры у детей старшего дошкольного возраста, обучающихся в ДОУ, предлагаются компоненты личностной физической культуры детей в условиях гендерного подхода к организации занятий физического воспитания: когнитивно-содержательный, мотивационно-ценностный, организационно-деятельностный.

Ключевые слова: гендер, гендерный подход, физическая культура, физическое воспитание, старший дошкольный возраст.

Данные Всемирной организации здравоохранения (далее ВОЗ) гласят, что здоровье современного человека зависит от многих факторов, среди которых состояние окружающей среды, наследственность, уровень функционирования системы здравоохранения, а также образ жизни, который ведет человек. Так, проблемами, существующими во многих странах мира (в аспекте здоровья подрастающего поколения), в том числе и в РФ, являются следующие: проблема ожирения и избыточного веса детей, отсутствие физической активности, ведущей к риску преждевременной смертности, сниженная физическая активность девочек по отношению к мальчикам. При этом в соответствии с данными ВОЗ только от образа жизни его здоровье зависит на 55%. Из этого можно сделать вывод, что нездоровый образ жизни человека, а именно недостаточное количество положительных эмоций, низкий уровень физической нагрузки, нездоровое питание и неправильный режим дня, могут быть главной причиной ухудшения здоровья, не только взрослых, но и детей, что приводит, в конечном итоге, к снижению уровня физической и общей культуры личности, основы которой формируются уже в дошкольном возрасте в процессе физического воспитания. При этом уровень общей физической культуры детей определяется не только мотивацией к физическим занятиям, но и состоянием здоровья, уровнем соответствующих знаний, соблюдением гигиенических умений и режима физической активности.

Дошкольные образовательные организации в качестве приоритетных задач своей деятельности ставят

сохранение и укрепление здоровья детей, повышение уровня физической культуры, как основополагающий принцип эффективного развития всех сторон жизнедеятельности [4]. Анализируя компоненты личностной физической культуры дошкольника, мы определили следующие из них, относящиеся к категории базовых:

- а) когнитивно-содержательный компонент, предполагающий присвоение детьми совокупности основополагающих теоретических знаний о ценностях физической культуры, отражающих как личностную, так и социальную сферу;
- б) мотивационно-целевой компонент, определяющий образовательные потребности в процессе физического воспитания детей дошкольного возраста;
- в) организационно-деятельностный компонент, характеризующий направление развития двигательного потенциала детей на занятиях физической культуры в ДОУ в условиях гендерного подхода к организации этих занятий.

Однако значительная часть ученых и педагогов-практиков (Н.Л. Белопольская, М.Н. Терещенко, С.М. Ахметов) полагает, что существующее научно-методическое обеспечение процесса формирования физической культуры у детей старшего дошкольного возраста имеет множество недостатков, что приводит к снижению результативности данного процесса. Так одним из главных недостатков является отсутствие методических рекомендаций по реализации гендерного подхода к формированию физической культуры ребенка в услови-

ях половых различий детей. Так мальчики на уроках физкультуры в ДОУ получают более простые инструкции, ориентированные на выполнение конкретных задач, и на них также распространяется более жесткая дисциплина, в то время как целью учителей физического воспитания было поощрение и мотивация девочек к более активному участию в занятиях спортом и физической культурой.

В рамках нашего исследования понятие «гендер» в отличие от «пола» определяет степень, в которой мальчики отличаются от девочек, затрагивая не только биологические, но и небιологические аспекты личности, такие как психологические, социальные и культурные различия [3]. По мнению многих ученых гендерная идентичность человека является не только биологическим фактором, определяющим его субъектность, но и формируется в результате длительного процесса социализации индивидуума. Результаты опытно-экспериментальной работы, проведенной нами по проблеме формирования физической культуры детей в условиях гендерного подхода, показали, что в старшем дошкольном возрасте мальчики «обгоняют» девочек по следующим показателям: мотивация к занятиям физической культурой, двигательная активность, физические возможности; проявление смелости, выносливости, агрессии. Девочки возраста от трех до шести лет проявили развитость, по сравнению с мальчиками, таких психических процессов, как внимание, мышление, воображение, речь. При этом, если причина такого показателя, как агрессия, у мальчиков связано с социально-одобряемой нормой поведения, то у девочек агрессия связана с тревожностью. Выравнивание психических показателей, по мнению М.М. Безруких, у мальчиков и девочек происходит примерно к 11-12 годам [1].

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме гендерного подхода к формированию физической культуры у дошкольников показал, что в целом у ученых существует единое мнение о наличии социальных гендерных различий у мальчиков и дево-

чек старшего дошкольного возраста. Методологические споры ведутся многими учеными только о соотношении онтогенетического и социального в процессе гендерной идентификации детей.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что процесс формирования физической культуры у детей старшего дошкольного возраста невозможно реализовать в ДОУ без опоры на гендерный подход, который предполагает ориентацию не на условного ребенка, а на мальчика и девочку. Принципиальными для обоснования использования гендерного подхода к формированию физической культуры у детей старшего дошкольного возраста стали работы М.М. Рубинштейна, который считал, что онтогенетика и социализация личности являются первопричиной, управляющей развитием человека [2]. Так М.М. Рубинштейн утверждал, что проблема физического воспитания детей на основе гендерного подхода есть проблема «философии культуры», которая должна опираться на равную ценность, а не тождественность мужского и женского начала.

Тем не менее, несмотря на актуальность гендерного подхода к формированию физической культуры мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста, приходится констатировать, что существующие программы обучения в ДОУ направлены на «условного» бесполого ребенка, т.к. квалификация преподавателей физического воспитания в вопросах составления программ воспитания с учетом гендерных особенностей детей недостаточна.

В связи с этим считаем подчеркнуть следующее: 1) гендерные особенности детей необходимо рассматривать с позиции целостности личности ребенка; 2) несмотря на достаточно большое количество научных работ по данной проблеме, необходимо продолжать комплексные исследования проблемы гендерной идентичности, по результатам которых можно оптимизировать процесс физического воспитания в ДОУ с целью более эффективного развития детей в том числе и в вопросе их физической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруких, М.М. Возрастная физиология: (Физиология развития ребёнка): учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М.М. Безруких, В.Д. Сонькин, Д.А. Фарбер. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 416 с.
2. Рубинштейн, М.М. Половое воспитание с точки зрения интересов культуры / М.М. Рубинштейн. - М.; Л.: Моск. акц. изд. о-во, 1926. - 126 с.
3. Солодков, А.С. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: учебник. - Изд. 2-е, испр. и доп. / А.С. Солодков, Е.Б. Сологуб. - М.: Олимпия Пресс, 2005. - 528 с.
4. Фомина, Н.А. Физическое воспитание детей дошкольного возраста на основе интегрированного подхода / Н.А. Фомина, С.В. Карпушина. - Волгоград: ФГБОУ ВПО «ВГАФК», 2012. - С. 51-56.

© Попков Максим Вячеславович (popkov-2015@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ БИОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ)

Семенов Александр Алексеевич

к.б.н., доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»

semenov@sgspsu.ru

Яицкий Андрей Степанович

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический

университет»

yaitsky@sgspsu.ru

FORMATION OF VALUES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE THROUGH EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES OF PUPILS (ON THE EXAMPLE OF BIOLOGY AND ECOLOGY)

A. Semenov

A. Yaitsky

Summary: The article is devoted to the problem of forming the values of scientific knowledge in secondary school pupils. As the main tool for solving this problem, the authors define the technology of organizing educational and research activities. The work is performed using traditional methods of pedagogical research such as the study of methodological literature, the method of theoretical analysis and synthesis, the method of designing educational and research activities of pupils. The article presents the results of educational research on the formation of scientific knowledge values using various forms of teaching biology and ecology (lesson, excursion, homework, required extracurricular work and optional extracurricular work). Educational and research activities of pupils are designed in the logic of scientific research and include motivational-target, content, procedural and performance-evaluation components. The materials of the article can be used by schoolteachers, as well as methodologists-biologists for the purpose of training future subject teachers.

Keywords: general education; biology training; ecology training; upbringing; values of scientific knowledge; educational and research activities.

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования ценностей научного познания у учащихся общеобразовательных организаций. В качестве основного инструмента решения данной проблемы авторами определена технология организации учебно-исследовательской деятельности. Работа выполнена с использованием традиционных методов педагогических исследований, таких как изучение методической литературы, метода теоретического анализа и синтеза, метода проектирования учебно-исследовательской деятельности учащихся. В статье приведены методические паспорта учебных исследований по формированию ценностей научного познания при использовании различных форм обучения биологии и экологии (урок, экскурсия, домашняя работа, внеурочная работа и внеклассная работа). Учебно-исследовательская деятельность учащихся спроектирована в логике научного исследования и включает в себя мотивационно-целевой, содержательный, процессуальный и результативно-оценочный компоненты. Материалы статьи могут быть использованы учителями общеобразовательных организаций, а также методистами-биологами с целью подготовки будущих учителей-предметников.

Ключевые слова: общее образование; обучение биологии; обучение экологии; воспитание; ценности научного познания; учебно-исследовательская деятельность.

Введение

В настоящее время общеобразовательные организации Российской Федерации завершают переход на стандарты второго поколения – федеральные государственные образовательные стандарты общего образования (ФГОС ОО) [1]. Разработка и введение школьных стандартов нового поколения связаны с социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, а также с общемировыми тенденциями перехода от индустриального общества к информационному. Стратегической задачей российского образования в настоящее время является обновление его содержания, методов обучения и достижения на этой основе нового

качества его результатов. В центр государственной образовательной политики поставлена личность обучающегося. Развитие личности – смысл и цель современного образования [2].

Одним из направлений воспитательной работы в системе общего образования является формирование у учащихся ценностей научного познания, которые предполагают ориентацию в деятельности на современную систему научных представлений о важнейших закономерностях развития человека, природы и общества, взаимосвязях человека с природной и социальной средой; овладение языковой и читательской культурой как средством познания мира; усвоение основных навыков ис-

следовательской деятельности, установку на осмысление опыта, наблюдений, поступков, а также стремление совершенствовать пути достижения индивидуального и коллективного благополучия [3].

Естественнонаучные предметы, в том числе биология и экология, как никакие другие, призваны формировать научное мировоззрение и ценности научного познания. Эта проблема не нова. Она находит отражение в работах многих методистов-биологов. Среди них следует отметить Н.Д. Андрееву [4], И.Ю. Азизову [5], М.И. Морозову [6], Н.С. Постнову [7], С.С. Рябову [8], Н.Г. Семенову [9], Л.А. Чекалову [10].

Результативность формирования ценностей научного познания зависит от выбора форм, методов, средств обучения и воспитания, а также образовательных технологий. На наш взгляд, наиболее действенным способом решения данной проблемы является вовлечение учащихся в учебно-исследовательскую деятельность [11].

Методические подходы к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по биологии и экологии рассматриваются в работах Н.Д. Андреевой [12; 13], Н.Г. Бобровой [14; 15], Б.В. Всесвятского [16], Я.С. Ковшар [17], И.В. Наливайко [18], А.А. Семенова [19], С.В. Суматохина [20; 21], Е.В. Тягловой [22], В.П. Ясюка [23].

Несмотря на существенную степень разработанности проблемы формирования ценностей научного познания, она, по-прежнему, остается актуальной и требует более эффективных способов и подходов к ее реализации.

Ниже приведены методические паспорта учебных исследований по формированию ценностей научного познания при использовании различных форм обучения биологии и экологии, таких как урок, экскурсия, домашняя работа, внеурочная работа и внеклассная работа.

Учебно-исследовательская деятельность учащихся по биологии и экологии организуется с учетом логики научного исследования и включает в себя мотивационно-целевой, содержательный, процессуальный и результативно-оценочный компоненты [19].

Урок – основная форма обучения, при которой учитель в течение точно установленного времени (40–45 минут) руководит коллективной учебной и иной деятельностью постоянной группы учащихся (класса) [24]. Уроки биологии и экологии богаты лабораторными и практическими работами, в рамках которых можно провести учебные мини-исследования. В качестве примера рассмотрим методику организации учебно-исследова-

тельской деятельности в рамках лабораторной работы по теме «Ферменты слюны и их действие на крахмал».

Мотивационно-целевой компонент

Цель исследования: доказательство наличия ферментов в слюне и их действия на крахмал.

Объект исследования: ферменты слюны.

Предмет исследования: действие ферментов слюны на крахмал.

Гипотеза исследования: в слюне содержатся ферменты, которые расщепляют крахмал.

Содержательный компонент

Основные понятия: слюна, ферменты, пищеварение, ротовая полость.

Процессуальный компонент

Методы исследования: эксперимент.

Материал и оборудование: накрахмаленные кусочки марли (бинта), стерильные ватные палочки, стакан с водой, чашка Петри, стакан с йодной водой.

Место проведения: кабинет биологии.

Форма организации: парная.

Порядок работы: 1. Возьмите кусочек накрахмаленной марли. Смочите стерильную ватную палочку слюной. Нанесите слюну на кусочек марли и зажмите его на несколько секунд между ладонями. 2. Опустите кусочек марли в йодную воду. 3. Повторите эксперимент еще раз, но вместо слюны смочите ватную палочку водой.

Результативно-оценочный компонент

Форма предъявления результата: таблица «Свойства ферментов слюны» [25]:

Условия эксперимента	Результаты эксперимента	Выводы

Выводы: 1. Слюна содержит ферменты, расщепляющие крахмал. 2. Вода не расщепляет крахмал. Наличие в слюне ферментов, расщепляющих крахмал, доказано. Гипотеза подтверждена.

Экскурсия – важная форма обучения биологии и экологии, проводится с классом или группой учащихся, вне общеобразовательной организации с учебно-познавательной целью при передвижении от объекта к объ-

екту в их естественной среде или искусственно созданных условиях [26]. Ключевым этапом экскурсии является самостоятельная работа учащихся, в рамках которой можно организовать учебное исследование. Например, экскурсия в зоологический музей им. Д.Н. Флорова Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) по теме «Приспособления животных к среде обитания».

Мотивационно-целевой компонент

Цель исследования: выявление адаптаций у животных к среде обитания.

Объект исследования: жираф, дельфин-белобочка, крот, бычий цепень.

Предмет исследования: адаптации животных к определенным средам обитания.

Гипотеза исследования: у животных в ходе эволюции возникают приспособления к среде обитания.

Содержательный компонент

Основные понятия: среды обитания, адаптации, водная среда обитания, наземно-воздушная среда обитания, почвенная среда обитания, организм как среда обитания.

Процессуальный компонент

Методы исследования: распознавание и определение объектов.

Материал и оборудование: чучела жирафа и крота, макет дельфина-белобочки, влажный препарат бычьего цепня.

Место проведения: зоологический музей им. Д.Н. Флорова СГСПУ.

Форма организации: групповая.

Порядок работы: рассмотрите экспонаты зоомузея – жирафа, дельфина-белобочку, крота и бычьего цепня, определите их среды обитания и адаптации к этим средам.

Результативно-оценочный компонент

Форма предъявления результата: ответы на вопросы: 1. В каких средах обитают жираф, дельфин-белобочка, крот и бычий цепень? 2. Какие у них есть адаптации к жизни в той или иной среде обитания?

Выводы: 1. Жираф живет в наземно-воздушной среде

обитания. У него есть конечности наземного типа, сложные покровы тела (кожа с шерстью), дышит с помощью легких атмосферным воздухом. 2. Дельфин-белобочка живет в воде. У него редуцированы конечности (превратились в плавники), редуцирован тазовый пояс, обтекаемая форма тела (рыбья), ноздри переместились на темя и закрываются клапанами. 3. Крот живет в почве. У него валикообразная (цилиндрическая) форма тела, слабо развито зрение, хорошо развито обоняние, редуцированные ушные раковины, передние конечности копытельного типа с большими когтями, мех легко ложится в любом направлении. 4. Бычий цепень живет в кишечнике у человека. На головке есть крючки для удержания в теле хозяина, сложные покровы тела, препятствующие перевариванию, питательные вещества поглощает всей поверхностью тела, нет пищеварительной системы, не развиты органы чувств, анаэробный тип дыхания [27].

Внеурочная работа – организуется с целью выполнения вне урока обязательных, связанных с изучением курса практических работ по индивидуальным и групповым заданиям учителя. К внеурочным работам, например, относятся летние задания. Учащимся можно предложить выполнить в качестве летнего задания учебное исследование по теме «Влияние прищипки верхушечной почки на урожайность огурцов».

Мотивационно-целевой компонент

Цель исследования: изучение влияния прищипки верхушечной почки на урожайность огурцов.

Объект исследования: огурцы сорта «Феникс».

Предмет исследования: влияние прищипки верхушечной почки на урожайность огурцов сорта «Феникс».

Гипотеза исследования: прищипка верхушечной почки усилит рост и развитие огурцов, а следовательно, и их урожайность.

Содержательный компонент

Основные понятия: сельскохозяйственные растения, агротехника выращивания огурцов, прищипка, верхушечная почка, урожайность.

Процессуальный компонент

Методы исследования: эксперимент, наблюдение.

Материал и оборудование: сорт огурцов «Феникс», садовый инвентарь.

Место проведения: учебно-опытный участок (садовый участок).

Форма организации: индивидуальная.

Порядок работы: 1. Заложите эксперимент и проведите наблюдение за огурцами сорта «Феникс», выращенными с прищипкой верхушечной почки и без нее. 2. Выясните, как изменяются рост и развитие растений после удаления над четвертым настоящим листом верхушечной почки. Контролем служат растения без такой прищипки. 3. Отметьте, где раньше начинается рост боковых побегов, цветение, образование плодов; где больше (по массе) урожай. 4. Проследите, где появляются первые цветки – на главном или боковых побегах; каково их строение; каких цветков (пестичных или тычиночных) больше на этих побегах. 5. Продумайте, как пыльца попадает на рыльца пестиков; сколько времени проходит от опыления цветка до образования плода (зеленца) и до образования семян; зависит ли количество плодов и быстрота их роста от температуры воздуха [28].

Результативно-оценочный компонент

Форма предъявления результата: письменный отчет.

Вывод: прищипка верхушечной почки способствовала образованию дополнительных боковых побегов, что сделало растения более густыми и повысило урожайность в 2 раза по сравнению с контрольным образцом.

Внеклассная работа – имеет добровольный характер, проводится по желанию учащихся во внеурочное время с целью развития их интереса к изучению биологии и экологии. Она бывает индивидуальной, групповой (кружок) и массовой [26]. В рамках индивидуальной внеклассной работы интересующимся предметом учащимся можно предложить выполнить учебное исследование по теме «Влияние физической нагрузки на работоспособность сердца и артериальное давление».

Мотивационно-целевой компонент

Цель исследования: выявление влияния физической нагрузки на работоспособность сердца и артериальное давление.

Объект исследования: сердечно-сосудистая система человека.

Предмет исследования: влияние физической нагрузки на работу сердечно-сосудистой системы человека.

Гипотеза исследования: физические упражнения влияют на работоспособность сердечной мышцы и артериальное давление. Физическая культура способствует повышению выносливости и тренированности сердца, стабильности артериального давления.

Содержательный компонент

Основные понятия: сердечно-сосудистая система человека, сосуды, артерии, вены, капилляры, сердце, строение сердца, работа сердца, круги кровообращения, артериальное давление, пульс.

Процессуальный компонент

Методы исследования: измерение артериального давления, подсчет пульса.

Материал и оборудование: тонометр, секундомер.

Место проведения: кабинет биологии, лаборантская.

Форма организации: индивидуальная.

Порядок работы: 1. Определите величину артериального давления и частоту сердечных сокращений (ЧСС) у своих одноклассников в состоянии покоя и после дозированной нагрузки (10 приседаний) с помощью тонометра. 2. Полученные результаты занесите в таблицу:

№	В состоянии покоя		После нагрузки	
	ЧСС	Артериальное давление	ЧСС	Артериальное давление

3. Для каждого ученика вычислите показатель изменения ЧСС между данными в состоянии покоя и после дозированной нагрузки. Для этого из величины пульса после нагрузки вычтите величину пульса в состоянии покоя, разделите полученный результат на величину пульса в состоянии покоя и умножьте на 100%. Если 10 приседаний вызвали учащение пульса более чем на 30% от исходной величины, то сделайте вывод о том, что сердце усиливает свою работу за счет увеличения частоты сокращений. Это означает, что организм тренирован недостаточно. Если дозированная нагрузка не вызывала учащение пульса более чем на 30% от исходной величины, то сделайте другой вывод: сердце усиливает свою работу за счет увеличения количества крови, выбрасываемого при каждом сокращении. Организм тренирован, и нагрузку можно увеличить [25].

Результативно-оценочный компонент

Форма предъявления результата: исследовательская работа, доклад и презентация.

Выводы: 1. Физическая нагрузка увеличивает частоту сердечных сокращений и повышает уровень артериального давления. 2. У 32% учащихся класса сердечная мышца нуждается в тренировке.

Домашняя работа – проводится для самостоятельного выполнения дома заданий учителя – практических и по учебнику (а также другим источникам информации), связанных с содержанием предыдущих занятий. В рамках данной формы обучения биологии и экологии учащимся можно предложить проследить наследование какого-либо конкретного признака в своей семье и составить родословную. Например, наследование групп крови системы АВО.

Мотивационно-целевой компонент

Тема исследования: «Наследование групп крови системы АВО в моей семье».

Цель исследования: выявление наследования групп крови системы АВО и составление родословной семьи.

Объект исследования: члены семьи.

Предмет исследования: группы крови членов семьи.

Гипотеза исследования: большинство членов семьи имеют вторую группу крови.

Содержательный компонент

Основные понятия: кровь, группы крови системы АВО, наследование, взаимодействие аллельных генов, множественный аллелизм.

Процессуальный компонент

Методы исследования: опрос, составление схемы родословной, генетический анализ.

Материал и оборудование: учебник, рабочая тетрадь.

Место проведения: дом.

Форма организации: индивидуальная.

Порядок работы: 1. Опросите членов семьи на предмет их группы крови. 2. Составьте схему родословной. 3. Проанализируйте наследование групп крови в вашей семье. 4. Сделайте вывод о проделанной работе.

Результативно-оценочный компонент

Форма предъявления результата: схема родословной семьи.

Вывод: у членов семьи присутствуют все группы крови, но преобладают люди со II группой крови.

Заключение

Рассмотренные выше способы организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по биологии и экологии будут способствовать формированию у них ценностей научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – М.: Просвещение, 2013. – 48 с.
2. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: проект / Рос. акад. образования; под ред. А.М. Кондакова, А.А. Кузнецова. – М.: Просвещение, 2008. – 39 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт. Основное общее образование. Проект. – URL: // <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94555> (дата обращения: 18.11.2020).
4. Андреева Н.Д., Алексеева Т.Б., Ларченкова Л.А. и др. Формирование научного мировоззрения в процессе естественнонаучного образования школьников: методология исследований, состояние проблемы в теории и практике: коллективная монография / под науч. ред. Н.Д. Андреевой. – СПб.: Изд-во «Свое издательства», 2013. – 182 с.
5. Азизова И.Ю. Формирование ценностных ориентаций у учащихся при обучении биологии в курсе «Человек и его здоровье»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2002. – 20 с.
6. Морозова М.И. Формирование научного мировоззрения у учащихся при обучении общей биологии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2005. – 18 с.
7. Постнова Н.С. Развитие эмоционально-ценностного и интеллектуального компонентов научного мировоззрения у учащихся в процессе обучения биологии (на примере курса «Человек и его здоровье»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2010. – 24 с.
8. Рябова С.С. Формирование у школьников ценностного отношения к природе в условиях дополнительного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2012. – 22 с.
9. Семенова Н.Г. Формирование основ биологической картины мира посредством обобщения при обучении учащихся 9-х классов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2016. – 22 с.
10. Чекалова Л.А. Формирование научного мировоззрения учащихся старших классов в условиях гуманитаризации естественно-математических дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Карачаевск, 2003. – 24 с.
11. Семенов А.А., Яицкий А.С. Исследовательская деятельность по биологии и экологии как средство формирования научного мировоззрения учащихся:

- научный обзор // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 10. – С. 93–97.
12. Андреева Н.Д., Азизова И.Ю., Малиновская Н.В. Новые подходы к обучению биологии в общеобразовательной школе в условиях ФГОС: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во «Свое издательство», 2015. – 299 с.
 13. Андреева Н.Д., Азизова И.Ю., Левченко А.Л. Как стать ученым? Рекомендации юным исследователям и их руководителям: учеб. пособие. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – 72 с.
 14. Боброва Н.Г. Виды учебно-познавательной деятельности в обучении биологии: дидактическая и методическая характеристика // Самарский научный вестник. – 2014. – № 2 (7). – С. 11–15.
 15. Боброва Н.Г. Методика организации учебно-исследовательской деятельности по экологии // Эколого-географические проблемы регионов России: материалы X всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 100-летию со дня рождения д.г.н., профессора В.И. Прокаева и 90-летию естественно-географического факультета СГСПУ / отв. ред. И.В. Казанцев. – Самара: СГСПУ, 2019. – С. 379–384.
 16. Всесвятский Б.В. Исследовательский подход к природе и жизни: идеи и практика биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1926. – 79 с.
 17. Ковшар Я.С. Исследовательская деятельность экологического характера во внеурочной работе по биологии // Globularia: межвузовский сборник научно-исследовательских работ студентов. Вып. 5 / отв. ред. А.А. Семенов. – Самара: СГСПУ, 2018. – С. 165–170.
 18. Наливайко И.В., Лаптева Н.В., Рубинова М.Ю. Организация научно-исследовательской деятельности школьников по изучению морфологических и физиологических особенностей грызунов: методические рекомендации для учителей биологии, педагогов дополнительного образования. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – 40 с.
 19. Семенов А.А., Яицкий А.С., Панфилова Л.В., Павловский В.А. Организация учебно-исследовательской деятельности учащихся биоэкологической направленности // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7, № 4 (25). – С. 352–360.
 20. Суматохин С.В. Требования ФГОС к учебно-исследовательской и проектной деятельности // Биология в школе. – 2013. – № 5. – С. 60–68.
 21. Суматохин С.В. Учебно-исследовательская деятельность по биологии в соответствии с ФГОС: с чего начать, что делать, каких результатов достичь // Биология в школе. – 2014. – № 4. – С. 23–29.
 22. Тяглова Е.В. Исследовательская и проектная деятельность учащихся по биологии: метод. пособие. – М.: Глобус, 2008. – 255 с.
 23. Ясюк В.П. Технологии учебно-исследовательской деятельности учащихся: метод. пособие. – Самара: МБОУ ДООД ЦДОД «Искра» г.о. Самара, 2013. – 40 с.
 24. Семенов А.А., Боброва Н.Г., Глазкова Л.М. Вопросы теории и методики обучения биологии: учеб. пособие для студентов-заочников. – Самара: Изд-во СГПУ, 2003. – 175 с.
 25. Воронин Л.Г., Маш Р.Д. Методика проведения опытов и наблюдений по анатомии, физиологии и гигиене человека: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 160 с.
 26. Пономарева И.Н., Роговая О.Г., Соломин В.П. Методика обучения биологии: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. И.Н. Пономаревой. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 368 с.
 27. Семенов А.А. Экология. Краткий курс: учебное пособие для учащихся старших классов. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2003. – 129 с.
 28. Полевой практикум по теории и методике обучения биологии: учебно-методическое пособие для студентов-заочников / авт.-сост.: Л.И. Лушина, А.А. Семенов, Н.Г. Боброва и др.; под ред. А.А. Семенова. – Самара: Изд-во СГПУ, 2004. – 85 с.

© Семенов Александр Алексеевич (semenov@sgspsu.ru), Яицкий Андрей Степанович (yaitsky@sgspsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОПТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ¹

Сусименко Елена Владимировна

д.ф.н., профессор, Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
lesusima@yandex.ru

Ефимов Александр Владимирович

к.э.н., доцент, Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
npi_pfu@mail.ru

CULTURE OF EDUCATION AND FEATURES OF ITS TRANSFORMATION IN THE OPTICS OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

**E. Susimenko
A. Efimov**

Summary: This article raises, updates and discusses in a discursive way the issues that make up the problem field of the functioning of education in a modern society that has entered the digital age. In the Russian reality, these issues receive mostly critical coverage, however, the palette of opinions is quite diverse, and the author's analysis allows us to fix the contradictory background of attitudes to changes both in the Russian education system and in the culture of education.

Analysis of positions and opinions regarding culture of learning allowed the author to state that this concept in the field of socio-humanitarian knowledge presented fairly fragmented, mostly in the context of large-scale changes in the education system, problems and contradictions of the transition to digital education, to his onlinesale and information.

The methodological field of the culture of education has also not been the subject of separate scientific research, which in a promising light presents the problems chosen by the author in the context of topical questions about the current and future state of the culture of education in Russia and the risks of its imitation. The author comes to this conclusion by the very nature and assessment of the digital reform of the Russian education system. If most of the country's educational space is not ready to switch to digital education, both at the psychological and technological level, the processes of imitation of education are inevitable.

Keywords: culture, education, culture of education, digitalization, Informatization, digitalization of education, onlinization, globalization.

Аннотация: В данной статье поднимаются, актуализируются и рассматриваются в дискурсивном ключе вопросы, составляющие проблемное поле функционирования образования в условиях современного общества, вступившего в цифровую эпоху. В российских реалиях эти вопросы получают в своем большинстве критическое освещение, однако, палитра мнений достаточно разнообразна, и проведенный автором анализ позволяет зафиксировать противоречивый фон отношения к изменениям как в российской системе образования, так и в культуре образования.

Анализ позиций и мнений относительно культуры образования позволил автору констатировать, что данное понятие в области социально-гуманитарного знания представлено достаточно фрагментарно, в основном, в контексте масштабных перемен в самой системе образования, проблем и противоречий перехода к цифровому образованию, к его онлайнизации и информатизации.

Методологическое поле культуры образования также не стало предметом отдельных научных исследований, что в перспективном свете презентует выбранную автором проблематику в контексте актуально сформулированных вопросов о современном и будущем состоянии культуры образования в России и рисках ее имитации. К этому выводу автора подводит сам характер и оценка цифрового реформирования российской системы образования. В условиях неготовности к переходу на цифровое образование большей части образовательного пространства страны как на психологическом, так и технологическом уровне, запущенные процессы имитации образования неминуемы.

Ключевые слова: культура, образование, культура образования, цифровизация, информатизация, цифровизация образования, онлайнизация, глобализация.

Образование играет кардинальную роль в становлении личности и развитии общества. С ним связывают реалии и перспективы развития челове-

ческого капитала [7], а потому оно должно находиться в фокусе общественного и научного внимания. Сами же образовательные процессы должны быть подконтроль-

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0».

ны социальной регуляции. Только так можно управлять системой образования и прогнозировать тенденции образовательной динамики и изменение парадигмальных оснований образования как социального института. Вместе с тем, как отмечают исследователи, «процессы, происходящие в образовании, вырываются из-под контроля как институтов, так и субъектов образовательного процесса. Это можно наблюдать как в практиках образования на всех уровнях, так и в теории, которая зачастую не в состоянии совместить новые направления исследований с традиционными представлениями о смысле и ценности образования» [19].

Иными словами, образование развивается по стихийной траектории, задаваемой рынком, который, в свою очередь, ориентируется на прагматические ценности, уже явно доминирующие над инструментальными и сформировавшие потребительские модели поведения. Последние стали постепенно вытеснять созидательные, культуротворящие, и эти реалии сегодняшнего дня определяют негативные стратегии развития не только образовательной сферы российского общества, но и всей социальной сферы, находящейся в непосредственной зависимости от эффективности института образования, его способности задавать ориентиры будущего в соответствии с духом современности.

Негативные реалии в сфере российского образования требуют поиска ответа на вопрос об источниках их появления и распространения. Безусловно, источники кризисных факторов в социокультурной динамике российского общества и его системы образования в определенной мере детерминированы мировыми тенденциями и факторами, связанными с цифровизацией, информатизацией социальной сферы [2] и образования в том числе [5], но и внутренние факторы не стоит сбрасывать со счетов. Очевидно, следует учитывать влияние процессов, производных от факторов внутренней среды, оказывающих воздействие на ценностную трансформацию института образования, на академическую среду с ее этосом, корпоративной культурой и культуру образования в целом.

Можно говорить о том, что в системе образования совершился парадигмальный переход, кардинально изменивший саму культуру образования как фундаментальное основание образовательного пространства российского общества. Этот переход обусловлен внедрением в образовательную сферу, в образовательные практики компьютерных информационно-коммуникативных технологий, в результате чего актуально звучали проблемы сетевизации, виртуализации, онлайнизации и кибернетизации образовательной среды и образования в целом [3].

Относятся к данным процессам ученые по-разному,

выделяя как преимущества информатизации образовательной сферы и среды, так и ее негативные стороны, но всеми признается необходимость соответствовать мировым трендам цифровизации в силу тотального проникновения информационных и цифровых технологий в социальную жизнь, и образование как базовый социальный институт не может остаться в стороне [8].

Другое дело, что переход к цифровому образованию не должен сопровождаться сокрушительным ударом по социокультурному базису образования, формировавшемуся в логике цивилизационной динамики общества, его мировоззренческих оснований и культурных традиций, но именно так происходит в российской образовательной сфере. И не только образовательной. Масштабный переход на информационные способы и средства управления в социальной сфере, в области управления, экономики и политики сформировал пространство информационных рисков [13], в системе образования развившихся в тенденциях стандартизации, унификации, упрощения образовательного процесса, утраты глубинных смыслов образования, роста имитационных схем и стратегий в образовательных практиках, в управлении ими [12].

Сложно понять, на что рассчитано разрушение социокультурного базиса образования с его колоссальным дидактическим опытом, потенциалом научных школ, когда совершенно очевидно, что только возвращенные на традиции инновации, имеющие под собой социокультурные основания, могут, действительно, стать фактором инновационного прорыва общества [15]. Иные же отторгаются самим обществом или порождают архаические процессы с параллельным наращиванием практик, имитирующих инновационные. И в сфере образования, по свидетельству российских философов, все указанные процессы имеют место быть, что не противоречит самой архаической траектории развития современного российского государства [10].

Что же происходит с культурой образования в современной России? Какие проблемы поднимаются в научном дискурсе в свете очевидных культурных изменений функционирования российской системы образования? Какими смыслами, ценностями, идеалами наполнено современное пространство культуры образования в России и есть ли она как целостное социальное явление?

На данные вопросы еще нет исчерпывающих ответов, но они уже сейчас находятся в оптике научной рефлексии, и в ее рамках можно выделить ряд направлений, которые привлекают особое внимание исследователей.

Прежде всего, ученые обращаются в современной информационной реальности, к цифровой революции, обосновывая этими процессам ту или иную точку зре-

ния на культурные формы и ценности образования в изменившихся условиях. Так, Н.Л. Варова, определяющая культуру образования по признакам направленности на развитие личности и качество знания, видит ее миссию в сохранении и развитии современной цивилизации, что предполагает наличие у человека восприятия мира как целого и личности как самоценности; отношение к различиям как источнику новых знаний о мире, его развития, и с этими задачами в системе высшего образования, по мнению данного автора, способна справиться философия [4].

Ю.В. Агапов ратует за «необходимость обновления самой культуры образования как условия становления полноценного субъекта учебной деятельности путем приобретения успешного опыта самостоятельной рефлексивно организованной учебной и познавательной активности» [1]. В свою очередь, В.С. Глаголев, отталкиваясь от информационных реалий современного мира, определяет в качестве приоритетных направлений повышения культуры образования современного российского общества те, которые связаны, во-первых, с совершенствованием информационной культуры субъектов образовательного процесса для более эффективной работы с информационными потоками в рамках развития научного мышления и навыков аналитической работы; во-вторых, с обращением к подлинному, лишенному идеологических спекуляций, культурному наследию общества; в-третьих, с повышением правовой грамотности всех участников образовательных отношений; в-четвертых, с повышением уровня профессионализма и научной компетентности; в-пятых, сохранение и поддержание на высоком уровне гуманитарного блока образовательной программы и образовательной системы в целом [6].

Есть среди исследователей те, которые полностью принимают современные информационные веяния, полагая, что система высшего образования должна адаптироваться к ним беспрекословно [11; 16], так как в противном случае сам преподаватель высшей школы становится источником рисков в процессе информатизации образования в силу психологической неготовности к использованию цифровых технологий в образовательной деятельности; убежденности в том, качество образования и использование цифровых и электронных ресурсов никак не связаны между собой; невысоким уровнем информационно-коммуникационной компетентности; сопротивлению новым дидактическим практикам и отстаивания устоявшейся практики преподавания; негативной мифологизации процессов информатизации в сфере образования и других областях жизнедеятельности современного социума [20; с. 24].

Не разделяя такой безальтернативности к организации образовательного процесса и дидактической

практики преподавателей, даже учетом масштабного процесса информатизации социальной сферы, мы, скорее, солидарны с теми учеными, которые убедительны в своем объяснении института образования и образовательных отношений как развивающихся по собственной логике, отличной от логики развития экономических систем и институтов [9], имеющих свое функциональное предназначение, свою миссию в социокультурной динамике общества. Не отрицая преимуществ цифровизации образования и внедрения электронных технологий и средств в образовательный процесс, следует, как справедливо полагают ученые, учитывать и производные от цифровизации риски: уход от фундаментальности, снижение статуса российского образования, «утечка» талантливой молодежи за границу, дефицит личных контактов в образовательном процессе и т.д. [14].

Образование всегда отвечало за такой экзистенциальный процесс, как формирование личности, общих смыслов и ценностей как основы целостного восприятия мира и своего места в нем. Да, современное образование попало в информационную ловушку, потому что не справляется с высокой динамикой изменений, информационных потоков, тенденциями стремительно устаревания опыта, технологий и знаний, что затрудняет или сводит к минимуму его способность сохранять преемственность между прошлым и будущим, между поколениями с их экзистенциальным опытом и смыслами жизни. Но это кажущаяся неспособность, кажущееся бессилие, которое проявляет себя в сфере информационных технологий и инноваций, но остается гуманитарная сфера, которая, как и прежде, призвана быть «мостиком» между поколениями, различными культурами, эпохами.

Однако сокращение гуманитарного образования в современной российской системе образования позволяет прогнозировать то, что уже сейчас представляют как данность – крах образования как рупора эпохи, канала социокультурной преемственности. Исправить ситуацию еще возможно. Для этого нужны серьезные и адекватные задаче гуманизации и гуманитаризации образования реформы, программы развития, в рамках которых будет формироваться и развиваться в духе эпохи и целей социокультурного развития общества культура образования. В свою очередь, возникает задача масштабного научного плана, связанная с концептуализацией самой темы культуры образования, представленной в российской науке, в том числе социально-философской, весьма фрагментарно.

Культура образования есть субстанция всей образовательной системы общества. В современных российских реалиях она находится в турбулентном состоянии, как и само общество, переживающее длительный период реформ и экономических кризисов, ценностной

трансформации. На этом фоне цифровая революция, ворвавшаяся в современный глобальный мир, стремительно закрепляет ценности цифрового мира с приматом не только всего информационного, но и потребительского, что самым разрушительным образом сказывается на культуре образования. Она, будучи частью культуры общества как «поведенческой программы обеспечения коллективного характера жизнедеятельности людей» [18], также утрачивает свои социокультурные основания, рискуя стать придатком рыночной культуры, в российских условиях далекой от цивилизованной, не попирающей силу и значимость человеческих прав и интересов.

В заключении поставим ряд вопросов, которые еще ждут ответа в условиях стремительной цифровой революции и ее победного шествия по миру. Какой должна быть культура образования в цифровую эпоху? Возможна ли она в принципе с учетом высокой динамики изменений цифровой эпохи, мобильного мира, в котором уже не актуальны принципы константности, устойчивости, традиционности, а символом современности выступают такие характеристики, как изменчивость, подвижность, движение, динамика и мобильность как маркер социального успеха [17]?

Очевидно, что современная система образования в России не готова к формированию такого типа личности, такого типа общества, но настойчиво движется в этом направлении, последовательно разрушая все то, что было ориентировано на иной тип общества. Такие крайности в социальной сфере общества, в социальной политике и истории России всегда заканчивались трагично – общество утрачивало целостность, вступало в эпоху социокультурного раскола.

Опасность сегодняшней ситуации, сложившейся в сфере образования, заключается в угрозе имитации образования, поскольку стремительный переход к онлайн-формам образовательных практик и управления в системе образования в условиях психологической и технической неготовности к подобному переходу, если рассматривать ситуацию в целом по стране, а не ее отдельным, наиболее продвинутым в ресурсном и технологическом плане регионам, вузам, автоматически запустил имитационные и симулятивные механизмы. Под угрозой и сама культура образования. Ее имитационные оттенки уже просматриваются в неоднозначной ценностной и смысловой палитре российского образования.

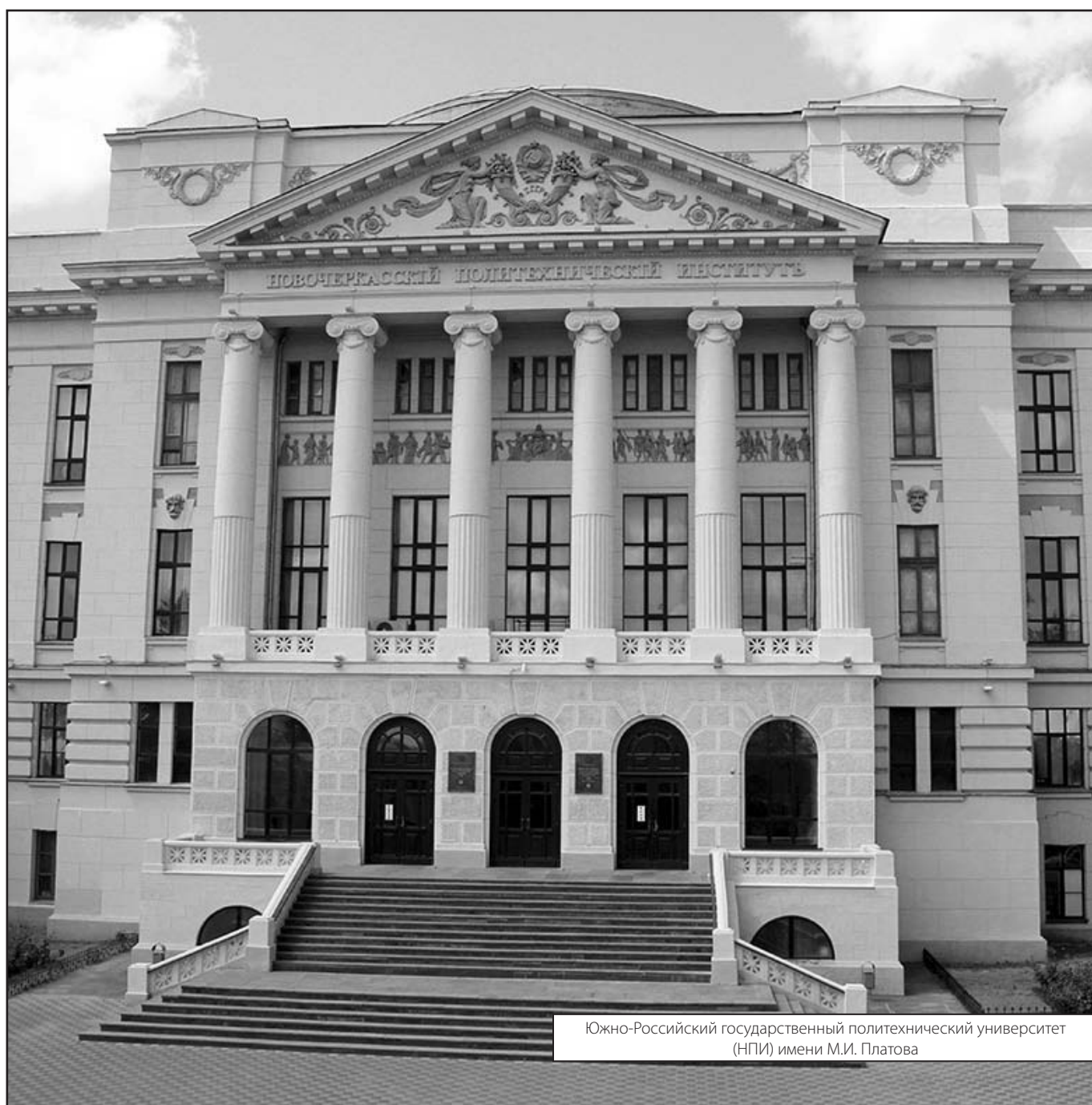
ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов Ю.В. Культура образования и формирование субъекта образовательной деятельности // Грамота, 2013. № 6 (32). Часть 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net
2. Бакаева Ж.Ю., Степанов А.Г., Степанова С.Е. Философско-методологические основания информатизации и моделирования в контексте цифровизации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 20-27.
3. Богословский В.И., Аниськин В.Н. Роль и место холистичной информационно-образовательной среды на этапе цифровизации процессов обучения и воспитания личности // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4(25). С. 305-311.
4. Варова Н.Л. Культура образования в современной цивилизации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6779>
5. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал "Номо Cyberus". 2019. № 1(6). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019.
6. Глаголев В.С. Культура образования в условиях современного российского общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/5e3/kultura-obrazovaniya-v-usloviyah-sovremennogo-rossijskogo-obshchestva.pdf>
7. Голенкова З.Т., Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 2. С. 262–273.
8. Гребенникова В.М., Новикова Т.В. К вопросу о цифровизации образования. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Том. 11. № 5. С. 158-165.
9. Культура образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://potencial-school.ru/kultura-obrazovaniya.html> © potencial-school.ru.
10. Кумыков А.М., Ситников А.П. Архаизация в практиках образования в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. № 1. С. 261–269.
11. Лапчик М.П., Федорова Г.А. Инновационный подход к подготовке педагогических кадров в области информатизации образования // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 28-41.
12. Павленко И.И. Информатизация социального управления и перспективы формирования инновационного университета в России: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 41 с.
13. Перчук Е.Е. Информатизация и информационная безопасность: философско-методологические аспекты: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.08. Москва, 2002. 159 с.
14. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Том 25. № 2. С. 84-88.

15. Суркова И.В. Социальная сфера российского общества: на пересечении традиций и инноваций. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 142 с.
16. Тюкавкин Н.М. Цифровизация образовательных процессов в вузах // Эксперт: теория и практика. 2019. № 1(1). С. 35-41.
17. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.
18. Флиер А.Я. Теория культуры: опыт генерализации // Культура культуры. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/the-theory-of-culture-a-new-generalization/>
19. Шапинская Е.Н. Образование в эпоху «цифры»: учение или развлечение? [Электронный ресурс]. Режим доступа: Культура культуры. 2019. № 2 / <http://cult-cult.ru/education-in-the-digital-age-learning-or-entertainment/>
20. Шафранова О.Е. Дополнительное образование преподавателей как условие минимизации рисков информатизации высшего образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2018. № 2. С. 16-24.

© Сусименко Елена Владимировна (lesusima@yandex.ru), Ефимов Александр Владимирович (npi_pfu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

СОСТОЯНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТРОЛЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКИМ НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ

STATUS OF COMMUNICATION CONTROL AMONG STUDENTS IN SPECIAL AREAS OF TRAINING

*I. Tyutyueva
T. Filyutina*

Summary: The article analyzes the educational standard of higher education and considers communicative competence, as one of the components of the competence of future specialists of defectological education. The authors analyze modern research and identify 4 components of the pedagogical task-situation: the target component, content-cognitive component, emotional and behavioral component, performance-predictive components, and represent the developed model of communicative activity in solving a problematic pedagogical situation. The article presents the results of a study of the levels of self-control assessment in communication.

Keywords: communication, communication competence, communication control, students, special (defectological) education, model of communicative activity.

Тютюева Ирина Анатольевна

*К.псх.н., доцент, Шадринский государственный педагогический университет
medvedeva452020@mail.ru*

Филютинa Татьяна Николаевна

*К.п.н., доцент, Шадринский государственный педагогический университет
filyutina1960@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется образовательный стандарт высшего образования и рассматривается коммуникативная компетентность, как одна из составляющих компетентностей будущих специалистов дефектологического образования. Авторы, анализируя современные исследования, выделяют 4 компонента педагогической задачи-ситуации: целевой компонент, содержательно-когнитивный компонент, эмоционально-поведенческий компонент, результативно-прогностический компоненты и представляют разработанную модель коммуникативной деятельности в решении проблемной педагогической ситуации. В статье представлены результаты исследования уровней оценки самоконтроля в общении.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная компетенция, коммуникативный контроль, студенты, специальное (дефектологическое) образование, модель коммуникативной деятельности.

Институт стратегических и международных исследований опубликовал доклад об основных направлениях развития мировой цивилизации до 2035 года, где анализируются семь революций, которые сегодня происходят в мире. В качестве одного из приоритетов в управленческой революции определена «командная работа», которая предполагает совместные усилия всех специалистов для достижения долгосрочных и краткосрочных целей организации. Командная работа предполагает развитие у всех участников не только корпоративной культуры, но и коммуникативной компетентности, которая у каждого участника команды, должны быть развита на высоком уровне. Кроме того, в докладе приведены исследования нобелевского лауреата Джеймса Хекмана, которые доказывают необходимость инвестиций в программы раннего и дошкольного образования, которые обеспечивают большой эффект в развитии экономики [3]. Объединив эти две важные позиции, мы констатируем, что при реализации программ раннего и дошкольного детства в условиях разных вариантов развития в дошкольном детстве, огромную важность имеет качество командной работы специалистов инклюзивного образования, для которого очень значимо сформированность коммуникативной компетентности.

Актуальность исследования коммуникативной компетенции начиная с работ Д. Хаймса. Д. Хаймс рассматривал коммуникативную компетенцию как способность быть участникам речевой деятельности. М. Кэналь, М. Свейн – считают ее основой системы знаний и навыков, необходимых для осуществления коммуникации [3].

В.Ю. Асадчих рассматривает коммуникативную компетентность как интегративное качество личности, в котором находит проявление совокупности лингвистического, психологического, социального компонентов, являющееся результатом рефлексивного диалогического взаимодействия обучающихся и педагогов в условиях личности - развивающей образовательной среды [1].

М.А. Чошанов предлагает универсальную «формулу компетентности» включающую три компонента: мобильность знания, гибкость метода, критичность мышления. Эти компоненты отражают уровень минимальной компетентности, медиальной и полной [2].

Компетентность – это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), которые являются заданными к опреде-

ленному кругу предметов и процессов и необходимыми для качественного продуктивного действия по отношению к ним [12]. Компетентность – владение человеком соответствующей компетенцией, содержащее его личное отношение к предмету деятельности [12].

Таким образом, коммуникативная компетенция – это объективная философская и педагогическая категория, а коммуникативная компетентность – субъектная личностная категория включающая определенный объем знаний, умений и навыков, которые человек присвоил и продолжает осваивать, и забирать как эффективные компоненты профессиональной деятельности.

Исходя из этих общих подходов, мы опираемся на трактовку коммуникативной компетенции Н.В. Соломиной, как «конгломерирующую форму компетенций, способную интегрировать более простые типы компетенций (языковую, речевую, прагматическую, предметную, культурную, лексикографическую, стратегическую, социолингвистическую, цивилизационную и т.д.)» [13, с.172].

В психолого-педагогической литературе в сходном контексте исследуются:

- «Коммуникативный потенциал у будущих педагогов в ВУЗе» (Л.Л. Лашкова, И.В. Резанович [6]).
- «Методы коммуникативной подготовки студентов на основе диагностики уровня коммуникабельности, типа характера» (О.А. Светлякова [8]).
- «Проблемы формирования навыков корпоративной культуры у студентов (В.Я. Жукова, Н.А. Туранина [10]).
- «Средства развития профессиональной рефлексии педагогов» (О.А. Шиян, А.Н. Якшина, С.А. Задаев, Т.Н. Ле-ван [13]).

На основе анализа образовательного стандарта высшего образования республики Беларусь (СТБ ИСО 9000 – 2006), М.Л. Кривуть рассматривает коммуникативную компетентность «как много-компонентное образование, структурно-образующими компонентами каждого являются академические (АК), социально-личностные (СЛК) и профессиональные компетенции (ПК) [5].

АК – владение методологией и терминологией отдельной области знаний, понимание действующих в ней системных взаимосвязей, а также способность использовать в решении практических задач;

СЛК – готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями реальной педагогической ситуации;

ПК – совокупность компетенций, относящихся к самому человеку как к личности с другими людьми группой и обществом» (М.Л. Кривуть, с. 198).

Мы проанализировали федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.03 Специальное (дефектологическое) образование мы пришли к выводу: данная компетенция (ПК -1) связана со следующими компетенциями: готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-3); готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-1); способность демонстрировать знания фундаментальных и прикладных дисциплин магистерской программы, осознавать основные проблемы своей предметной области (ОПК-2); готовность к самостоятельному освоению и применению новых методов и технологий исследования (ОПК-3); способность осуществлять профессиональное и личностное самообразование, проектировать дальнейший образовательный маршрут и профессиональную карьеру (ОПК-5).

Компетенция ПК-1 обусловлена профилем «Дефектология» и необходима для формирования профессиональных компетенций ОК и ОПК, определенных ФГОС ВО. В частности, она способствует формированию компетенции: способностью к проектированию индивидуальных маршрутов развития, образования, социальной адаптации и интеграции лиц с ОВЗ на основе результатов психолого-педагогического изучения лиц с ОВЗ (ПК-2); способностью к проектированию коррекционно-образовательного пространства и разработке методического обеспечения с использованием информационных технологий (ПК-3); готовностью к обеспечению взаимодействия работников сфер образования, здравоохранения и социальной защиты при решении актуальных коррекционно-педагогических задач (ПК-4). Сформированная компетенция ПК-1 позволит выпускнику осуществлять такие профессиональные задачи, как осознанный и аргументированный с теоретической и методической точек зрения выбор психолого-педагогических технологий для работы с детьми с ОВЗ.

Профессиональная педагогическая коммуникация затрагивает все сферы психики специалиста дефектологического направления: познавательную, поведенческую, личностную, эмоционально-волевую. Коммуникация учителя – дефектолога строится с разными объектами: дети с разными нарушениями в развитии и поведении; родители этих детей, лица их замещающие; педагогические работники разного возраста и с разным опытом работы; профессиональные коллективы и методические объединения; менеджеры в системе образования. Такое широкое коммуникативное поле требует знания содержания преподаваемых дисциплин. Формирование данной компетенции предполагает наличие мобильных знаний и гибкость их применения из ряда дисциплин психолого-педагогического блока: «Общая и

возрастная психология», «Психоло-педагогическое консультирование», «Психология делового общения», «Психолингвистика», «Организация образовательно-коррекционной работы для лиц с ОВЗ», «Современные методы психолого-педагогической диагностики», «Лингвистические проблемы специальной педагогики и психологии», «Консультирование родителей (законных представителей) детей с ОВЗ», «Консультирование педагогов образовательных организаций», «Управленческая деятельность в специальном образовании», «Менеджмент в специальном образовании», «Современные информационно-коммуникационные технологии», «Организация работы с родителями имеющими детей с ОВЗ».

Моделированию коммуникативной деятельности посвящено много современных исследований. Так, И.Н. Корзенникова [4], она исследует три ступени становления межкультурной коммуникативной компетенции. На второй ступени ключевое положение занимает коммуникативная компетенция, включающая многочисленные составляющие (лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, стратегическая, социокультурная, социальная, деятельностная) и закономерно-влияющая на картину мира и коммуникацию. Автор считает, что коммуникативная компетентность – как совокупность компетенций позволяющий накопить коммуникативный потенциал и способ выражения мыслей закономерно влияет на картину мира личности и на коммуникативную деятельность.

Следуя дальше логике анализа структуры коммуникативной деятельности, мы считаем, что в решении любой педагогической задачи-ситуации присутствуют 4 компонента:

1. Целевой компонент.
2. Содержательно-когнитивный компонент.
3. Эмоционально-поведенческий компонент.
4. Результативно-прогностический компонент.

Выделяя данные компоненты, мы опираемся на инклюзивный, субъектно-деятельностный, персональный подходы внутри приоритетной в настоящее время личностно-ориентированной парадигмы образования [10].

Комментируя модель важно подчеркнуть, что объект коммуникации (дети с ОВЗ, родитель (мама, папа, бабушка дедушка, опеун), специалисты работающие с детьми с ОВЗ воспитатель продленного дня, классный руководитель, завуч, психолог, социальный педагог, директор, учителя предметники) коммуникации определяет частные задачи и специальное содержание каждого компонента.

1. Целевой компонент данной модели является ведущим. Он определяет общую цель и конкретные задачи во всех структурных частях модели. Специалист дефектолог является участником и наблюдателем за конкретными педагогическими ситуациями, у него формируется взгляд на сущность, причины, эмоциональную окраску, педагогиче-

Рис.1. Модель коммуникативной деятельности в решении проблемной педагогической ситуации

ская оценка и анализ данной ситуации.

2. Содержательно-когнитивный компонент модели определяет техники консультативного процесса в зависимости от психологической платформы консультирования с опорой на знания возрастной, специальной и педагогической психологии, психологии семьи. Важно спланировать коммуникацию в комфортном пространстве и в удобное время. Коммуникативное взаимодействие между специалистом-дефектологом и ребенком с ОВЗ, родителями, коллегами может осуществляться как в классическом варианте, в форме беседы, так и в других активных формах коммуникации.
3. Эмоционально-поведенческий компонент, предполагает субъект-субъектное взаимодействие специалиста-дефектолога с участниками образовательного процесса на основе гуманистического подхода и толерантности к людям с ОВЗ, лицам другой расы, национальности, вероисповедания, веры, культуры и педагога и вторичный анализ двумерного измерения проблемы.
4. Результативно-прогностический компонент – предполагает анализ результата коммуникации и соответствующую стратегию и тактику поведения и деятельности на определенный отрезок времени, и соответственно планируется следующая интеракция.

Процесс коммуникативной деятельности в решении проблемной педагогической ситуации-задачи динамичен и развивается по спирали выходя каждый раз на более высокий уровень коммуникации. Согласно исследованию А.В. Хуторского и Л.Н. Хуторской были выделены четыре уровня компетентности при решении задачи – ситуации. Для каждого уровня решения задачи – ситуации выделяются способы решения (один способ и разные) и количество вариантов решения (одно верное решение и несколько верных решений). Опираясь на данный подход мы предполагаем, что в отдель-

ных коммуникативных ситуациях могут быть неверные решения. В этом проявляется действие универсального философского закона «единство и борьба противоположностей».

Целью нашего исследования являлось оценить самоконтроль в общении у студентов заочного отделения по направлению подготовки «Логопедия». В исследовании приняли участие 80 испытуемых 3 курса, 20 человек 4 курса. Для оценки самоконтроля в общении использовалась методика М. Снайдера «Методика диагностики оценки самоконтроля в общении».

В результате обработки полученных данных испытуемые были распределены на три уровня коммуникативного контроля (низкий, средний, высокий). Данные представлены на рисунке № 2. Распределение испытуемых по уровням оценки самоконтроля в общении.

Как видно из диаграммы, что больше половины выборки испытуемых 3 курса, что составляет - 55 %, имеют низкий уровень самоконтроля в общении. Для данного уровня присущие следующие показатели: личность характеризуется высоким уровнем импульсивности в общении и взаимодействии с окружающими, низкой дифференцированностью поведения, что вызывает раскованность во взаимодействии с партнерами по общению. Имеет устойчивое «Я». Поведение таких людей устойчиво, и они не считают нужным менять его в зависимости от ситуации. Способны к искреннему самораскрытию в общении, прямолинейны. Из рисунка можно увидеть следующее, что к 4 курсу уровень оценки самоконтроля в общении снижается, что говорит об овладении в процессе обучения коммуникативными навыками.

Испытуемые со средним уровнем самоконтроля в общении составляют 31% выборки 3 курса характеризуются сдержанностью и низкой эмоциональностью в общении, искренностью и непосредственностью при взаимодействии с окружающими. Можно отметить инте-

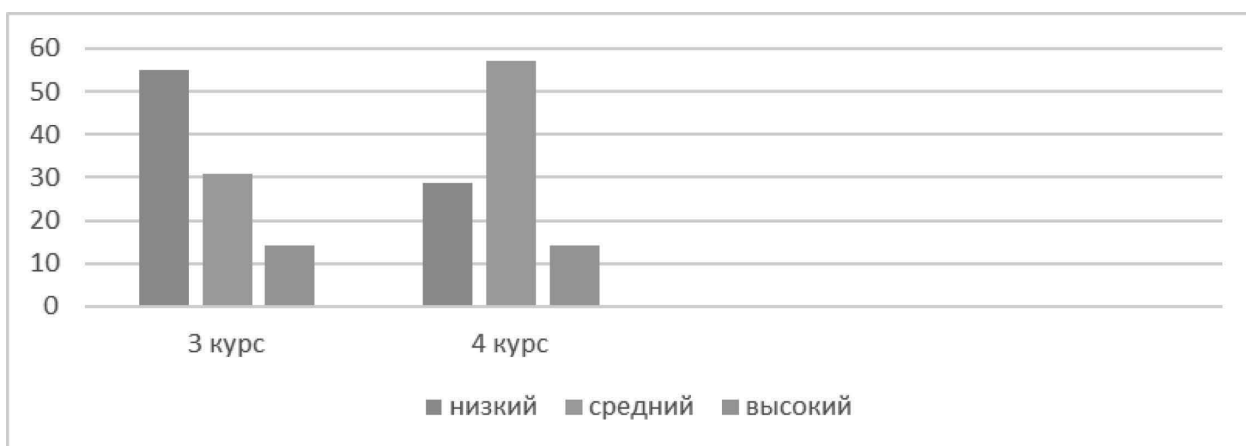

Рис 2. Распределение испытуемых по уровням оценки самоконтроля в общении, %

ресный факт, что к 4 курсу данный уровень увеличивается, что говорит о своеобразных особенностях в общении.

Будущие педагоги, которые будут работать с детьми с ОВЗ продемонстрировали также высокий уровень самоконтроля в общении, что составило - 14% выборки. Личность характеризуется достаточно высоким уровнем эмоциональной сдержанности и контроля своего поведения при взаимодействии с окружающими. Такие люди постоянно следят за собой, обладают позицией «Я такой, какой я есть в данный момент», гибко реагируют на изменение ситуации, легко входят в любую роль, хорошо чувствуют и зачастую способны предвидеть впечатление, которое произведут на окружающих.

Таким образом, результаты диагностики показывают:

1. Будущие специалисты инклюзивной системы образования в большинстве демонстрируют низкий (51 % и средний (31%) уровень самоконтроля в общении, что не способствует эффективности коммуникативного взаимодействия и зачастую накапливает отрицательные эмоции у участников образовательного процесса и приводит к конфликтным ситуациям.
2. Формирования коммуникативной компетентности – длительный процесс и не решается быстро. Обусловлена большим количеством факторов влияющих на коммуникацию (среда в которой воспитывался, жил, обучался, приобрел ценности и смысл жизни), условий (качество и опыт семейного, дошкольного и школьного, вузовского межкультурного общения) и закономерностей

общих (этические нормы поведения и общения в социуме) и профессиональных (диктуемых нормативно-правовыми документами, развитием самопроцессов, в том числе и самоконтроля в общении).

3. Перед специалистами стоят задачи преодоление у студентов импульсивности в общении детьми с ОВЗ, родителями, коллегами. Формирование гибкого дифференцированного поведения при взаимодействии с партнерами по общению. Переключение с устойчивого «Я» на субъект общения и состояния его психики в данный момент. Формирование толерантного отношения и эмпатийного общения и нацеливание воспитательного и развивающего ресурса в зону ближайшего развития ребенка.
4. В представленной нами «Модели коммуникативной деятельности в решении проблемной педагогической ситуации» (рис. № 1.) специалисты могут застревать на одном из компонентов (когнитивном или эмоционально-волевом компоненте) это отрицательно сказывается на общем результате коммуникации (обида, конфликт, устранение от деятельности, пассивный протест). Отрицательный результат влияет на деятельность обучающихся, на результат общения, на профессиональные качества, на профессиональный опыт и статус педагога, на весь микроклимат образовательной организации. Отбор средств и техник коммуникации должен опираться на законы здоровьесбережения всех участников образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадчих В.Ю. Управление процессом формирования коммуникативной компетентности старшеклассников автореф. Дис. . . канд. пед. наук. 13.00.01 /В.Ю. Асадчих. – Курск, 2009. – 19 с.
2. Князева В.В. Педагогика: словарь научных терминов // В.В. Князева. – М.: Вузовская книга, 2009. – С. 318.
3. Комарова И.И. Будущее дошкольного образования в эпоху цифровизации // Современное дошкольное образование – 2018. № 8 (90). С. 16-25.
4. Корзенникова И.Н. Особенности процесса формирования межкультурной коммуникативной компетентности // Педагогическое образование в России. – 2018. - № 9. – С. 13 – 24.
5. Кривуть, М.Л. Креатив-технологии в формировании коммуникативной компетентности педагога инклюзивного образования // Психология и педагогика творчества. С.197 - 200
6. Лашкова Л.Л. Развитие коммуникативного потенциала у будущего педагога в ВУЗе // Л.Л. Лашкова, И.В. Резанович., - М. : Гуманитар. Изд-во ВЛАДОС, 2011. – 340 с.
7. Назаревич О.С. Развитие креативности как составляющей готовности будущих специалистов дефектологических специальностей к работе в условиях инклюзии // Качество жизни детей и молодых людей с инвалидностью: между видением и реальностью. // Матер. Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Л.М. Волосниковой, Н.Н. Малярчук, А.В. Спириной. 2019 Изд-во: Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2019. С. 117 -124
8. Светлякова, О. А. Коммуникативная подготовка студентов на основе личностно ориентированного обучения [Текст] / О. А. Светлякова // Alma mater: Вестник высшей школы : науч. журн. — 2016. — N 7. — С. 115-120. — ISSN 0321-0383
9. Соломина, Н. В. Интертекстуальная компетенция как составляющая коммуникативной компетенции / Н. В. Соломина // Коммуникативная культура современника: проблемы и перспективы исследования: материалы I Всероссийской научно-практической конференции; под ред. Т. А. Федосеевой. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – 244 с. –С.172-176.
10. Туранина, Н. А. Формирование коммуникативной компетентности студента как составляющей корпоративной культуры [Текст] / Н. А. Туранина, Я. В.

- Жукова // Среднее профессиональное образование. — 2012. — № 5. — С. 30-31. — Библиогр.: с. 31
11. Филютина Т.Н., Тютюева И.А. Реализация методологических подходов при подготовке студентов с ОВЗ к профессиональным конкурсам Педагогическое образование 2020 № 10
 12. Хуторской А.В., Хуторская Л.Н. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентного подхода: Межвузовский сб. науч. тр. / под ре. А.А. Орлова. – Тула: Изд-во Тул. Гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – Вып. 1. – С. 117 – 137.
 13. Шиян О.А., Якшина А.Н., Зададаев С.А., Ле-ван Т.Н. Средства развития профессиональной рефлексии педагогов дошкольного образования // Современное дошкольное образования 2019. - № 4. - № 14

© Тютюева Ирина Анатольевна (medvedeva452020@mail.ru), Филютина Татьяна Николаевна (flyutina1960@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Шадринский государственный педагогический университет

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЕДУЩИЕ ТRENДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

THE INNOVATIVE POTENTIAL OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE EDUCATION SYSTEM: LEADING TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

**S. Chernykh
E. Susimenko
A. Kovalenko**

Summary: This article is devoted to the consideration of the specifics of the implementation of the innovative potential of Russian youth in the context of the digitalization of education and the dominance of screen culture, which is turning into a key factor in the socialization of the younger generation. The article notes the risks associated with the digitalization of the Russian education system and the virtualization of educational practices against the background of increasing clip consciousness. The prospects for the further development of educational practices are considered in their connection with the realization by young people of their own innovative potential against the background of a more intensive implementation of information technologies in the educational process. The article clarifies the differences between the concepts used in the meanings of «information» and «digital», and also explicates the concept of «virtuality» on a number of examples.

Keywords: innovative potential of youth, virtual socialization, information society, digitalization, screen culture, media, distance education, online education.

Черных Сергей Сергеевич

*Д.ф.н., профессор, Южно-российского государственного политехнического университета (НПИ), имени М.И. Платова
s.s.chernykh@mail.ru*

Сусименко Елена Владимировна

*д.ф.н., профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
lesusima@yandex.ru*

Коваленко Ангелина Мизаевна

*К.с.н., доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
gtu-npi@yandex.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению специфики реализации инновационного потенциала российской молодёжи в условиях цифровизации образования и доминирования экранной культуры, которая превращается в ключевой фактор социализации подрастающего поколения. В статье отмечаются риски, связанные с цифровизацией системы российского образования и виртуализацией образовательных практик на фоне усиления клипового сознания. Рассматриваются перспективы дальнейшего развития образовательных практик в их связи с реализацией молодёжью собственного инновационного потенциала на фоне более интенсивного внедрения информационных технологий в учебный процесс. В статье проясняются различия между понятиями, употребляемыми в значениях «информационный» и «цифровой», а также на ряде примеров эксплицируется понятие «виртуальность».

Ключевые слова: инновационный потенциал молодёжи, виртуальная социализация, информационное общество, цифровизация, экранная культура, медийность, дистанционное образование, онлайн-образование.

Введение

В настоящее время процесс цифровизации затронул все сферы функционирования общества в его глобальном масштабе, в результате чего мы стали свидетелями трансформации большинства социальных институтов и самих взаимодействий между людьми, постоянно происходящих в повседневной жизни. В данной

связи актуальными стали дискуссии о «цифровом государстве», «цифровом правительстве», «цифровой экономике», а также об образовании, которое в свою очередь на наших глазах подвергается «цифровизации». Для нас также вполне очевидно, что сама цифровизация отечественного образования, связанная в первую очередь с переходом большей части студентов на дистанционное (он-лайн) обучение, заметно ускорилась в связи с рас-

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0».

пространением вируса COVID-19, который по сути дела выступил важным источником её легитимизации. Спустя уже почти полгода можно говорить о привыкании значительной части студентов и преподавателей к сложившейся ситуации, которая, однако, требует серьёзного продумывания и всестороннего анализа, исходя из данных междисциплинарного исследования, объединяющего в себе эвристические возможности философии, социологии, психологии, культурологии и ряда других гуманитарных дисциплин.

В сложившейся ситуации важно рассмотреть траектории развития современной российской молодёжи, способность реализовать данной социально-демографической группой собственный инновационный потенциал. Вместе с тем необходимо осознать, что инновационный потенциал студентов в большей степени может быть раскрыт при посредстве информационных сетей, в которых активно работает современное образование. При этом перед гуманитарными науками встаёт задача пристального изучения современной «экранной культуры» и прояснение степени её влияния на раскрытие молодёжью своего инновационного потенциала на фоне экспансии интерактивных практик взаимодействия между преподавателями и студентами. Ведь избыточность разнообразной информации, которую можно обнаружить в сети он-лайн, зачастую способствует её поверхностному прочтению, что существенно затрудняет интериоризацию научного материала, приобретаемую традиционным способом, например, в результате постоянного чтения и конспектирования.

Таким образом, можно предположить, что в результате цифровизации системы российского образования происходят существенные изменения, связанные с трансформацией прежних и появлением новых каналов реализации молодёжью своего инновационного потенциала, совершающиеся с учётом преобразования глобального социально-экономического уклада. Поэтому необходимо выявить основные тренды и дальнейшие перспективы развития инновационного потенциала молодёжи в условиях цифровизации образовательных практик и других ведущих институтов социализации.

Инновационный потенциал российской молодёжи и риски цифровизации системы образования

Инновационный потенциал российской молодёжи по-прежнему остаётся в фокусе изучения поколения, социализация которого происходит в эпоху дальнейшего развития информационного общества и становления в нашей стране «цифрового» образования. Ранее отечественным социологом В.И. Чупровым был предложен социально-воспроизводственный подход изучения молодёжи в качестве специфической социально-демографической группы населения страны и мира,

которой присуща функция развития и воспроизводства накопленных идеальных и материальных ценностей (Чупров, Зубок, 2011). Сам процесс социального воспроизводства состоит из трёх компонентов: *трансляции, инновации* и непосредственного *воспроизводства* (прежних практик на новом уровне). Следовательно, молодёжь не просто копирует и транслирует полученные знания о социальном мире, но и постоянно вносит в них инновации, в результате чего происходит обновление общественных взаимоотношений и всего социума в целом. Молодежь, таким образом, продолжает выступать субъектом социальных инноваций в условиях пандемии COVID-19, притом, что представители данной группы оказываются более адаптированными к цифровой образовательной среде, причём, например, в недавнем прошлом студенты в целом оказались больше психологически и технически готовы к дистанционному обучению, чем их преподаватели.

Итак, *инновации* представляют собой актуальные новшества, которые либо уже включены в различные социальные практики, либо могут быть внедрены в общественную жизнь в ближайшем будущем. Согласно определению Вал. А. Лукова, «инновационный потенциал молодёжи» должен пониматься исследователями как особого рода «готовность проектировать изменения в сфере мысли или деятельности, имеющие целью перемены действительных обстоятельств жизни людей - независимо от направленности, масштабов и последствий таких перемен» (Луков, 2011. С.12). Инновационный потенциал молодёжи, однако, не всегда может быть реализован в должной мере без поддержки со стороны социальных институтов. Одним из ведущих институтов, помогающих раскрытию инновационного потенциала молодёжи, несомненно, выступает именно институт *образования*.

Информация становится важным предметом потребления и содержанием досуга молодёжи, но также важной составляющей материалов, необходимых для реализации образовательных программ, совершенствования личности. Правда для позитивной переработки такого огромного числа информации нужны и соответствующие интеллектуальные «мощности». В условиях информационного общества молодой человек при соответствующей акцентуации может получить доступ к такому разнообразному образовательному материалу, который ещё в недавнем прошлом считался интеллектуальной роскошью. Но, однако, не всякий студент способен самостоятельно разобраться с реальным качеством обнаруживаемых в сети материалов, что, несомненно, требует консультирования со стороны преподавателей. Речь, конечно же, идёт в первую очередь о «дополнительном» образовательном контенте, хотя для желающих реализовать свой инновационный потенциал студентов именно интерес к дополнительным материалам свидетельствует

об установке на углубленное изучение предмета.

Массовое производство самых разнообразных фейков и появление «фабрик троллей» является неотъемлемой частью виртуального ландшафта. Таким образом, с распространением избыточного числа, причем далеко не всегда проверенной информации, возрастают риски её не всегда адекватного восприятия в молодёжной среде, что также приводит к разного рода девиациям. В согласии с рискологической концепцией молодёжи Ю.А. Зубок – «риск, будучи социально обусловленным, возникает (1) в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодых людей; (2) под влиянием нового этапа социокультурной эволюции изменений в процессе передачи социального опыта между поколениями; (3) в силу кардинальных изменений механизма социального взросления и как следствие увеличения продолжительности социальной транзиции. При этом риск признается сущностной характеристикой молодёжи не только на социально-групповом, но и на индивидуально-личностном уровне» (Луков, 2012. С.278). Следовательно, в зависимости от специфических условий социализации и нахождения в отличных культурных средах на пути реализации инновационного потенциала молодёжи можно обнаружить разнообразные риски, большинство из которых связаны с проблемами социализации представителей данной группы.

Если отсутствие или перебои информации способны породить у молодого человека депрессивное состояние, то подобного рода негативные психотические состояния могут быть результатом информационного пресыщения. «Информация играет важную роль в саморегуляции социальных взаимодействий. Обеспечивая усвоение индивидами и группами определенных знаний и представлений, она прямо, или косвенно формирует мотивационную сферу сознания и нацеливает, регулирует настроение. Воздействие, оказываемое цифровой средой на детей и молодежь, обсуждается в контексте амбивалентности их физических, психических, социокультурных влияний» (Зубок, Чупров, 2019. С.11). Негативные аспекты, связанные с избыточным потреблением информации, могут привести к реализации молодым человеком собственных индивидуалистических, но при этом экстремальных и экстремистских проектов.

Таким образом, инновации можно обнаружить в самых различных сферах общественной жизни, включая практики образования, досуга, поиска любви и даже политического протеста. Вполне очевидно, что большая часть подобных практик в последнее время подверглась значительной виртуализации, но при этом они также попали под более пристальное цифровое регулирование. Здесь справедливо будет раскрыть понятие виртуализации, под которым в основном понима-

ется коммуникация (осуществляемая, как правило, посредством экрана), которая в большинстве случаев не может быть полностью актуализирована в реальности. Виртуализация в первую очередь описывает специфику эмоционального состояния человека, проявляющегося в сетевых взаимоотношениях между людьми. Например, такое понятие как «хейтер» употребляется именно по отношению к человеку, который пишет болезненные комментарии, или постоянно ставит дизлайки, но при этом его ненависть в отношении других пользователей и интернет-объектов, как правило, не выходит за пределы сети. В целом человеческие аффекты (желание, любовь, ненависть), проявляющиеся в виртуальной, среде носят в сравнении с реальностью довольно ослабленный характер.

Далеко не все молодёжные инновации общество способно принять и признать легитимными практиками, напротив многие из них могут быть идентифицированы как девиантные. В данной связи целый ряд институтов, включая образование, выступает в роли своеобразного фильтра, который абсорбирует те или иные изменения. «Инновационный потенциал молодёжи оказывается в этом случае подобным горному ландшафту: определенные виды инноваций, идущих от молодёжи, приветствуются, другие блокируются неформальными средствами, третьи пресекаются как девиации, на четвертые общество смотрит, применяя дифференцирующий принцип *свое – чужое*, т.е. приглядывается к таким потенциальным инновациям как прорывным или, напротив, губительным для общества» (Луков, 2012. С.351). Возвращаясь к образованию, важно отметить, что оно в значительной степени продолжает сохранять и свою дисциплинирующую функцию, которая, однако, в сложившихся обстоятельствах все больше принимает цифровой характер.

Находясь в процессе социализации, молодые люди могут не всегда адекватно оценивать окружающую их реальность, в том числе и виртуальную, что во многом связано с биопсихическими характеристиками данной социально-демографической группы. «Реализация притязаний молодежи связана с преодолением множества внешних и внутренних противоречий, при попытке разрешения которых проявляется экстремальность. Как одна из характеристик психического состояния, присущего молодежному возрасту, экстремальность отражает различные формы максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях» (Зубок, Чупров, 2017. С.33). Склонность к экстремальности (в оценках и поступках) может быть аффецирована деструктивным интернет-контентом, что приводит к делинквентному поведению. Вместе с тем процесс цифровизации образования предполагает, что в привычной для молодёжи информационной среде появляется дополнительный агент контроля и воспитания. Именно поэтому всё большее число официальных

образовательных учреждений запускает в сети-интернет собственные просветительские проекты.

Таким образом, изучая современное общество, важно указать на то, что мы сталкиваемся с интеграцией виртуальных практик с реальными формами коммуникации, а также констатируем синтез различных социальных медиа (например, блогов и телевидения). Пожалуй, мы уже имеем дело с молодым поколением, в значительной степени сформированным в условиях экранной и цифровой культуры. «Развитие глобальных коммуникаций сопровождается кардинальными изменениями образа жизни современного человека. Слияние реальной и виртуальной сред, стирание границ реальной и виртуальной форм коммуникации, диффузия образцов взаимодействий, зарождавшихся преимущественно в сетевых коммуникациях и их выход в офлайн, изменение способов организации повседневной жизни, формирование новых социальных компетенций и кристаллизация феномена цифрового поколения "digitalgeneration" – результат стремительных изменений в информационном секторе среды обитания» (Зубок, Чупров, 2019. С.11). В данной связи также наблюдается тенденция востребованности молодёжных трендов в среде представителей старших поколений, которые стремятся освоить или адаптировать под себя молодёжные практики. Так, например, анализ языка показывает, что представители старших поколений стали активно включать в свой словарь молодёжный сленг. В целом можно говорить о том, что информационные сети и длительное нахождение в виртуальной среде интернета существенно сближают позиции различных поколений по целому ряду дискуссионных вопросов.

На реализацию инновационного потенциала российской молодёжи в контексте цифровизации, кроме всего прочего, влияет способность многих молодых людей действовать трансгрессивным образом. Большая часть молодёжи устремлена в будущее, по крайней мере, люди этого возраста склонны мыслить, что самое лучшее ещё впереди. Поэтому молодые люди как бы спешат оказаться в будущем, пытаются преодолеть рутину настоящего, и здесь обнаруживаются дополнительные риски, связанные например с делинквентным употреблением психотропных веществ. «В изменяющейся социальной реальности особую роль приобретает трансгрессивность, отражающая способность молодых людей к символическому преодолению виртуальных границ социального времени и пространства» (Зубок, Чупров, 2017. С.34). Данная способность, присущая, как полагают исследователи, рассматриваемой группе скорее все-таки выполняет функцию механизма социальной защиты, срабатывающего в условиях неопределенности. «Основанная на интуитивном предвидении вектора возможных изменений, она позволяет молодому человеку оптимизировать свои ресурсы в настоящем и развивать

необходимые компетенции, ориентируясь на образцы незримого, интуитивно ощущаемого будущего» (Зубок, Чупров, 2017. Там же). Реализация инновационного потенциала связана не только с трансгрессивностью и экстремальностью сознания молодёжи, но и с образовательной «цифровой» средой, которая в настоящее время значительно расширилась и постепенно включает в орбиту своего влияния досуговые практики. По крайней мере, для небольшой группы молодых интеллектуалов открыты возможности культурного роста, досуга и коммуникации с подобными себе людьми практически по всему миру, или как минимум в масштабе целой страны.

При этом риски цифровизации системы российско-го образования рассматриваются, как правило, сквозь призму острого дефицита живого общения между преподавателями и студентами, который достиг одного из своих пиков в период эпидемии COVID-19 в конце 2020 и начале 2021 годов. В данной связи можно констатировать, что особенно между преподавателями и студентами второго и третьего курса возникла существенная коммуникативная дистанция, в результате чего последние могут не дополучить соответствующих лично-направленных консультаций и рекомендаций, способных оказать влияние на дальнейшие траектории их развития. В результате существенно снизилось влияние преподавателей на самоопределение студентов в рамках дальнейшего выбора дисциплин и последующей научной ориентации.

Инновационный потенциал российской молодёжи в контексте доминирования экранной культуры и виртуализации образовательных практик

Основные изменения современной культуре происходят по линии её цифровизации, где её ещё большая репрезентативность, медийность и визуальность продуктов культур-индустрии достигается посредством присутствия в сети-интернет. Это касается научных или околонучных дискуссий, которые становятся доступными огромному числу пользователей. «В целом, информационно-цифровое пространство новой реальности становится площадкой конструирования новых смыслов и представлений, формирующих особый тип культуры» (Зубок, Чупров, 2019. С.11). На этом фоне также наблюдается избыток образовательной информации, наличие в свободном доступе значительного числа лекций, выступлений, презентаций и других учебных материалов, преподавателей из разных российских и зарубежных университетов.

В настоящее время всё большее значение для молодёжи приобретает экранная культура, при этом, как бы следуя мировой тенденции, цифровое образование также стремится стать «гармоничным» сегментом «нового» типа визуальной культуры. В данной связи можно заметить как электронные презентации учебных курсов

начинают доминировать над традиционными аудиоцентричными формами подачи материала. В результате у многих студентов даже на исторических примерах формируется *клиповое сознание*, что приводит к изменению работы собственного воображения. Современный российский философ Ф.И. Гиренок отмечает, что понятием "clipping" обозначают «всего лишь подборку газетных вырезок на определенную тему. Клип прост, как натюрморт. Это лоскут, часть, не отсылающая к целому. И одновременно клип требует грёз, фантазий, которыми заполняется место отсутствующего целого» (Гиренок, 2016. С.7). Наиболее распространенным типом креативности и реализации инновационного потенциала молодёжи становятся навыки фрагментации и склеивания композиций из самых разнообразных культурных объектов, что можно в полной мере обнаружить в блогосфере. Вместе с тем, стирается различие между аутентичным творчеством в его классическом понимании, которое также требует проработки разнообразного материала, и производством эклектичных клипов (культурных «нарезок»), в самом широком смысле.

В мире, где господствуют информационные технологии и массовое сознание, а сознание носит преимущественно клиповый характер, социальные взаимодействия приобретают качества большей ликвидности, текучести и ситуативности. «В условиях, когда все более значимым становится сетевой строй социальных взаимодействий, характерный для информационного общества, поведение человека все более отрывается от традиций и зависит от текущей ситуации. И если рассматривать традицию как каменную границу, воздвигнутую прошлым вокруг настоящего, то чтобы проникнуть в будущее, человек должен перешагнуть ее» (Луков, 2013. С.203). В целом люди и особенно молодёжь оказываются способными к быстрой смене различных идентичностей, таким образом, они оказываются приспособленными к социальным становлениям различного рода, в результате они довольно легко могут воспринять инновационные стили жизни.

В условиях роста угроз COVID-19 происходит захват «неэкранных» видов и жанров культуры собственно экранной индустрией, которые пронизывают собой интеракции современного человека таким образом, что ему всё труднее остаться наедине с собой без гаджета и монитора. При этом образование и досуг молодого человека в большей степени оказываются в диффузном состоянии. Повсеместно просветительские походы в музеи и на выставки заменяются своими виртуальными аналогами. «Благодаря YouTube, Instagram, Facebook, другим сетям общественная и быденная жизнь как публичных медийных персонажей, так и любого пользователя предстает частью всеобщего экранного аттракциона. Работа, отдых, образование, личная жизнь реализуются в одном формате и позе сидения перед

экраном. Речь идет о тотальном переформатировании всего образа жизни, его остраниии, почти буквально – эстетизации, хотя, вроде бы, психоэмоциональные проявления те же: смех, гнев, страх, гордость, ликование, стыд, печаль, скорбь, но они не просто переживаются от первого лица, будучи недоступными кому-то другому, они выражаются, фиксируются и презентуются часто в неотрефлектированном виде. Более того, благодаря цифровым технологиям, они превращаются в "данные"» (Тульчинский, 2020, С.33). В сложившейся ситуации образование также приобретает явный экранный характер, в результате чего происходит существенная «профанация» традиционного образовательного пространства, а аудиторные занятия с их прежней атмосферой приобретают характер экзотики и элитарности.

Однако тотальная эстетизация повседневной жизни, достигаемая посредством виртуальных практик, приводит к потере навыков рефлексивности, критического отношения и дистанции в отношении навязчивых визуальных образов. Вместе с тем, высокая скорость получаемой информации (потока образов), то есть презентуемых данных, не всегда доступных мозгу, просто не оставляет времени субъекту на их обработку и вдумчивое осмысление. «С такими тенденциями эстетизация утрачивает предметность и становится гиперреалистичной одновременно. Означающие презентаций не нуждаются в означаемых. Собственно, презентуются только данные. Точнее — их перманентный изменчивый поток. От пользователя (зрителя, слушателя, читателя) требуются не какие-то рассуждения, аргументация, наррация, оценки, а реакции на ситуацию. При этом эмоциональное отношение, его переживание редуцируется к непосредственной, желательной быстрой (автоматической) реакции. Новая животность как раз и заключается в том, что быстротечная череда таких реакций не оставляет места для памяти - эвфемизма сознания» (Тульчинский, 2020, С.36-37). Поэтому на фоне доминирования экранной (по сути, гиперэкранный) культуры образовательные практики должны с одной стороны неминуемо следовать общим тенденциям, но с другой стороны попытаться представить качественно иной информационный продукт, требующий как минимум остановки сознания и дальнейшего осмысления, в соответствии с той или иной научной парадигмой.

Таким образом, в задачи современного образования входит коррекция молодёжных инноваций, осуществляемых в виртуальном пространстве, а также их критическое осмысление, которое предполагает мониторинг наиболее актуальных сетевых трендов. Вместе с тем, процесс виртуализации самого образовательного контента ведущих ВУЗов, перевод многих ресурсов в формат экранной культуры может пониматься и как тенденция эгалитаризации современного образования, его большей доступности для всех желающих.

Заключение

В период пандемии коронавируса, то есть в условиях самоизоляции, цифровая (как впрочем и виртуальная) среда приобрела ещё более важную роль в конструировании социальных отношений и способах реализации творческого потенциала. Важно, однако, отметить, что под процессом цифровизации мы понимаем повсеместное внедрение электронных технологий, позволяющих создавать всеохватывающие базы данных, а применительно к образованию практически полностью перевести его в дистанционный режим, осуществляемый при посредстве глобальной сети-интернет с использованием соответствующих ресурсов, преимущественно с привлечением иностранного программного обеспечения. Вместе с тем прилагательное «цифровой/цифровая» в русском языке (как впрочем, и в мировом «англосферическом» контексте) по набору своих коннотаций совпадает с понятием «информационный/информационная» лишь частично, но в отличие от последнего в нём на первое место выступают значения, связанные с термином «контроль». Поэтому, когда речь заходит о цифровизации системы российского образования, мы в первую очередь сталкиваемся с введением новых правил зачетов и экзаменов, то есть с созданием дисциплинарных

условий деперсонализированного и автоматизированного контроля знаний студентов, совершаемого на расстоянии. Можно сказать, что сам процесс цифровизации воспринимается как своего рода сетка, накладываемая на информационное поле в целях его институционального контроля и дальнейших ограничений.

Одной из важных задач по овладению научной культурой можно считать способность молодых людей к написанию самостоятельных текстов, рефератов, эссе и сочинений. Сейчас, однако, в условиях существенной виртуализации образовательных практик и доминирования экранной культуры мы сталкиваемся с тем, что, прежде всего студенты, приобретающие техническое образование, так и не овладевают в полной или хотя бы достаточной мере способностью излагать мысли на письме. Значительная часть материалов для подготовки докладов и научных сообщений главным образом скачивается из сети-интернет, причем зачастую без каких-либо вразумительных ссылок на первоисточники. В данной связи можно конечно говорить о кризисе в первую очередь гуманитарного образования в России и мире, чему способствует экспансия информационного общества, но с другой стороны можно сделать вывод о более интенсивном разделении труда, которое продолжает усиливаться в современную («цифровую») эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодёжи в культурном пространстве изменяющейся реальности: теоретические подходы к исследованию // В сборнике: Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.К. Ростовской. 2019. С. 9-18.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодёжи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12-48.
4. Луков Вал. А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания: науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 430 с.
5. Луков Вал. А. Инновационный потенциал: можно ли его считать атрибутом молодёжи // В сборнике: Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. Материалы семинара для молодых ученых. Под общей редакцией Вал. А. Лукова; Московский гуманитарный университет, Институт фундаментальных и прикладных исследований. Москва, 2011. С. 7-16.
6. Луков Вал. А. Теории молодёжи: Междисциплинарный анализ. М.: Изд-во «Канон+», 2012. 656с.
7. Тульчинский Г.Л. Эстетика [не]исчезающих переживаний: глубокая семиотика современных экранных аттракционов // Наука телевидения. 2020. Т.16. №2. С.23-41.
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодёжи. М.: Норма, 2011. 336 с.

© Черных Сергей Сергеевич (s.s.chernykh@mail.ru), Сусименко Елена Владимировна (lesusima@yandex.ru),
Коваленко Ангелина Мизаевна (gmu-npi@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шан Шан

аспирант, Тихоокеанский государственный
университет (г. Хабаровск)
dfokhvru@gmail.com

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL PURPOSES IN THE SYSTEM OF GENERAL AND PROFESSIONAL EDUCATION

Shang Shang

Summary: The article provides a brief analysis of changes in the legislation of the Russian Federation regarding the organization and provision of the educational process in educational institutions at the level of general and vocational education as a justification for the need to update the study of the contradictions arising in the implementation of educational goals. In this regard, the paper presents an analysis of a number of problems in the upbringing system, and offers possible options for their solution.

Keywords: upbringing, self-education system, educational program, general education, professional education, educational activity.

Аннотация: В статье приведен краткий анализ изменений в законодательстве Российской Федерации в части касающейся организации и обеспечения воспитательного процесса в образовательных организациях на уровне общего и профессионального образования в качестве обоснование необходимости актуализации изучения противоречий, возникающих при реализации воспитательных целей. В этой связи в работе представлен анализ ряда проблем в системе воспитания, предложены возможные варианты их решения.

Ключевые слова: воспитание, система самовоспитания, образовательная программа, общее образование, профессиональное образование, образовательная деятельность.

1 сентября 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». Результатом действия указанного закона стали дополнения в содержание основных понятий, используемые в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в частности в такие понятия как «воспитание», «образовательная программа», «примерная основная образовательная программа». Расширение сущностных признаков указанных терминов привело к изменениям в системе документов, определяющих образовательную деятельность учебных заведений различного уровня. Так образовательные программы должны включать в себя в том числе рабочую программу воспитания, а также календарный план воспитательной работы, составленные образовательной организацией самостоятельно с учетом примерной рабочей программы воспитания, а также примерного календарного плана воспитательной работы. Соответствующие коррективы должны быть внесены в действующие образовательные программы не позднее 01.09.2021 [1, 2].

Требования Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» распространяются на организации, реализующие основные общеобразовательные программы, образовательные программы среднего профессионального и высшего образования (программы бакалавриата и про-

граммы специалитета) [2].

Характер изменений в нормативно-правовых актах, регламентирующих сферу образования, свидетельствует об особом внимании к воспитательному аспекту в данной области со стороны государства, что в свою очередь опосредовано влиянием особым образом складывающихся общественных отношений и отражает потребности социума. Напряженная политическая, экономическая и социальная обстановка в мире является вызовом для всего человечества. Благополучное разрешение возникающих конфликтов как внутри государства, так и на мировой арене, зависит в той или иной степени от каждого человека. Именно поэтому так остро встает вопрос о формировании личности на основе общепринятых духовно-нравственных ценностей с развитым чувством патриотизма и гражданственности, осуществляющей свое развитие в интересах человека, семьи, общества как в масштабах конкретного государства, так и вне его границ.

Однако, несмотря на актуальность парадигмы в педагогической науке, обосновывающей приоритетность воспитания в структуре образования, признание которого подтверждается принятием соответствующих юридических законов, культура реализации воспитательных целей в образовательной деятельности все еще остается на достаточно низком уровне.

В данной статье мы относительно подробно изучили

некоторые проблемы, возникающие при реализации воспитательных целей в системе образования, а также обосновали варианты их разрешения.

Основной проблемой, на наш взгляд, является несоблюдение алгоритма воспитательного воздействия как следствие незнания теоретических основ воспитания или их игнорирования. В результате педагогический работник отрицательно влияет на функционирование системы воспитания и самовоспитания. Достаточно часто учителя и преподаватели ограничиваются лишь морализированным назиданием применительно к конкретно взятой ситуации, то есть говорят как нельзя или можно поступать определенным образом в данной ситуации. Подобные замечания в действительности могут иметь некоторый воспитательный эффект при условии способности обучающегося выйти на уровень абстракции и применить приобретенный опыт в схожих ситуациях. Однако педагогический работник, осознающий степень своей ответственности за реализацию образовательных целей, не может позволить себе осуществлять педагогическую деятельность ограничиваясь лишь хаотичным, теоретически необоснованным воспитанием.

Каждый педагог должен в ходе воспитательного воздействия осуществлять осознанное целеполагание, подразумевающее выбор нравственных ценностей, с учетом конкретной ситуации. Выбирая определенную нравственную категорию на декомпозированном уровне, педагогический работник стремится к формированию соответствующих ей качеств личности обучающегося. При этом квалифицированный педагог грамотно выстраивает субъект-объектные отношения между ним и обучающимся и, кроме получения адекватного положительного отклика от объекта воспитательного воздействия, передает ему опыт воспитания, что является необходимым условием для возникновения субъектной позиции обучающегося, предполагающей наличие способности управлять системой самовоспитания.

Следует отметить, что в границах конкретной ситуации педагогический работник может выступать и как субъект системы воспитания, и как субъект системы самовоспитания. Обретение двух статусов почти одновременно в таком случае происходит в условиях, когда педагог организует реализацию воспитательной цели в системе воспитания. Любое воспитательное воздействие предполагает ответную реакцию со стороны обучающегося, которая с точки зрения смыслов наполнена определенным содержанием и, если педагог способен расшифровать этот смысл, то есть критически воспринять процессуальную сторону системы воспитания и адекватно оценить эффекты от ее функционирования, то она сможет стать источником его самовоспитания.

Следует в обобщенном виде описать механизм функ-

ционирования системы самовоспитания. Субъект самовоспитания сталкивается с определенной проблемной ситуацией, обладающей воспитательным потенциалом, которая побуждает его ставить четко осознаваемую цель, представленную качеством личности, которое он желает в себе сформировать. Для этого ему необходимо, во-первых, иметь представление о сущностных признаках данного качества личности, выступающего иллюстрацией нравственной категории в ее декомпозированном виде, во-вторых, добиться положительного эмоционального отклика на нее и, в-третьих, выработать в себе навык применения содержания выбранной категории как руководящую идею для своего поведения в будущем. В результате самовоспитания педагог приобретает или развивает у себя личностное качество, которое повышает уровень его профессионализма и как следствие увеличивает эффективность его педагогической деятельности, в том числе и в плане реализации воспитательных целей в рамках учебного процесса. Кроме того, совершенствование духовно-нравственной сферы личности педагога благоприятно сказывается на его отношении к окружающей действительности в целом [3].

Игнорирование теории педагогики приводит также к тому, что некоторые педагогические работники разделяют во времени обучение и воспитание, то есть эти процессы происходят у них на занятиях не во взаимосвязи, в некотором смысле параллельно друг другу, а последовательно один за другим. Кроме того, обоснованно вызывает опасения и соотношение воспитания и обучения в образовательном процессе. Если учителя не оспаривают воспитательную составляющую обучения, хотя приоритетным считают получение учениками знаний по предметным областям учебных дисциплин, то преподаватели все еще придерживаются точки зрения, что воспитывать нужно исключительно школьников, а в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования необходимо давать обучающимся знания и опыт профессиональной деятельности [4].

Следующая проблема, заслуживающая рассмотрения, это унификация воспитания в образовании. Тому подтверждением выступает нежелание ряда педагогических работников учитывать особенности обучающихся, их физиологические и психологические различия, а также другие условия в совокупности своей, позволяющие признать каждую отдельно взятую образовательную ситуацию уникальной. Так, например, низкое усвоение информационной и мотивационной составляющей цели воспитания может быть следствием конфликта между микрогруппами в аудитории или физической усталости обучающихся в конце продолжительного учебного дня.

Кроме того, унификация воспитания как педагогический феномен имеет и другие проявления, в частности одобрение педагогическим работником

определенных духовно-нравственных ценностей и личностных качеств, сформированных на их основе и радикальное неприятие других моральных ценностей. При этом альтернативные качества могут также обладать созидательным вектором направленности. Критика неприемлемых с позиции педагогического работника качеств носит как правило догматичный характер, не терпящий возражений, что в конечном итоге приводит к отрицанию обучающимися того, что пытается «навязать» педагог, желанию сделать наперекор, то есть к отрицательному эмоциональному отклику на воспитательное воздействие. Вот почему педагогическим работникам следует избегать безапелляционных высказываний, даже если они считают себя безоговорочно правыми и при этом выстраивать конструктивное взаимодействие с обучающимися на основе взаимоуважения и понимания.

Повышение результативности любой деятельности в качестве обязательного требования предполагает ее грамотное планирование на этапе подготовки. В профессиональной деятельности учителя и преподавателя – это составление методических планов проведения занятий, в которых должны быть прописаны помимо учебных и воспитательные цели. Содержание воспитательных целей в настоящее время определено образовательными стандартами, а в скором времени необходимо будет согласовывать их наполнение с примерной рабочей программой воспитания, а также примерным календарным планом воспитательной работы. Однако на практике реальная учебная ситуация может значительно отличаться от спланированной идеальной модели занятия, что заставляет педагога оперативно оценивать ситуацию на занятии, брать на себя ответственность за принятие решения по корректировке, выбранных на этапе планирования технологий, а при необходимости и целей образования.

Следующий фактор, снижающий эффективность

формирования компетенций – требований к результатам освоения образовательных программ – приоритет формы воспитательного воздействия над ее смыслами. Подобное проявляется или при слабой согласованности формальной и содержательной сторон воспитания или полном ее отсутствии, когда мероприятие проводится ради мероприятия. Как следствие положительный эмоциональный отклик у обучающихся формируется именно на форму проведения мероприятия, а не на то, ради чего оно было организовано.

Согласно теории педагогики, форма реализации цели является лишь неотъемлемой частью технологического обеспечения воспитательного взаимодействия обучающегося и педагогического работника и должна выбираться исходя из ее смыслового наполнения. Другими словами, весь комплекс технологий, направленный на получение конечного результата, чем, по сути, и является цель взаимодействия субъектов системы воспитания, должен способствовать эффективному усвоению определенной воспитательной цели на информационном, мотивационном и операционном уровне. Вот почему вовремя проведенная традиционная воспитательная беседа может иметь гораздо больший положительный эффект, чем ресурсозатратное мероприятие, организованное и проведенное на низком профессиональном уровне.

Определение проблем, возникающих в воспитании и их анализ в данной работе направлены на актуализацию интереса к углубленному изучению теории воспитания и критическому осмыслению разностороннего педагогического опыта в данной области знаний. Считаем, что теоретическая и практическая проработка вопроса успешной реализации воспитательных целей в образовании позволит педагогическим работникам осмыслить свою педагогическую деятельность, скорректировать ее при необходимости и, как следствие, повысить эффективность реализации целей образования в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Закон: «Об образовании в Российской Федерации» Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N273-ФЗ//РГ, 2012 от 31 декабря 2012 г. № 5976 (303).
2. Российская Федерация. Закон: «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» от 31.07.2020 N304-ФЗ//РГ, 2020 от 7 августа 2020 г. № 8228 (174).
3. Шан Ш. Образовательный потенциал кинематографического произведения при профессиональной подготовке специалистов в области киноискусства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», -2019. -№9-2. -С.120-123.
4. Сластенин В.А. Педагогика: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — с. 131.

© Шан Шан (dfokhvru@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМПЕРАТИВЫ ПОДГОТОВКИ КРЕАТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

IMPERATIVES OF TRAINING CREATIVE MANAGEMENT STAFF OF THE DIGITAL ECONOMY

*T. Yarovova
A. Stepanov
M. Savina*

Summary: The article discusses topical problems of organizing the training of modern management personnel in the context of digitalization. The features of the methodological toolkit for the formation of the competencies of managers who are able to make non-standard highly effective management decisions in the conditions of social and economic turbulence are disclosed.

Keywords: management personnel, higher education, creative management, creatively authorized education, training methods, competencies.

Ярлова Татьяна Викторовна

К.п.н., доцент, Одинцовский филиал МГИМО МИД России

t.yarovova@odin.mgimo.ru

Степанов Александр Анноярович

Д.э.н., профессор, Одинцовский филиал

МГИМО МИД России

step-916@yandex.ru

Савина Маргарита Витальевна

Д.э.н., доцент, РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

marg.savina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные проблемы организации подготовки современных управленческих кадров менеджмента в условиях цифровизации. Раскрыты особенности методического инструментария формирования компетенций менеджеров, способных принимать нестандартные высокоэффективные управленческие решения в условиях социальной и экономической турбулентности. Уточнена специфика работы менеджера в условиях цифровой трансформации - онлайн-режима как создателя профессионального комьюнити и «связующего звена» между «аналоговым» и «цифровым» миром.

Ключевые слова: управленческие кадры, высшая школа, креативный менеджмент, креативно-авторизованное образование, методы подготовки, компетенции.

Проблема повышения качества подготовки управленческих кадров – менеджеров – актуальнейшая проблема современной высшей школы.

Сегодня практически каждая российская компания испытывает дефицит высококвалифицированных управленцев, обладающих умениями и навыками, адекватными работе в новых условиях социально-экономической турбулентности, кризиса, цифровизации и цифровой трансформации.

Одна из серьезных претензий бизнес-сообщества к управленцам – неспособность многих из них активно осуществлять поиск конструктивных нестандартных высокоэффективных управленческих решений в условиях тотальной неопределенности.

Безусловно, каждый управленец получает свой опыт в сфере менеджмента, нарабатывая профессиональный капитал в конкретной компании. Но основы знаний управленческого труда, ремесла, навыки управленческой деятельности, которые он развивает впоследствии, будущий управленец должен получить в процессе своего обучения.

Все это обуславливает необходимость максимально

приблизить содержание и качество подготовки менеджеров к современным условиям.

Эффективное решение данной проблемы возможно лишь на основе стратегического партнерства бизнес-сообщества с университетами и высшими учебными заведениями. Именно такое партнерство позволяет формировать у будущих управленческих кадров адекватное восприятие перемен и ситуаций в условиях их профессиональной деятельности.

Это, в свою очередь, требует постоянного совершенствования инструментов, методов и образовательных технологий, адекватных новым вызовам и специфике эпохи цифровизации и цифровой трансформации.

Именно управленцы – люди сегодня являются главными творцами удачных решений. От их профессиональных знаний, навыков и умений в области креативного менеджмента зависят успехи либо неудачи большинства современных организаций. Такими компетенциями сегодня являются, прежде всего, способность генерировать и реализовать нестандартные, оригинальные управленческие нововведения.

Сегодня любой руководитель на любом уровне

управленческой иерархии в силу новых складывающихся обстоятельств вынужден принимать в условиях неопределенности сложившихся кризисных ситуаций творческие, креативные, не копируемые решения.

Профессиональные знания, умения, навыки в информационно-цифровой экономике должны коренным образом отличаться от компетенций менеджеров в индустриальную эпоху.

Управленец в индустриальной экономике – это, прежде всего точный и блестящий исполнитель, главными компетенциями для которого является лишь неукоснительная исполнительская дисциплина, способность до автоматизма выполнять инструкции, нормативы, указания, распоряжения с высокой степенью точности и т.п.

В информационно-цифровую эпоху менеджер – это не только формальный администратор-начальник. Современный менеджер – инициатор, творец и вдохновитель. Это личность, способная генерировать инновационные идеи, организовывать и мотивировать работу коллектива на поиск и реализацию креативных инновационных идей, создавать в руководимом им коллективе творческую атмосферу для принятия и реализации эффективных управленческих решений.

Современный менеджер – это связующее звено между «аналоговым» и «цифровым» миром. Многие специалисты, вынужденные работать в онлайн-режиме, должны самостоятельно распределять свою нагрузку, не теряя при этом квалификации и связей с «внешним» миром.

Менеджер оказывается, как бы связным между ним и организацией. Он должен мотивировать работника к выполнению заданий в прежнем режиме и при этом задавать творческий ритм и побуждать к креативному осмыслению новых задач.

В информационно-цифровую эпоху главными характеристиками профессиональной компетенции менеджера становятся способность к постоянной генерации инновационных идей, умение принимать не копируемые, нестандартные решения в условиях неопределенности внутренней и внешней среды организации в условиях реального времени в сжатые сроки.

Творческий потенциал современного управленца должен дополняться способностями его к абстрактному творческому мышлению и творческому саморазвитию. Менеджер сегодня является генератором инновационных управленческих идей. Он должен блестяще владеть навыками и умениями определения новых, ранее неизвестных возможностей, а также их воплощения в управленческих новациях.

В условиях цифровой трансформации все большее значение для управленцев приобретают такие его личностные и профессиональные качества, как нестандартность, самостоятельность, инициативность в подходах к поиску эффективных управленческих решений.

От менеджера в информационно-цифровую эпоху требуется широкое владение новыми профессиональными знаниями, умениями, навыками, такими как обучаемость, рефлексивность, креативность. Современный менеджер должен обладать высоким уровнем интеллектуального потенциала. Важнейшей профессиональной компетенцией менеджера сегодня является критическое мышление.

Очевидно, что современный менеджер должен обладать такими профессиональными качествами, как:

- системное и ситуационное мышление и видение анализируемых проблем;
- творческое мышление, восприимчивость к инновационным идеям, способность быть толерантным к точке зрения оппонентов;
- постоянная заинтересованность в новых оригинальных идеях и решениях;
- гибкое сочетание латерального и логического мышления в процессе анализа информации и принятия решений;
- самоменеджмент, психологическое саморегулирование;
- харизма, то есть способность заинтересовать, мотивировать окружающих в эффективном взаимодействии и др.

Одним из ключевых профессиональных качеств менеджера является его способность к гибкому, оригинальному, беглому, образному мышлению и передаче информации.

Подготовка менеджеров для информационно-цифровой экономики должна основываться на образовательных программах креативно-авторизованного образования, принципиальной особенностью которого является отступление от традиционной узкой специализации в подготовке управленческих кадров и перехода к междисциплинарной модели в рамках направления подготовки.

Креативно-авторизованное образование как методическая база подготовки современных менеджеров – это принципиально новый тип образовательных технологий.

Креативно-авторизованное образование имеет целью – сформировать компетентностный потенциал менеджеров, способных обеспечить гибкое и быстрое реагирование на разнообразные изменения внешних и

внутренней среды организации.

Подготовка современного менеджера требует усовершенствования образовательных программ креативно-авторизованной подготовки.

Образовательные программы креативно-авторизованной подготовки менеджеров представляют собой альтернативу сложившейся в настоящее время системе репродуктивного образования управленческих кадров, основанного на прагматической передаче знаний, накопленных на основе только предыдущего опыта.

Цель подготовки управленческих кадров на основе программ креативно-авторизованного образования – обеспечить процесс систематического развития креативных способностей личности менеджера, развития у него компетенций инновационных подходов к анализу и решению управленческих проблем.

Подготовка управленческих кадров по программам креативно-авторизованного обучения способна обеспечивать формирование эффективного творческого потенциала не только каждого отдельного специалиста, нацеленного на собственный успех, но и на формирование эффективного креативно-инновационного потенциала организации.

Креативно-авторизованное обучение является неотъемлемым составляющим элементом процесса профессиональной подготовки квалифицированных управленческих кадров. Оно призвано сформировать систему профессиональных компетенций, способствовать развитию творческих способностей и необходимых личностных качеств менеджеров.

Концепция развития креативно-авторизованной подготовки управленческих кадров требует решения ряда принципиальных вопросов и прежде всего:

- обоснования основополагающих методических принципов креативно-авторизованного образования в сфере управления;
- подготовки методического инструментария мониторинга и оценки уровня креативного потенциала современного управленца;
- разработки и освоения новых форм и методов в образовании, адекватных особенностям креативно-авторизованного обучения;
- формирования информационных банков, содержащих необходимые сведения о профессиональном креативном потенциале работников и др.

Для создания эффективной системы формирования компетентностного креативного потенциала менеджеров потребуются:

Во-первых, разработка принципиально новых по содержанию учебных планов и программ. В настоящее время учебные программы и планы нацелены, прежде всего, на «накачивание» будущих специалистов большим объемом знаний теории без развития креативного потенциала.

Переход же к креативной модели призван обеспечить сбалансированную модель освоения системы креативных знаний, умений и навыков, способствующих развитию творческого потенциала менеджеров. Учебные планы и программы креативно-авторизованной подготовки менеджеров должны представлять из себя адаптивную систему, допускающую гибкий перечень изучаемых студентами дисциплин. Таким образом применение концепции креативно-авторизованного обучения предполагает необходимость разработки в учебных планах разнообразного сочетания изучаемых дисциплин, усвоение которых способно обеспечить всестороннее комплексное развитие креативного потенциала современного управленца.

Во-вторых, переход к креативно-авторизованному обучению потребует освоения инновационных образовательных технологий, способных обеспечить эффективное освоение учебных программ по подготовке креативных менеджеров. Используемые до настоящего времени технологии существенно отстают от современных требований. Новые технологии должны ориентироваться на формирование эффективного творческого потенциала управленческих кадров.

Учеными и профессорско-преподавательским составом Одинцовского филиала МГИМО МИД России разработаны рекомендации по применению креативно-авторизованных технологий обучения в подготовке управленческих кадров. Содержание данных рекомендаций нацеливает на формирование у студентов знаний, умений и навыков принятия нестандартных управленческих решений, формирование у них системы мотивации к самостоятельному удовлетворению познавательных потребностей и когнитивных интересов. Применение предлагаемой методики способствует, прежде всего, созданию атмосферы креативной энергии, вовлекающей студентов в процесс самообучения, развитию критических, аналитических, интеллектуальных и креативных способностей будущих управленцев и предоставляет студентам неограниченные возможности для активизации их собственного когнитивно-креативного потенциала. Технологии креативно-авторизованного обучения развивают и у студентов способности к оригинальному, креативному, нестандартному мышлению.

В-третьих, переход к креативно-авторизованной модели обучения требует разработки методов развития творческого мышления в процессе принятия управ-

ленческих решений. Речь идет об усовершенствовании инновационных методов и техник, с помощью которых менеджер будет способен находить оригинальные индивидуальные решения применительно к конкретным ситуациям с высокой степенью неопределенности.

Современные учебные программы ориентированы, прежде всего, на освоении студентами таких традиционных методов активизации творческого мышления, как метод коллективной генерации идей; PEST- и SWOT-анализ; метод Дельфи; метод «Дерево целей», метод составления сценариев и брейнсторминг, методы морфологического анализа и др.

Вместе с тем уже сегодня в учебные планы и программы подготовки современных менеджеров необходимо включать инновационные методы, апробированные современной управленческой наукой и практикой.

Объективная необходимость включения в образовательные программы новых методов и инструментов креативного менеджмента обусловлена рядом обстоятельств и прежде всего ускорением внедрения достижений научно-технического прогресса, а также турбулентностью и непредсказуемостью процессов социально-экономического развития в условиях кризиса.

Методология системно-креативного анализа характеризуется использованием собственного научно-методического аппарата, «заточенного» на реализацию своеобразного логического подхода в процессе решения нестандартных управленческих проблем.

Таковыми инновационными методами в креативном менеджменте являются: «Creative-online-management», ориентирующий менеджера на поиск творческого решения задач в режиме реального времени; метод «Narzędzia i metody rozwiązywania złożonych sytuacji problemowych», активизирующий процесс поиска, выявления, анализа и решения нестандартных проблем; метод «Analiza przypadków krytycznych»; метод JCAT-analys – стратегический анализ новационных идей и др.

Метод JCAT-analys – один из ключевых методов креативного менеджмента – ориентирован на применение в процессе анализа проблемных ситуаций, а также разработку творческих управленческих решений. Суть метода состоит в применении принципа комбинирования четырех ключевых приемов интенсификации творческого мышления в процессе выработки нестандартных и оригинальных творческих решений: дополнения, комбинирования, перенацеливания, аналогии [10].

Данный метод является эффективным инструментом при его использовании в работе «групп креативного прорыва».

Группы креативного прорыва, работая по данной методике, осуществляют поиск, оценку и отбор эффективных креативных решений при помощи специальных матриц, позволяющих применять четыре вышеназванных основных технологии поиска нестандартных управленческих решений.

В-четвертых, переход к креативно-авторизованной модели обучения потребует еще и разработки специальных учебных пособий, учебников и практикумов по курсу «Креативный менеджмент». Освоение подобного курса в процессе подготовки управленческого персонала будет способствовать приобретению знаний, умений и навыков по формированию, развитию и рациональному использованию инновационного потенциала управленческих кадров. Освоение программы курса по креативному менеджменту позволяет осуществлять подготовку будущих менеджеров, способных самостоятельно или в команде осуществлять поиск и реализацию эффективных управленческих решений. При этом необходимо, чтобы учебники и учебные пособия были ориентированы на применение в процессе обучения самых современных образовательных информационно-цифровых технологий.

Гибридное сопровождение процессов принятия креативных управленческих решений с использованием креативных, информационных, компьютерных и цифровых технологий будет способствовать повышению результативности усвоения учебного материала и формированию у будущих управленцев новых профессиональных компетенций.

Обучение управленцев современному искусству менеджмента, развитие у них навыков креативного мышления в процессе управленческой деятельности также немисливо без широкого использования специальных кейсов и иных интерактивных технологий (применение деловых, имитационных, интеллектуальных и других заданий, различных тестов и упражнений и т.п.).

Помимо этого, в процессе обучения будущие менеджеры должны обязательно знакомиться с передовым отечественным и зарубежным опытом разработки и реализации эффективных управленческих решений.

Сегодня в Одинцовском филиале МГИМО МИД России (кафедра управления инновациями МИЭП) подготовлена программа ДПО по креативной подготовке управленческих кадров «Мастер креативного менеджмента». Эта программа полностью основана на принципах трансформации репродуктивной системы обучения в креативно-авторизованную.

Целью программы подготовки является освоение слушателями профессиональных компетенций. В процессе обучения слушатели формируют представления о

месте и роли креативного мышления в процессе принятия эффективных управленческих решений в условиях ситуаций неопределенности.

Помимо этого, они овладею навыками применения эвристических методов как инструмента, позволяющего решить многие «неразрешимые» проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайно А.Э. Капитализация будущего // Вопросы экономики и права. 2012. № 4.- С. 42-57.
2. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие [Текст] : тез. докл. / Бирюкова С.С. и др.; под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 63, [1] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1758-1 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1816-8 (e-book).
3. Салыгин В.И., Рыбин М.В., Савина М.В., Степанов А.А., Степанов И.А. и др. Креативный менеджмент: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.А. Степанова, М.В. Савиной. — М.: Дашков и Ко, 2020.- С. 53-59.
4. Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А. Компетентностная модель управленца XXI века: мастер креативного менеджмента / Развитие институтов инновационной экономики в условиях интеграции России в мировое экономическое пространство: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции 23 июня 2016 год, город Ярославль.- М.: Научный консультант, 2016.- С.496-499.
5. Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А. Актуальные вопросы и особенности подготовки менеджеров для инновационной экономики // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. (82) УЭКС, 10/2015. Дата публикации 29.10.2015.-0,5 п.л.
6. Ткаченко А. Концепция человеческого капитала и национальная стратегия развития / А. Ткаченко // Проблемы теории и практики управления. — 2017. — № 5. — С. 94—105.
7. Шестакова И.Г. НОВАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: БУДУЩЕЕ УЖЕ НАСТУПИЛО // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-temporalnost-tsifrovoy-tsivilizatsii-budushee-uzhe-nastupilo> (дата обращения: 13.03.2020).
8. Ярова Т.В., Степанов А.А., Савина М.В. Креативно-авторизованно-дистанционное обучение: теория, методика, практика // Педагогическое образование и наука. №3. 2020.- С. 150-156.
9. Stokholm K. Enactive individuation: technics, temporality and affect in digital design and fabrication. URL: <https://doi.org/10.1007/s11097-017-9539-6> (дата обращения: 05.02.2019).
10. Рыбин М.В., Савина М.В., Степанов А.А., Степанов И.А. и др. Креативный менеджмент: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.А. Степанова, М.В. Савиной. — М.: Дашков и Ко, 2020

© Ярова Татьяна Викторовна (t.yarova@odin.mgimo.ru), Степанов Александр Анноярович (step-916@yandex.ru),
Савина Маргарита Витальевна (marg.savina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО СЕЛА МОРДОВО-АДЕЛЯКОВО САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Беленов Николай Валерьевич

К.п.н., доцент, Самарский государственный
социально-педагогический университет
belenov82@gmail.com

TOPONYMIC AREA OF THE ERZYA-MORDOVIAN VILLAGE "MORDOVO-ADELYAKOVO", SAMARA REGION

N. Belenov

Summary: The article introduces and analyzes the components of the toponymic area of the Erzya-Mordovian village "Mordovo-Adelyakovo" in the Isakly district of the Samara region. The main attention is paid to the two most important components of the toponymic area: geographical lexicon and toponymic nomenclature. The elements of these components are analyzed using relevant data from other Mordovian toponymic areas of the Samara Volga region, neighboring regions, and the Republic of Mordovia. The article is based on the author's field materials obtained during the 2017 – 2019 seasons.

Keywords: toponymy, Mordovian languages, geographical lexicon, toponymic area, Mordovo-Adelyakovo.

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот и анализируются компоненты топонимического пространства эрзя-мордовского села Мордово-Аделяково Иса克林ского района Самарской области. Основное внимание уделяется двум важнейшим составляющим топонимического пространства: географической лексике и топонимической номенклатуре. Элементы указанных составляющих анализируются с помощью привлечения соответствующих данных других мордовских топонимических пространств Самарского Поволжья, соседних регионов, Республики Мордовия. Статья опирается на полевые материалы автора, полученные в ходе сезонов 2017 – 2019 гг.

Ключевые слова: топонимика, мордовские языки, географическая лексика, топонимическое пространство, Мордово-Аделяково.

Впервые мордовская деревня Аделяково упоминается в материалах третьей ревизии 1762 года [3]. Согласно местным историческим преданиям, а также ряду косвенных указаний, основание села можно отнести к 1754 году. Какие именно населённые пункты явились исходными для эрзянских переселенцев в настоящее время неизвестно, устных преданий об этом в их среде также не сохранилось. При этом доподлинно известно, что эрзяне переселялись совместно с чувашами – подобная ситуация нередка для Самарского Поволжья. Совместные переселения и смешанные, чувашско-мордовские, сёла исторически фиксируются на Самарской Луке, в Клявлинском, Иса克林ском, Шигонском, Челно-Вершинском районах. Также надо отметить, что, с течением времени, мордва и чувашаи, как правило, расселялись по отдельным населённым пунктам. В рассматриваемом случае это произошло сразу после покупки земли у башкирских тарханов: чувашаи основали село, известное в настоящее время как Кармало-Аделяково. В основе названий указанных сёл, по-видимому, лежит чувашский антропоним Этелек, при этом в исторических преданиях аделяковских чувашей и эрзян фигурируют совсем другие имена – Осип Мозгуев, Герасим Гаврилов и Никифор Куликов [4].

При анализе топонимической номенклатуры, бытующей в том или ином говоре, существенное значение имеет знание особенностей данного говора, в которых нередко находится ключ к верному этимологическому

решению. В связи с этим, отметим некоторые отличительные особенности мордовоаделяковского говора.

Прежде всего, в мордовоаделяковском говоре эрзя-мордовского языка выделяется замена литературно-письменного эрзя-мордовского [ц] на [с], сравните: *улься* вместо *ульця* – 'улица', *икельс* вместо *икельце* – 'передний' и т.д.

Также надо отметить нерегулярную редукцию последних гласных в данном говоре, которая может объясняться особенностями акцентологии – ударение здесь чаще всего приходится на последний слог.

Отметим также, что аффриката [ч] в данном говоре жёсткая – как и в большинстве эрзя-мордовских говоров региона, исключения по данному пункту составляют лишь шиланский, большекаменский и степношенталинский эрзя-мордовские говоры (в последнем прослеживается недавнее смягчение данной аффрикаты).

Географическая лексика рассматриваемого говора, в целом, соответствует таковой в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. одним из существенных отличий стоит признать факт отсутствия в мордовоаделяковском говоре, так же как и в эрзя-мордовских говорах расположенных рядом сёл – Мордово-Ишуткино и Захаркино, в настоящее время термина *эрьке* для обозначения озёр. При этом надо отметить, что в топонимической номенклатуре окрестностей Мордово-Аделяково и

Захаркино данный термин встречается – однако, его семантика на современном этапе не подлежит однозначной трактовке (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019). Данная ситуация находит параллели в географической лексике мордвы Самарского Поволжья [1].

Рассмотрим последовательно элементы топонимической номенклатуры села Мордово-Аделяково и его окрестностей.

Ало пе Название низинного района села Мордово-Аделяково. Топоним происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* – ‘низменный’ + *пе* – ‘конец’ = ‘нижний конец’. Данный элемент топонимического пространства отмечается практически во всех эрзянских сёлах Самарского Поволжья.

Базьма латко Название в Мордово-Аделяково реки Базьмы у Старого Вечканово. Информаторы объясняли нам данное название так: «Вот у Вечканово есть овраг Базьма латко. И вот откуда это название пошло? Ну ладно, латко – знаем (что такое – Н.Б.), а базьма – кто знает?» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Потамоним *Базьма*, по-видимому, был деэтимологизирован у вечкановской мордвы уже на рубеже XIX – XX веков, поскольку Х. Паасонен, в своих подробных материалах по Старому Вечканово ограничивается в данном случае лишь указанием: «Базьма – река у Старого Вечканово» [6]. Тот факт, что в Мордово-Аделяково данный объект называется *Базьма латко*, а не *Базьма лей*, указывает на то, что первоначально так обозначались верховья реки, где она мелкая и иногда пересыхает.

Березовка Название части улицы в селе Мордово-Аделяково. Со слов информаторов: «Там берёзки растут, поэтому Березовка» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Идентичные названия имеют значительное распространение в топонимических пространствах эрзя-мордовских сёл Самарского Заволжья.

Вере пе Название возвышенной части села Мордово-Аделяково, где ныне располагаются здания сельского клуба и школы. Топоним происходит от эрзя-мордовских лексем: *вере* – ‘вверху; сверху’ + *пе* – ‘конец’ = ‘верхний конец’. Данный элемент топонимического пространства типичен для эрзянских сёл региона, составляя, в большинстве случаев, дуальную систему с элементом *Ало пе*.

Вишке моховой Название одного из ручьёв в окрестностях Мордово-Аделяково и Мордово-Ишуткино. Топоним является гибридным: эрзя-мордовское *вишке* – ‘малый, маленький’ + русское *моховой* = ‘малый моховой’ (ручей). Интересно, что общемордовская лексема для

обозначения мха – *нулонь* – практически неизвестна в мордовских говорах Самарского Поволжья. В говорах рассматриваемых сёл она заменяется заимствованием из русского языка. Название ручья объясняется тем, что он протекает по низменным, зачастую покрытым мхом, местам.

Вылетаевка Название одной из улиц в селе Мордово-Аделяково. Со слов информаторов: «Улица расположена на выезде из села, в сторону Ишуткино, поэтому так и называется» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019).

Деревяшкань лисьма Источник, из которого осуществляется забор воды для водоснабжения села Мордово-Аделяково. Топоним этимологизируется следующим образом: *деревяшка* – заимствование из русского языка + *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках + *лисьма* – ‘источник; родник’ = ‘деревяшкин родник’. Источник назван так потому, что был облагорожен деревянной колодой (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019).

Дигонь лисьма Родник в урочище Асказанка. Со слов информаторов в Мордово-Аделяково: «Дигонь – это по имени человека, родник так назван, около Асказанки. Там деревня раньше была, а теперь одно кладбище осталось» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Представляется, однако, что в основе названия родника лежит эрзя-мордовское *дига* – ‘гусь’. В мордовоаделяковском говоре эрзя-мордовского языка вместо орнитонима *дига* бытует орнитоним *гала* (данная форма встречается в большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья), поэтому, видимо, информаторы из этого села и возводят основу названия родника к антропониму. Впрочем, что это за имя – *Дигонь* – им неизвестно. Наряду с этим, в захаркинском говоре эрзя-мордовского языка гусь обозначается лексемой *дига*, что даёт основания для нашего предположения. Таким образом, этимология топонима следующая: *дига* – ‘гусь’ + *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках + *лисьма* – ‘источник, родник’ = ‘гусиный родник’. Топоним имеет семантические параллели в топонимических пространствах ряда эрзя-мордовских сёл Самарского Заволжья – например, в Клявлинском районе (ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старые Сосны, 2019).

Ишуткина лей Река, протекающая через село Мордово-Ишуткино. Название является двусоставным: *Ишутка* – антропоним + *на* – русский аффикс принадлежности + *лей* – ‘река, ручей’ = ‘Ишуткина речка’. Интересно отметить, что в сходной ситуации, в ареально близком к Мордово-Ишуткино селе Захаркино, подобная форма гидронима не сформировалась и река называется просто *Захарка* (ПМА, Самарская область, Серги-

евский район, Захаркино, 2019).

Карамалка Урочище в окрестностях сёл Мордово-Аделяково и Мордово-Ишуткино. В отличие от большинства подобного рода топонимов в Самарской области, произносится в мордовоаделяковском и мордовоишуткинском говорах именно так – *Карамалка*, а не *Кармалка*. Название урочища, по всей видимости, восходит к гидрониму, а тот, в свою очередь, к чувашскому флорониму *хурама* со значением ‘вяз’. В топонимии Самарского Поволжья чувашские названия, восходящие к данной лексеме, как правило, в русской передаче имеют формы *кармалка* или *кармала*. В случае названий рек потамоним в чувашском языке формируется следующим образом: *хурама* – ‘вяз’ + *ла* – аффикс прилагательного в чувашском языке = *хурамала* – *кармала*. В случае названий сёл ойконим формируется следующим образом: *хурама* – ‘вяз’ + *ял* – ‘село’ + *ё* – аффикс принадлежности в чувашском языке = *хурама ялё* – *кармала*. В рассматриваемом случае в эрзя-мордовских говорах выпадения гласного из чувашского названия не произошло, вследствие чего имеем форму *карамалка* вместо *кармалка*.

Икельс улься Название одной из улиц в селе Мордово-Аделяково. Со слов информаторов: «Эта улица у нас в селе самая близкая к дороге была, поэтому называли её Икельс – Передняя» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Топоним двусоставный: *икельс* – ‘передний’ (литературно-письменная эрзя-мордовская форма – *икельце*) + *улься* – фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *улица* = ‘передняя улица’.

Кузьмань лисьма Название родника, расположенного в лесу в окрестностях села Мордово-Ишуткино. Топоним является двусоставным, переводится с эрзя-мордовского языка на русский следующим образом: *Кузьма* – антропоним + *нь* – мордовский аффикс принадлежности + *лисьма* – ‘родник’ = *родник Кузьмы*.

Лугань пень лисьма Родник в селе Мордово-Ишуткино, со слов информаторов его перевод на русский язык означает ‘Красивый родник’ (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Ишуткино, 2019). Родник с таким названием действительно имеется в окрестностях села, данное же название буквально переводится на русский язык иначе: *луга* – фонетически адаптированное в эрзя-мордовской этноязыковой среде заимствование из русского языка *луговой* + *пе* – ‘конец; часть села’ + *нь* – мордовский аффикс принадлежности + *лисьма* – ‘родник’ = ‘родник луговой улицы’.

Мазы лисьма Родник в окрестностях сёл Мордово-Аделяково и Мордово-Ишуткино. Топоним является двусоставным, его перевод с эрзя-мордовского языка на русский имеет вид: *мазы* – ‘красивый’ + *лисьма* – ‘род-

ник’ = ‘красивый родник’. Название дано по окружающей источник местности, которая считается здесь наиболее живописной.

Мазынь лугась Луга в окрестностях сёл Мордово-Аделяково и Мордово-Ишуткино. Топоним переводится с эрзя-мордовского языка на русский следующим образом: *мазы* – ‘красивый’ + *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках + *луга* – фонетически адаптированное в эрзя-мордовской среде заимствование из русского языка + *сь* – аффикс определённости в мордовских языках = ‘луг красивого (родника)’, поскольку в окрестностях данного луга находится родник *Мазы лисьма*. Вообще, лексема *мазы* – ‘красивый’ часто фигурирует в составе географических названий данных топонимических пространств.

Мерганьлей Река в окрестностях сёл Мордово-Аделяково и Мордово-Ишуткино. Потамоним неясной этимологии. Со слов информаторов: «Мерганьлей – есть такое, это речка. Почему так называется – никто не знает» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Потамоним можно представить в следующем виде: *мерга* – основа без ясной этимологии + *нь* – мордовский аффикс принадлежности + *лей* – ‘река’. Таким образом, этимологический поиск для рассматриваемого потамонима сводится к этимологизации основы *мерга*. Зачастую неясные основы в топонимии восходят к сильно изменённым, либо вышедшим из употребления антропонимам – не исключено, что здесь мы имеем дело с подобным случаем. Также возможно, что данная основа восходит к эрзя-мордовскому зоониму *нерьгаз* – ‘барсук’: переход инициального [н] в [м] в мордовской топонимии описан Д.В. Цыганкиным, на примере гидронима *Мерлей*, в основе которого лежит эрзя-мордовское *нерь* – ‘мыш’ [5]. Сравните также диалектную вариацию зоонима *нетьказ/метьказ* – ‘ящерица’ в эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья (в эрзянском говоре Мордово-Аделяково данный зооним имеет форму *метьказ* (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019)). Нам, однако, представляется более верным этимологическое решение для данной основы от глагола *мерьгомс* (мокша-мордовское *мярьгомс*; эрзя-мордовское *меремс*, диалектное – *мерьгомс*) – ‘говорить’. В этом случае потамоним может рассматриваться в одном семантическом ряду с такими названиями как *Журчащий ручей*, *Говорливый ручей* и т.д., встречающимися в русской топонимии применительно к ручьям с шумным течением.

Пекшелей Овраг между сёлами Мордово-Аделяково и Захаркино. Название является двусоставным, на русский язык с эрзя-мордовского переводится следующим образом: *пекше* – ‘липа’ + *лей* – ‘река; овраг’ = ‘липовый овраг’. Надо отметить, что значение ‘овраг; долина’ для лексем *лей* является архаичным и, возможно, первич-

ным, поскольку только такое значение приводится для данной лексемы в наиболее раннем дошедшем до нас лексикографическом памятнике мордовских языков [7]. В современных захаркинском и мордовоаделяковском говорах эрзя-мордовского языка лексема *лей* употребляется только в значениях 'река' и 'ручей'; овраги обозначаются термином *латко* (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019; ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Неясно, является ли формант *лей* в данном топониме подтверждением того, что ранее рассматриваемая лексема бытовала в данных говорах и в значении 'овраг', или же на изменение семантики топонима повлияли какие-то экстралингвистические факторы (например: пересыхание ручья в овраге).

Пойколка Роща в окрестностях села Мордово-Аделяково. Топоним является двусоставным, на русский язык с эрзя-мордовского переводится следующим образом: *пой* – 'осина' + *колка* – фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *колок* = 'осиновая роща'.

Пойколкань Родник в осиновой роще, носящей название *Пойколка*. К данному названию при наименовании родника добавляется мордовский аффикс принадлежности *нь*, после чего: *Пойколка + нь = Пойколкань* – 'Осиноворощинский'.

Поки моховой Ручей в окрестностях сёл Мордово-Аделяково и Мордово-Ишуткино. Потамоним составляет дуальную систему с потамонимом *Вишке моховой*. Название является гибридным: эрзя-мордовское *поки* – 'большой' + русское *моховой* = 'большой моховой (ручей)'.

Попань лисьма Родник в окрестностях села Мордово-Ишуткино, используется для водоснабжения села. На русский язык с эрзя-мордовского название переводится следующим образом: *поп* – заимствование из русского языка – 'священнослужитель' + *нь* – мордовский аффикс общности + *лисьма* – 'родник' = 'Поповский родник'. Составляющая *попань/попонь/поп* присутствует в эрзянских говорах Самарского Поволжья применительно к названиям всех объектов, которые так или иначе связаны с церковью.

Сэдь бе Название части села Мордово-Аделяково. Со слов информаторов: «Это место такое у нас. Сэдь бе – это значит: около моста» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Топоним является двусоставным, переводится с эрзя-мордовского языка на русский следующим образом: *сэдь* – 'мост' + *бе* (озвончённая форма термина *ле*) – 'конец; улица; район села' = 'район села у моста'.

Стаханов Название части села Мордово-Аделяково,

строившейся в советское время. Со слов информаторов: «Модное название в советское время было, движение такое было, вот потому и назвали» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019).

Торговой лисьма Родник в селе Мордово-Ишуткино, на берегу реки *Ишуткина лей*. Топоним является гибридным: *торговой* – фонетическая адаптация в эрзя-мордовской этноязыковой среде русской лексемы *торговый* + *лисьма* – 'родник' = 'торговый родник'. Мотивацию названия выяснить не удалось: возможно, в этом месте раньше проводилась ярмарка или располагалась торговая лавка.

Трокс куринка Название одной из улиц в селе Мордово-Аделяково, в настоящее время официальное название данной улицы – 'улица Ленина'. Топоним является двусоставным: *трокс* – 'через; поперёк' + *куринка* – 'улица' = 'поперечная улица'. Элементы подобного рода часто фиксируются в топонимических пространствах эрзя-мордовских сёл, в зависимости от их расположения [2]. По частоте встречаемости, данный элемент находится в них на третьем месте, после рассмотренных выше *Ало пе* и *Вере пе*.

Удалсь улься Одна из улиц в селе Мордово-Аделяково. Со слов информаторов: «Самая дальняя она от въезда была, улица эта. Задки, то есть. Поэтому и называется задней» (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Мордово-Аделяково, 2019). Топоним является двусоставным: *удалце* – 'задний' + *улься* – фонетически адаптированное в эрзя-мордовской этноязыковой среде заимствование из русского языка *улица* = 'задняя улица'. В соответствии с фонетическими особенностями мордовоаделяковского говора эрзя-мордовского языка, звук [ц] перешёл в [с]: *удалсь улься*.

Шикуневский родник Название родника, расположенного в окрестностях урочища *Мазы луга* – 'Красивый луг'. Название русское, восходит к антропониму – фамилии *Шикунев*.

Щепкань каямо латко Урочище между сёлами Захаркино и Мордово-Аделяково. Место в овраге *Пекше-лей*, куда выбрасывали мешок с щепками, остававшимися после выделки гроба и креста. Буквальный перевод топонима с эрзя-мордовского языка на русский следующее: *щепка* – заимствование из русского языка + *нь* – мордовский аффикс принадлежности + *каямо* – 'выброс; отброс' + *латко* – 'овраг' = 'овраг щепкового выброса'. Топонимы подобного рода с той же мотивировкой – не редкость в топонимических пространствах мордовских сёл, ряд примеров приводит Д.В. Цыганкин [5].

Подводя итог проведённому исследованию, надо отметить, что топонимическое пространство села Мор-

дово-Аделяково, в целом, обладает основными характеристическими чертами эрзянских топонимических пространств.

Здесь нашли своё отражение основные элементы эрзянской топонимической номенклатуры, ярче всего проявляющиеся в урбонимии, прослеживается эрзя-мордовская структура построения географических названий, выделяется активное использование в топонимике эрзянской и заимствованной из русского языка географической лексики.

Из отличительных особенностей исследуемого топонимического пространства можно выделить следующие:

в топонимике мордовоаделяковского говора значительное место занимают оригинальные и адаптированные русские лексемы; топонимическая номенклатура отражает характерные особенности данного говора – в частности, замену [ц] на [с] и нерегулярную редукцию финального гласного, акцентологию; в исследуемом топонимическом пространстве имеется несколько ключевых элементов, вокруг которых выстраивается топонимическая система – как лексически, так и семантически, например – *Мазы луга*.

Принятые сокращения

ПМА – Полевые материалы автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленов Н.В. Географические термины для обозначения озёр в мокша-мордовских говорах Самарской Луки//Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. №2. СС. 122 – 129.
2. Беленов Н.В. Топонимическое пространство эрзя-мордовского села Большая Ёга Самарской области//Вестник угроведения. 2020. Т. 10. №3. СС. 407 – 416.
3. РГАДА. Ф 350 Ревизские сказки и ландратские книги оп. 2 Д. 3351 П.591-606.
4. Симаков В.Е. Энциклопедия чувашских сёл Самарской области. – Самара, 2008.
5. Цыганкин Д.В. Память, запечатлённая в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск, 2005.
6. Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 1990 – 1996.
7. Witsen N. Noord en oost Tartarie. Deel 2. Amsterdam, 1692.

© Беленов Николай Валерьевич (belenov82@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный социально-педагогический университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

THE FUNCTIONING OF THE LANGUAGE OF YOUTH SUBCULTURE IN THE ECONOMIC MEDIA TEXT

*E. Burdovskaya
E. Popova*

Summary: The article examines the process of youth slang functioning in the economic media text. The authors consider the peculiarities of youth slang as a subsystem of the Russian language, highlight the functions that slangisms perform in the formation of the meaning of economic news.

Keywords: youth slang, social dialect, semantic field, uncodified vocabulary, borrowings, jargon.

Бурдовская Елена Юрьевна

*к.филол.н., ассистент, Российский университет
дружбы народов
burdovskaya-eyu@rudn.ru*

Попова Елена Олеговна

*к.филол.н., ассистент, Российский университет
дружбы народов
e.o.popova@bk.ru*

Аннотация: В статье анализируется процесс функционирования молодежного сленга в экономическом медиатексте. Авторы рассматривают особенности молодежного сленга как подсистемы русского языка, выделяют функции, которые выполняют сленгизмы, при формировании смысла экономической новости.

Ключевые слова: молодежный сленг, социальный диалект, семантическое поле, некодифицированная лексика, заимствования, жаргон.

Язык средств массовой информации постоянно пополняется за счет элементов различных лексических групп, корни происхождения которых находятся за пределами лингвокультурологической системы СМК. Использование подобных элементов направлено на реализацию экспрессивной функции экономических медиатекстов и привлечение внимания аудитории к сообщениям. Язык молодежной субкультуры относится к такой специфической лексической группе, которая не является титульной для средств массовой коммуникации, однако активно ими используется.

В связи с тем, что носители языка молодежной субкультуры являются социально активной и многочисленной частью структуры современного культурного сообщества, сленгизмы быстро распространяются в различных подсистемах русского языка. Можно говорить, что сегодня молодежный сленг – одна из интереснейших и неисследованных языковых подсистем. Несмотря на то, что молодежный сленг не является функциональным стилем, в нем отсутствуют система грамматики и фонетическая независимость, он обладает четкими временными характеристиками и принадлежностью к социальным группам.

Молодое поколение считается инициатором языковых новшеств и «представляет авангард живых процессов в речи» [18; 11], однако до сих пор нет общепринятого определения термина «молодежный сленг» в современной российской лингвистике. Зарубежные исследователи смешивают понятие «сленг» с вульгаризмами, жаргоном, диалектом, просторечиями и разговор-

ной речью, настаивая на том, что его использование нарушает нормы литературного языка [5; 85-86].

Исследователь В.В. Химик под молодежным сленгом понимает социальный диалект людей в возрасте от 13 до 37 лет, которым свойственны мультилингвизм, языковой субстандарт, намеренный отказ от общепринятых языковых норм, экстравагантность и экспрессивность общения [18; 10].

Т.Г. Никитина рассматривает молодежный сленг как лексику, функционирующую на лексико-грамматической и звуковой основе национального языка. Ее отличительные признаки — сниженность, разговорность и фамильярный окрас. К наиболее развитым семантическим полям исследователь относит «внешность», «одежду», «человека», «досуг» и «жилище». Большая часть лексических единиц, составляющих молодежный сленг – заимствования, преимущественно из английского языка, фонетические ассоциации, сокращения и их производные. Особая черта языка молодежной субкультуры – быстрая изменчивость, достигаемая за счет смены поколений [12].

Таким образом, под сленгом понимается совокупность слов и выражений, которые используются представителями открытых социальных групп и организуют слой их разговорной лексики, не соответствующий нормам литературного языка.

Молодежный сленг, прежде всего, — живой, постоянно пополняющийся и развивающийся пласт общенационального языка. Он оперативно реагирует на любые

социокультурные изменения в обществе. Как уникальному языковому явлению ему свойственно постоянное обновление за счет интеграции с различными пластами некодифицированной лексики. Образование новых сленговых лексических единиц и переосмысление существующих происходит в условиях стремления к простоте, метафоричности, оценочности и краткости. Молодежной коммуникативной среде характерна языковая игра, она пополняется за счет внешних заимствований (*краш, кринж*), жаргона (*защвар, дурь*), семантических переосмыслений (*орать, вписка*), искажения произношения (*жиза, пипя*), каламбуров (*толкиенутый, клави*).

Употребление молодежного сленга оправдывается необходимостью использования наименований предметов и явлений, синонимы которых сложно подобрать в стандартизированной речи, кроме того, его применение привносит выразительность в язык за счет свойственной ему иносказательности.

Главным источником распространения молодежного сленга выступает язык массовых коммуникаций. В ходе передачи информации медиатекст оказывает воздействие на человеческое мировоззрение, мироощущение, культурное взаимодействие. Язык массовых коммуникаций зачастую пренебрегает нормами литературного языка. В массовом сознании ассимилируются различные оговорки журналистов, политических деятелей, деятелей науки, искусства и культуры [2; 62–65]. Адаптация СМИ к тенденциям, создаваемым аудиторией, способствует реализации экспрессивной функции медиатекстов, цель которой – максимально привлечь внимание аудитории к сообщению за счет намеренного использования сленгизмов.

Рассматривая экономический медиатекст, необходимо отметить, что молодежный сленг не является базовым лексическим слоем аудитории (социальной среды), на которую он направлен. В экономическом медиатексте использование сленгизмов происходит, чаще всего, во вторичной изобразительной или выразительной функции. Это может указывать на некоторое размытие возрастных границ и процесс синтеза разных групп аудитории СМК за счет развития интернета и социальных сетей.

На сегодняшний день исследователи не придерживаются единой точки зрения в отношении функций, которые выполняет молодежный сленг в текстах массовой коммуникации. Что касается функциональных особенностей использования сленга в экономическом медиатексте, можно говорить о пяти основных направлениях.

1. Опознавательная функция. Проявляется, когда автор использует определенные лексемы-индикаторы, которые известны определенному коммуникативному сообществу, способному дешифровать ее значение [9]. Например, в заголовке материала об инвестировании в

рынок спортивной кибериндустрии, формировании из групп игроков-энтузиастов полноценной экосистемы холдингов с новыми рабочими местами «*CEO для гиков: как киберспорт стал серьезным рынком труда*» [10], автор использует сленгизм «*гик*».

Изначально гиками (англ. geek) назывались люди, увлеченные высокими технологиями. Позднее семантика понятия расширилась и гиками стали называть людей, увлеченных какой-либо культурой, членов различных фэндомов [8].

Таким образом, автор через заголовок передает основную мысль статьи: за последние годы хобби (онлайн-игры) смогло перерасти в мощную бизнес-индустрию с выручкой до \$ 28,6 млн.

2. Оценочная функция проявляется тогда, когда автор выражает свое отношение к предмету повествования и делится своим восприятием реальности с аудиторией. Например, в статье о предполагаемой болезни северокорейского лидера и дальнейшей судьбы развития страны автор пишет: «*Теперь в Twitter «стэнят» Ким Е Чжон, иными словами, выражают глубокое и всеобъемлющее почтение, словно она один из «айдолов» к-поп. Пользователи публикуют фотографии сестры лидера КНДР, называя ее «женщиной-диктатором»*» [15].

В данном материале используется два сленгизма «*стэнить*» и «*айдол*». Айдолами называют кумиров – корейских артистов или певцов, добившихся определенных успехов в своей деятельности [1]. Стэнить – (англ. stan) быть поклонником, фанатом какой-либо поп или рок-группы [20].

Использование молодежного сленга применительно к первому заместителю директора пропаганды и агитации ЦК КНДР показывает ироническое отношение автора публикации к данной политической фигуре.

3. Творческая функция подразумевает использование для передачи информации автором таких словоформ, аналогов которых нет в литературном языке [6]. Например, в лиде к материалу «*Полтора шага*» [13; 18] автор использует словосочетание «*движуха, но со встроенными тормозами*». В основе понятия лежит сленгизм «*движуха*» — мероприятие, течение, повышенная активность [7]. В тексте материала автор поясняет значение «творения» сленга: «*движуха со встроенными тормозами*» — неактуальная революция, мода ходить на выборы не для того, чтобы проголосовать, а чтобы «показать им всем».

4. Номинативная функция проявляется, когда автор использует привычную для него лексику для обозначения предметов, явлений, отношений. В качестве примера проявления номинативной функции молодежного сленга в экономическом медиатексте обратимся к статье

«Бизнес жив – какие профессии уже захватили рынок будущего». В материале автор использует интертекст – цитату специалиста управления репутацией в Сети Д. Сидорина: «Я занялся этим, когда репутация в Сети [в России] никому не была интересна, — рассказывает бизнесмен. — Сейчас — это тренд, который называется Brand Protection. В интернете хейтят не только блогеров и инфоцыган, но и целые страны, регионы, крупнейшие компании, валюты — что угодно. И если раньше на это пытались не реагировать, то сейчас уже нельзя...» [3].

В данном примере использование сленгизма «хейтить» — (англ. hate) ненавидеть [17], показывает, насколько слово «вжилось» в подсознание и речь интервьюируемого.

5. Эмоционально-экспрессивная функция проявляется, когда автор прибегает к молодежному сленгу с целью донести до читателя информацию о собственных эмоциональных и прагматических ориентирах.

Например, в материале издания «Коммерсантъ» под заголовком ««Красивей же звучит, на самом деле, «не комильфо», чем просто «офигели»» о внесении в Госдуму

депутатами ЛДПР законопроекта о штрафах за употребление иностранных слов при наличии российских аналогов, автор пишет: «Посмотришь тут, как дышит тяжело/ Окованная наледью Россия,/ И кратко сформулируешь: «Фуфло»./ А раньше бы сказал: «Каталепсия»» [4].

«Офигеть» — выражение крайней степени удивления, носит негативный оттенок [14]. «Фуфло» — в молодежном сленге что-то некачественное, некрасивое [16].

Через использование сленгизмов «офигеть» и «фуфло» автор достигает экспрессивного воздействия на читателя, показывая сарказм и негативное отношение к выдвигаемому законопроекту.

Таким образом, использование языка молодежной субкультуры в экономическом медиатексте способствует повышению эффективности его воздействия на читателя, а также увеличению интереса разных возрастных групп аудитории к экономической информации. Однако важно понимать и опасность того, что в силу своего возраста читатель может не суметь надстроить текстовый смысл, так как не сможет актуализировать значение сленгизма, тем самым не сможет сформировать смысл экономической новости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдол // Словарь молодежного сленга - <http://www.termity.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/aydol>
2. Библиева О.В. Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации. // Вестник Томского государственного университета – 2007. – № 304. – С.62-65.
3. Бизнес жив – какие профессии уже захватили рынок будущего // РБК+ — 06.05.2020 — <https://plus.rbc.ru/partners/5eb2c3797a8aa9fae757647e>
4. Быков Д. «Красивей же звучит, на самом деле, «не комильфо», чем просто «офигели»// Коммерсантъ — 22.02.2013 — <https://www.kommersant.ru/doc/2133412>
5. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. - 462 с.
6. Гренд А.С. Прикладная лингвистика. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 268с.
7. Движуха // Словарь молодежного сленга – <https://teenslang.su/content/движуха>
8. И все-таки кто такие гики? – <https://www.mirf.ru/fun/geek/kto-takie-giki/>
9. Катышев П.А., Артемова Т.В. Функции жаргона наркоманов и словообразовательные средства их осуществления (на материале социолингвистических опросов и словарей жаргона): статья в журнале ВАК / Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – Т. 3.
10. Коен Л., Салитов А. CEO для гиков: как киберспорт стал серьезным рынком труда // РБК - <https://pro.rbc.ru/demo/5fa3fd9b9a794781571fa07e>
11. Маковский М.М. Английские социальные диалекты. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 27.
12. Никитина Т.Г. Лингвокультура молодежного социума и проблемы адаптации иностранцев в регионе обучения. Монография. — Псков: ООО Логос-Плюс, 2015. — 238 с.
13. Орешкин Д. Полтора шага // Огонек - №2. – 2012 – С.18.
14. Офигеть // СловоНово – <http://www.slovnovo.ru/term/офигеть>
15. Фомина Е. Куда исчез Ким Чен Ын и может ли его сестра стать «женщиной-диктатором» // РБК – 28.04.2020 - <https://style.rbc.ru/people/5ea7ccc79a7947f59480c651>
16. Фуфло // СловоНово — <http://www.slovnovo.ru/term/Фуфло>
17. Хейтить // Словарь молодежного сленга – <https://teenslang.su/content/хейтить>
18. Химик В.В. Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование: сб. аналитич. мат-лов; под ред. С.И.Богданова, Л.А.Вербицкой, Л.В.Московкина, Е.Е.Юркова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. – С. 7–66.
19. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – 2000. – С. 14–16.
20. Что значит стэнить? // Яндекс Кью – https://yandex.ru/q/question/что_значит_стенит_c76e8c6a/

© Бурдовская Елена Юрьевна (burdovskaya-eyu@rudn.ru), Попова Елена Олеговна (e.o.popova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

PECULIARITIES OF USING A LANGUAGE GAME IN AN ECONOMIC MEDIA TEXT

*E. Burdovskaya
E. Popova*

Summary: The authors attempted to analyze theoretical sources in order to clarify the term «language game» in this article. The article considers ways to enhance the rational content of economic material through game accentuation of specific information fragments of the media text. Examples of integrating economic terminology into the media text using a language game are given.

Keywords: economic media text, language game, terminative name, logical-semantic game, game at the phraseological level, syntactic game.

Бурдовская Елена Юрьевна

*к.филол.н., ассистент, Российский университет
дружбы народов
burdovskaya-eyu@rudn.ru*

Попова Елена Олеговна

*к.филол.н., ассистент, Российский университет
дружбы народов
popova-elol@rudn.ru*

Аннотация: В данной статье авторы предприняли попытку анализа теоретических источников с целью уточнения термина «языковая игра». Рассматриваются способы усиления рационального содержания экономического материала за счёт игровой акцентуации конкретных информационных фрагментов медиатекста, приводятся примеры интеграции экономической терминологии в медиатекст с помощью использования языковой игры.

Ключевые слова: экономический медиатекст, языковая игра, терминовое наименование, логико-семантическая игра, игра на фразеологическом уровне, синтаксическая игра.

На восприятие экономической информации в медиатексте аудиторией влияет грамотное использование языковых конструкций. С их помощью формируется представление о сообщаемой информации и экономических процессах и явлениях, описываемых в материале. Одним из эффективных способов пояснения смысла экономических новостей является языковая игра.

Основная функция языковой игры в экономических материалах — образное пояснение экономической терминологии. Реципиент ожидает от материалов четкую информацию, но, в контексте экономической составляющей, это невозможно, так как необходимы определенные знания специфических процессов в области экономики. В целях оптимизации информативного воздействия журналисты вводят игровые компоненты, которые способствуют редукции передаваемого сообщения читателем. Через «эстетику игры» в заголовках и тематических подзаголовках читатель воспринимает сложную экономическую терминологию интуитивно, происходит эмоциональное усиление рационального содержания экономической новости.

Термин «языковая игра» на сегодняшний день не имеет четкого определения. Понятие языковой игры пришло в лингвистику из философии, и было введено Л. Витгенштейном [3;56]. Языковая игра, в понимании философа, представляла собой простейшие лингвистические формы, с которых начиналось обучение языку при включении обучаемого в различные виды деятельности,

а также к языковым играм Л. Витгенштейн относил упрощенные модели употребления слов, которые с помощью постепенного усложнения демонстрировали языковую динамику [8;167].

Исследователь А.П. Сквородников отмечает, что языковая игра выступает в качестве наглядного изображения ситуации обсуждения и носит изобразительный характер [10; 86]. О.С. Ахманова рассматривает языковую игру как «игру слов», отождествляя ее с каламбуrom — типом речи, состоящем из употребления разных значений одной и той же словоформы в ироничном контексте [1; 228]. М.Н. Кожина называет языковой игрой нестандартное употребление языковых единиц для создания остроумных высказываний [4; 289].

Т.В. Матвеева под языковой игрой понимает речевое поведение с определенным набором установок, используемых для достижения эффекта воздействия на реципиента. Воздействие, по мнению исследователя, может достигаться в ходе контекстуальных преобразований средств языка и расширения области их применения [5].

Под языковой игрой можно рассматривать и лингвистические игры — сознательное нарушение лексических норм и правил языкового поведения, деформацию речевых клише для достижения экспрессии текстов. На лексическом уровне языковая игра достигается за счет использования паронимов и антонимов, лексических повторов, полисемии и омонимии. На уровне морфологии языковая игра достигается путём использования не-

стандартных грамматических форм лексических единиц, зачастую противоречащих морфологическим нормам. Языковой игре также свойственно преобразование прецедентных текстов. Соответственно, можно говорить о том, что в новостном субдискурсе языковая игра используется с целью воздействия на реципиента. Экспрессия достигается за счёт использования нетипичного контекста игровой единицы. В ходе контекстно-семантических преобразований выражение приобретает новый смысл, понятный на интуитивном уровне для реципиента.

В экономическом медиатексте языковая игра, с одной стороны, может рассматриваться как стилистический приём — неканоническое использование языковых средств, с другой стороны — это использование скрытых прагматических и эстетических возможностей языковых знаков.

Возросший за последние годы интерес читателей-непрофессионалов к экономической информации заставляет журналистов искать новые способы интеграции терминологии. Информационная компрессия, свойственная новостному материалу, не позволяет постоянно делать расшифровку экономических терминов для обывателя, поэтому отправитель информации вынужден искать нестандартный подход использования языковых единиц, чтобы читатель мог вскрыть прагматические интенции, содержащиеся в сообщении. Таким образом, языковая игра в экономическом медиатексте усиливает рациональное содержание материала за счёт игровой акцентуации конкретных информационных фрагментов, прагматика которых значима как для автора сообщения, так и для реципиента. Кроме того, в современном экономическом медиатексте языковая игра выступает в качестве авторского феномена, возникающего благодаря языковой компетенции журналиста.

Примером использования языковой игры может послужить статья о ликвидных российских акциях «Нефть не выдержала двоих». Игровая заголовочная микроформа в данном примере выступает на лексико-фразеологическом уровне, а также является составным компонентом композиционного блока, в качестве которого выступает лид статьи: «*На этой неделе российские фондовые индексы снизились. Быстрый рост цен на нефть смог приподнять курс рубля, но не акции, оседавшие под впечатлением событий в США*» [7].

Из примера следует, что профессиональное терминовое наименование «*снижение фондовых индексов*» вводится в текст через использование в языковой игре «нефть не выдержала двоих» основополагающего фактора функционирования самого понятия – «нефть», рост цен на которую смог отразиться на увеличении курса российской валюты, но никак не способствовал росту цен на акции [8; 168].

В статье «*Биткойн угодил в зону турбулентности*» перифраз устойчивого выражения способствует «игровому» окрашиванию текста статьи. «*В последние несколько дней рынок криптовалют переживает резкие взлеты и падения...*» [9]. Терминированное наименование «*динамика курса криптовалюты*» при включении в статью обыгрывается с помощью языковой игры, микроформа которой выступает на фразеологическом уровне за счёт синтаксической игры с сочетаемостью: резкие взлеты и падения цены на биткойн сравнивается автором с турбулентностью, что способствует упрощению восприятия экономической информации [8; 168].

В статье «*Дивиденды размывает серной кислотой*» представлена информация о намерениях руководства МК «Норильский Никель» произвести корректировку формулы дивидендов в связи с растущими показателями долга: «*Гендиректор компании Владимир Потанин (владеет 30,3% ГК) предложил снизить верхний порог коэффициента чистый долг / EBITDA до 2 с нынешних 2,2, при его превышении на выплаты пойдет всего 30% EBITDA*» [2; 9].

При использовании игровой микроформы на уровне микротекстовой организации происходит логико-семантическая игра со значением, так как никель – это металл, у которого практически невозможно провести реакцию с серной кислотой. Соответственно, можно говорить о двойной смысловой нагрузке на заголовок. Во-первых, заголовок сразу же наталкивает на мысль, что руководству предприятия «Норильский Никель» будет очень сложно убедить собственников согласиться с предлагаемыми условиями. Во-вторых, заголовок является своеобразным способом включения в текст статьи терминовое наименование «коэффициент чистый долг / EBITDA». Языковая игра используется, чтобы проиллюстрировать прямо пропорциональную взаимосвязь между показателем деловой нагрузки на предприятие, ее способностью удерживать долг на уровне, не снижающим инвестиционный рейтинг, и способностью выплачивать дивиденды. Соответственно снижение верхнего порога коэффициента чистый долг / EBITDA должно ассоциироваться со снижением выплат акционерам компании [8; 169].

В статье издания «Коммерсантъ» «Спрос уезжает с дач» языковая игра используется для включения терминовое наименований «снижение платежеспособности» и «неликвидное предложение», которые являются основными показателями возможности совершения покупки загородной недвижимости: «*Вместе со снижением платежеспособности затянувшееся падение рынка обеспечивает большая доля неликвидного предложения, на долю которого, по оценкам аналитиков, сейчас приходится 80% от общего объема предложения. Речь в первую очередь идет о домах с неудачным расположе-*

нием, большой площадью или низкими качественными характеристиками» [6]. В связи с этим синтаксическая игра с сочетаемостью, используемая в приведенном примере языковой игры, необходима для проведения параллели между значениями используемых в тексте терминов и понятием «спрос», основными параметрами которого они выступают [8; 169-170].

Логико-семантическая игра со значением используется в статье ««Магнит» притянул инвесторов на скидку»: «Ритейлер проводит SPO с дисконтом к рынку» [11; 10]. Языковая игра выступает в качестве пояснения нескольких терминов, используемых в тексте: «ритейлер», «SPO», «дисконт». «Ритейлер» – владелец розничной сети мага-

зинов = «Магнит»; «SPO» – публичное размещение акций, принадлежащих изначальным акционерам или венчурным фондам, на рынке ценных бумаг, фактически, их продажа = «притянул инвесторов»; «дисконт» – скидка [8; 170].

Таким образом, можно говорить о том, что применение языковой игры в экономическом медиатексте расширяет возможность преобразования информации. Использование языковых приемов происходит, преимущественно, в заголовках и тематических подзаголовках. Экспрессивная акцентуация в заголовках повышает интерес к материалу, а за счет редукции игровой формы происходит понимание экономической терминологии читателем-непрофессионалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. «Лингвистическая лексика», 4-е издание, Рипол Классик, 2013 – 474 С.
2. Джумайло А. Дивиденды размывает серной кислотой / А. Джумайло // Коммерсантъ. – 2017. – № 217. – 22 ноября. – С. 9.
3. Кириленко Н.П., Сафронова Т.И. Место языковой игры в текстах современной рекламы / Н.П. Кириленко, Т.И. Сафронова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 56.
4. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи: Учебное пособие по спецкурсу / М.Н.Кожина. – Пермь: 1986. – С. 289.
5. Ласкова, М.В. Лингвокультурные особенности языковой игры в рекламной картине мира [Электронный ресурс] : монография / Ю.В. Попова, М.В. Ласкова. — Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2013. — 128 с.
6. Мерцалова А. Спрос уезжает с дач / А. Мерцалова // Коммерсантъ [Электронный ресурс]: Коммерсантъ – Электрон. дан. – 2017. – 20 июня. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3330490> (дата обращения 20.06.17)
7. Нефть не выдержала двоих // Коммерсантъ [Электронный ресурс]: Коммерсантъ – Электрон. дан. – 2017. – 20 мая. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3303548> (дата обращения 20.05.17)
8. Попова Елена Олеговна. Экономическая пресса России: типология, история, лексика: диссертация ... кандидата Филологических наук: 10.01.10 / Попова Елена Олеговна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»], 2018.- 283 с.
9. Сарханянц К. Биткоин угодил в зону турбулентности / К. Сарханянц // Коммерсантъ [Электронный ресурс]: Коммерсантъ – Электрон. дан. – 2017. – 16 июня. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3328793> (дата обращения 16.06.17)
10. Сковородников А.П. Экспрессивность и выразительность / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. Часть 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 86.
11. Трутнев О., Гайдаев В. «Магнит» притянул инвесторов на скидку / О. Трутнев, В. Гайдаев // Коммерсантъ. – 2017. – №213. – 16 ноября. – С. 10.

© Бурдовская Елена Юрьевна (burdovskaya-eyu@rudn.ru), Попова Елена Олеговна (popova-elol@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ТРУДАХ БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

STRUCTURALISM AND SOCIAL ANTHROPOLOGY IN THE WORKS OF BRITISH SCIENTISTS OF THE 20TH CENTURY

Ju. Gavrilova

Summary: The article deals with looking into basic ideas of British linguists and anthropologists whose works actually combined both disciplines. The author begins the overview by the ideas of B. Malinowski, famous anthropologist and linguist. He introduced the notion "context of situation", which later was widely employed in linguistics. Then the author provides the reader with information about E. Leach and R. Needham and proves the connection between both scientific disciplines.

Keywords: anthropology, linguistics, context of situation, structure, theory, social organization, kinship terms.

Гаврилова Юлия Викторовна
К.филол.н., доцент, Московский
гуманитарный университет
March1378@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению основных идей британских лингвистов и антропологов, чьи работы были написаны на стыке двух дисциплин. Автор начинает свой обзор с взглядов Б. Малиновского, известного антрополога и лингвиста. Им было введено в науку понятие «контекст ситуации», впоследствии широко применимое в языкознании. Далее автор знакомит читателя с идеями Э. Лича и Р. Нидхэма, доказывая на примере их концепций взаимосвязь научных дисциплин.

Ключевые слова: антропология, лингвистика, контекст ситуации, структура, теория, социальная организация, термины родства.

Большинство людей, услышав названия таких наук, как антропология и языкознание, скорее всего, воспримут их как самостоятельные отдельные отрасли научного знания и, более того, вряд ли тесно связанные друг с другом.

Однако в данной статье нам хотелось бы познакомить читателя с трудами лингвистов, успешно сочетавших в карьере исследования по антропологии и языкознанию и показать имевшую место в указанный исторический период взаимосвязь и взаимозависимость данных двух направлений, сосуществовавших в Великобритании и успешно дополнявших друг друга.

Итак, начать хотелось бы с научных взглядов известного британского антрополога польского происхождения Бронислава Малиновского (Bronislaw Kasper Malinowski, 1884-1942). По своей сути концепция Малиновского – это теория, разработанная прежде всего антропологом и этнографом, который только впоследствии обратился к языкознанию.

Принято считать, что Малиновский увлекся антропологией после прочтения книги Дж. Фрезера «Золотая ветвь». Полевые исследования Малиновский проводил в основном в Меланезии. В отличие от других исследователей первобытных племён, антрополог Малиновский жил среди туземцев и лично знакомился с их бытом и языком. Именно разработанный в тот период его метод включённого наблюдения теперь является одним из

ключевых методов исследований в антропологии.

Однако естественно, что зачастую бывает невозможно глубоко и всесторонне изучить культуру и традиции того иного народа без знания языка, на котором ежедневно общаются люди. Поэтому Малиновский, конечно, проявлял интерес не только к полевой работе с туземцами, но и к изучению их языка.

Первая книга антрополога Малиновского "Classificatory Particles in the Language of Kiriwina" [3], вышедшая в 1920 году, была посвящена грамматическим категориям частиц в языке киривина (язык жителей Тробрианских островов), то есть собственно лингвистическим вопросам. Также неоднократно отмечалась необходимость разработки такой семантической теории, которая смогла бы дать возможность языковедам глубже исследовать структуру языка и объяснять грамматические факты, так как семантическая теория должна быть тесно связана с этнографической, а понимание того, о чём говорят люди, напрямую зависит от их культурной принадлежности. Таким образом, по его мнению, без семантической теории невозможно проведение грамматического анализа.

Лингвистический термин *контекст ситуации*, как мы знаем, был введен в лингвистическую науку именно Малиновским, а впоследствии он нашёл широкое применение в работах других языковедов популярного в XX веке структурного направления и в том числе в теории

лингвистов – «Лондонцев». Поэтому получается, что антропологический термин оказался вполне применимым в лингвистическом структурализме.

Малиновский предпринял попытку показать, как употребление языка может быть связано с социальным и эмоциональным контекстами. Исследователем также были сформулированы универсальные грамматические категории: местоимения, прилагательные, наречия, союзы, некоторые падежи существительных, включая именительный, притяжательный, объектный, предложный.

Спустя 12 лет, в 1935 году, была опубликована заключительная работа "Coral Gardens and their Magic" [4], где была подробно изложена семантическая теория, основанная на идее о том, что значение высказываний обеспечивается контекстом окружающей их человеческой деятельности. Были изложены три новых ключевых принципа теории:

1. высказывание в контексте ситуации – основа лингвистических исследований;
2. если какой-то звук употреблён в двух разных контекстах, то его нельзя считать одним и тем же словом, а следует рассматривать как два;
3. контекст ситуации может решить проблему семантической двойственности некоторых предложений.

Важно отметить, что язык всегда понимался Малиновским как аспект культуры и как одна из важнейших форм человеческой деятельности. Язык – средство социальной деятельности человека. Таким образом, концепция учёного совмещала в себе данные и методы антропологии, культурологии, социологии и лингвистики и оказала влияние на развитие целого ряда смежных дисциплин.

Другой британский социальный антрополог, работавший в более поздний период, о котором пойдет речь ниже, это сэр Эдмунд Рональд Лич (Edmund Ronald Leach, 1910-1989). В данной статье мы не можем не упомянуть работы этого исследователя, так как они непосредственно тесно связаны с идеями Бронислава Малиновского. А именно, Малиновский руководил диссертационной работой Лича в ходе его обучения в Лондонской школе экономических и политических наук. Защита состоялась в 1947 году, а работа была написана на материале полевых исследований, проведённых в Бирме еще до начала II мировой войны.

Как пишет Я.В. Чеснов в сопроводительной статье к труду Эдмунда Лича 1976 года, «Эдмунд Лич на своей родине был известен не только специалистам-антропологам. ... Его творчество отвечало общественному интересу ко всеобщим условиям человеческого существования. Лич занимался тем, что в широком смысле можно назвать экологией человека. Для этого он привлекал

методы естественных и социальных наук, а также философии» [1].

Необходимо упомянуть в данной связи одну из важнейших для нашего исследования работ Лича «Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии» [2], вышедшую в 1976 году, так как ее содержание как раз и демонстрирует связь структурного анализа и антропологии.

Книга посвящена рассмотрению с позиций структурного анализа проблем терминологии, теории магии и колдовства, различных предписаний и запретов, а также вопросов мифологии. В 2001 году книга была издана на русском языке в рамках книжной серии «Этнографическая библиотека», таким образом, русскоязычные читатели получили доступ к этому замечательному произведению.

Лич отмечает: «Мой главный тезис...: культура осуществляет коммуникацию; сама по себе сложная взаимосвязь культурных событий передаёт информацию тем, кто в этих событиях участвует. Исходя из этого моя цель состоит в том, чтобы предложить систематическую процедуру, посредством которой антрополог, пользующийся методикой «включенного наблюдения», может приступить к расшифровке посланий, содержащихся в наблюдаемых им сложных объектах» [2, с. 7].

Сама книга написана в форме эссе для студентов и в ней, соответственно, даются толкования задач, функций и методов работы социальных антропологов. Так, «по мысли социальных антропологов-рационалистов (структуралистов), структура системы социальных представлений имеет такое же отношение к тому, что происходит в реальности, какое партитура имеет к ее исполнению... Рационалисты стремятся писать о культурных системах как о созданиях своего рода коллективного «человеческого сознания» [2, с.12]. То есть структурализм как направление существовал, как нам известно, не только в языкознании, но и в ряде других наук, в том числе в антропологии.

Нельзя обойти вниманием другую замечательную фигуру британской социальной антропологии XX века, Родни Нидхэма (Rodney Needham, 1923-2006). Газета «Индепендент» в некрологе от 13 декабря 2006 года назвала его «оксфордским социальным антропологом и чемпионом структурализма» [8]. Он был ведущим социальным антропологом своей эпохи, который вместе с Эдмундом Личем и Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921-2007, известной работами по культуре и символизму), внес заметный вклад в развитие британской социальной антропологии. Сферой научных интересов Нидхэма было исследование социальной организации общества, терминов родства и

систем символической классификации.

Пользуясь структурным подходом и доказывая его большую эффективность по сравнению с психологическим подходом, он изучал систему социальной организации и термины родства в небольших обществах. Руководителем выпускной работы Нидхэма, которую он защитил в 1950 году, был известный антрополог Рэдклифф-Браун. С 1956 года и в течение всей карьеры он преподавал социальную антропологию в Оксфордском

университете. Первым значительным трудом принято считать книгу «Структура и чувство» (Structure and Sentiment, 1962 года). Среди других работ можно назвать: “Remarks and Inventions” [6], “Circumstantial Deliveries” [5].

Таким образом, мы видим, что структурный анализ в исследованиях британских ученых был неразрывно связан с антропологией, а изучение терминов родства в антропологии было невозможно, в свою очередь, без обращения к идеям и принципам лингвистической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеснов Я.В. От коммуникации к культуре, или зачем сэру Эдмунду Личу нужно понять другого человека // Leach E.R. Culture and Communication: the logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology, 1976. Электронный ресурс [<http://cult-lib.ru/doc/culture/communication/023.htm>]
2. Leach E.R. Culture and Communication: the logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology, 1976. Электронный ресурс [<http://cult-lib.ru/doc/culture/communication/023.htm>]
3. Malinowski B. Classificatory Particles in the Language of Kiriwina // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – London, 1920. Vol. 1, Part 4. – P.33-78.
4. Malinowski B. Coral Gardens and their Magic. Vol.2: the Language of Magic and Gardening. – London: George Alien and Unwin Ltd., 1966. - 350 p.
5. Needham R. Circumstantial Deliveries. Berkeley: University of California Press, 1981.
6. Needham R. Remarks and Inventions: Skeptical Essays about Kinship. London: Tavistock Publications, 1974.
7. Родни Нидхэм. Биография и основные работы (электронный ресурс) [https://www.researchgate.net/publication/327454016_Needham_Rodney_1923-2006/link/5f3733dec458515b729220a59/download]
8. Rodney Needham. Obituary (электронный ресурс) [<https://www.independent.co.uk/news/obituaries/rodney-needham-428191.html>]

© Гаврилова Юлия Викторовна (March1378@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ КОМПЛЕКСОВ РЫБОЛОВНОЙ ТЕМАТИКИ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

STRUCTURAL ANALYSIS OF THE FISHING COMPLEX NAMING UNITS IN THE SELKUP DIALECTS

A. Devyakovich

Summary: The article provides a structural analysis of fishing complex naming units, which are used to designate the specific objects of the Selkup fishery. In the Selkup dialects complex naming units are divided into two types: compound names and word combinations, the main difference of which lies in the degree of semantic unity between the unit components. Upon the results of the structural analysis, the formation patterns for compound names and word combinations are derived from.

Keywords: Selkup dialects, fishing vocabulary, complex naming unit, compound name, word combination, structural analysis, unit formation pattern.

Девякович Анна Александровна

*Соискатель, Томский государственный педагогический университет
annadeviakovich@gmail.com*

Аннотация: В статье приводится структурный анализ сложных комплексов рыболовной тематики, которые используются для обозначения специфичных реалий рыболовства, характерных для хозяйственного уклада селькупов. В диалектах селькупского языка разделяют два вида сложных комплексов: составные наименования и словосочетания, основное отличие которых заключается в степени семантического единства между компонентами комплекса. По результатам проведённого анализа обозначаются модели образования составных наименований и словосочетаний рыболовной тематики.

Ключевые слова: диалекты селькупского языка, лексика рыболовства, сложный комплекс, составное наименование, словосочетание, структурный анализ, модель образования.

Рыболовная лексика диалектов селькупского языка связана с важнейшим видом хозяйственной деятельности селькупов и относится к древнейшему лексическому пласту. Одной из отличительных особенностей селькупской лексики рыболовства является обилие так называемых сложных комплексов, которые как правило, состоят из двух-трёх компонентов и выполняют функцию, типичную для имени существительного. Авторы «Очерков по селькупскому языку» к сложным комплексам относят собственно сложные слова и словосочетания с разной степенью семантической спаянности [4, с. 39]. В языковедческой литературе такие единицы называют по-разному: составные термины, составные названия, сложные наименования, терминологические сочетания, терминологические обороты, терминологические фразеологизмы [3, с. 119]. В контексте данного исследования для обозначения подобных сложных комплексов мы используем два термина – «составное наименование» и «словосочетание».

Следует разграничить эти два понятия. Согласно «Селькупско-русскому диалектному словарю» составное наименование – это аналитическая номинативная единица, которая строится по модели словосочетания, сохраняет раздельнооформленность и воспроизводится как одна номинативная единица [9, с. 6]. Полагаем, что основное отличие составного наименования от словосочетания заключается в более высокой степени его семантического единства, в то время как словосочетание представляет собой свободную синтаксическую едини-

цу, любое грамматическое соединение полнозначных слов [10, с. 339].

В составных наименованиях может иметь место семантическое выветривание, то есть каждый элемент комплекса как бы теряет свое основное лексическое значение и одновременно служит для выражения единого значения всего комплекса. Для составных наименований в диалектах селькупского языка характерна относительная цельнооформленность. Это значит, что между элементами комплекса невозможно вставить другие слова. Но первый компонент может варьироваться, например, это может быть существительное в именительном или родительном падеже или прилагательное [4, с. 38, 41].

Цель данной статьи – произвести структурный анализ составных наименований и словосочетаний рыболовной тематики диалектов селькупского языка и выявить основные модели их формирования.

Источниками лексического материала для настоящего исследования явились «Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von K. Donner, U.T. Sirelius und J. Alatalo» [12], «Селькупско-русский диалектный словарь» [9] и «Südselkupisches Wörterbuch von N.P. Grigirivski» [13]. Отбор лексического материала, относящегося к северным диалектам селькупского языка, произведен из работ: «Словарь селькупско-русский и русско-селькупский» [2], «Nordselkupisches Wörterbuch von F.G. Mal'cev» [11] и

«Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари» [7].

В результате выборки лексических единиц было выявлено 67 составных наименований и 25 словосочетаний. Необходимо отметить, что классификация сложных комплексов на составные наименования и словосочетания осуществлялась в соответствии с материалами «Селькупско-русского диалектного словаря» [9]. Сложные комплексы, взятые из других источников, были отнесены к той или иной категории по аналогии с номинативными единицами из «Селькупско-русского диалектного словаря». Рассмотрим поочередно имеющиеся примеры тех и других.

1) Составные наименования:

таз. *кэлытчий кум*, тур. *кыльчиль куп*, кет. *квэлай кум*, вас. *квэлэштэл куп* 'рыбак' < *кэлытчи-/кыльчи-/квэла-/квэлэштэ-* + *й/л(ь)* (словообраз. суффикс отн. прил.) 'рыболовный' / 'рыбный' + *кум/ куп* 'человек';

кет. *квөлэльдү кум*, об. Ш *квэлжидү куп* ~ *квэлынжү куп* 'рыбак' < *квөлэ-/квэлжү-/квэлы-* + *льдү/дү/нжү* (суффикс прич. I) 'рыбачащий' + *кум/ куп* 'человек';

об. Ш *квэли квадэртү куп* 'рыбак' < *квэли* 'рыба' + *квадэр* + *тү* (суффикс прич. I) 'добывающий' + *куп* 'человек' = букв. 'рыбу добывающий человек'

таз. *үтый комя* 'прурубь' < *үт-ы* 'вода' + *й* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *комья* 'колодец' = букв. 'водяной колодец';

таз. *пәкәтса роқу*, ел. *накатсы поқ* 'невод' < *пәкәт-/накат-* от глагола *пәкәтқо* 'тянуть' + *са/сы* (суффикс орудия действия) [6, с. 28] + *роқу/поқ* 'сеть' = букв. 'сеть, которую тянут';

тым. *үңгэл мәнчт* 'котец' < *үңгэ* 'котец', 'юнга' + *л* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *мәнч-т*, возможно, имеет отношение к глаголам об. *манчэгу* 'взглянуть', 'посмотреть' или тым. *манчэгу* 'быстро взглянуть';

ел. *пиччей нүм* 'жерлица', 'дорожка' < *пичче-й* скорее от *пичя* 'щука' нежели от *пичь* 'топор' + *нүм* под вопросом связь с *нүмбыгу* 'быть открытым', имеется в виду открытая ловушка для рыбы;

об. Ч *куэл пэди* ~ *куэл пэзьял* 'жерлица', 'дорожка' < *куэл* 'рыба' + *пэди* ~ *пэзьял*, смысл которого неясен, тем не менее связь с об. С *пэзе* 'чебак' более вероятна, чем с об. Ч *пэди* 'топор';

ел. *қанэрий пок* 'мутник' < этимология первого элемента не выявлена, второй элемент *пок* имеет значение 'сеть';

таз. *tetty utyl' роқу* 'сеть-сороковка' < *tetty* 'четыре' + *uty* 'рука' + *l'* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *роқу* 'сеть' = букв. 'сеть для четырёх рук' [4, с. 42];

таз. *pöl qanar* 'вентерь' < *pöl* 'палка', 'прут' + *l* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *qanar* + *r* (словообраз. суффикс сущ.) 'морда' = букв. 'морда из прутьев';

таз. *kynsa роқу* 'ставная сеть' < *куп* от *кунтуго* 'поставить сеть' + *sa* (суффикс орудия действия) [6, с. 28] + *роқу*

'сеть';

таз. *kintipso роқу* 'пушальная' < *kintj* от *кунтуго* 'поставить сеть' + *psa* (суффикс орудия действия) [6, с. 28] + *роқу* 'сеть';

об. *күлга бокка* 'плавичная сеть' < первый элемент *күлга* имеет в составе прасамодийский элемент **ku* 'плыть по течению' [5] + *бокка* 'сеть' = букв. 'сеть, плывущая по течению';

об. *наүүр мунт бокка* '3-х перстная сеть' < *наүүр* 'три' + *мун* 'палец' + *m* (суффикс род. п.) + *бокка* 'сеть' = букв. 'сеть трёх пальцев';

об. *тэ̄т мунт бокка* '4-х перстная сеть' < *тэ̄т* 'четыре' + *мун* 'палец' + *m* (суффикс род. п.) + *бокка* 'сеть' = букв. 'сеть четырёх пальцев';

об. *күмбля мунт бокка* '5-ти перстная сеть' < *күмбля* 'пять' + *мун* 'палец' + *m* (суффикс род. п.) + *бокка* 'сеть' = букв. 'сеть пяти пальцев';

об. С *тузой поқ* 'сеть на карася' < *ту* от сущ. *туд* ~ *тудо* 'карась' + *зой* (суффикс прил. со значением обладания) [9, с. 339] + *поқ* 'сеть' = букв. 'сеть с карасём';

кет. *варқ сайи поңгы* 'ахан, сеть на осетров' < *варқ* 'большой' + *сай* 'глаз', 'петля' + *и* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *поңгы* 'сеть' = букв. 'сеть с большими петлями';

об. *кóрал бóкка*, тым. *к'óрал бок'* 'муксунка' < *кóр-á* ~ *к'óр-á* 'муксун' + *л* ~ *l* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *бóкка* ~ *бок'* 'сеть' = букв. 'муксунная сеть';

об. *куаүүр самолók* 'самолов на осетра' < *куаүүр* 'осётр' + *самолók* 'самолов' = букв. 'осетровый самолов';

об. *нүл самолók* 'самолов на налима' < *нү* 'налим' + *l* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *самолók* 'самолов' = букв. 'налимий самолов';

в.-об. *нүүк'arbä* 'то же' < *нүү* 'налим' + *к'arbä* 'самолов';

об. Ч *шаддыл поққа*, тым. *šadēl bok'* 'сырковая сеть' < *шад-ы* ~ *šad-e* 'сырок' + *л* ~ *l* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *поққа* ~ *бок'* 'сеть';

в.-об. *n'odej tú'dska karbä* 'самолов на стерлядь' < *n'dde* 'стерлядь' + *j* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *tú'dska*, этимология которого затемнена + *karbä* 'самолов';

тым. *tšakal' pok* 'кривда для ловли шук' < первый элемент *tšakal'* не определен, однако суффикс *-l'* указывает, что это относительное прилагательное + *pok* 'сеть';

таз. *kj'ncyt šē, kj'ncyn šē* 'створка запора' < *kj'ncy* 'запор' + *t/n* (суффикс род. п.) + *šē* 'язык';

тур. *саным пō* 'удилище' < *санык* 'удочка' + *m* (суффикс род. п.) + *pō* 'палка' = букв. 'палка удочки';

об. Ч *шабэ̄т пакка* ~ *шabyт пакқа* 'удилище' < *шabyк* ~ *шabэ̄к* 'удочка' + *m* (суффикс род. п.) + *пакка* ~ *пакқа* 'черенок', 'рукоятка' = букв. 'рукоятка удочки';

об. С *сыбыгэ̄н тōға* 'бородка крючка' < *сыбык* 'крючок' + *гэ̄н* (суффикс локатива) + *тōға* 'бородка' = букв. 'бородка на крючке';

об. С *сыбыгэ̄н калэ̄сэ̄* 'ушко крючка' < *сыбык* 'крючок' + *гэ̄н* (суффикс локатива) + *калэ̄сэ̄* 'колесо' = букв. 'колесо на крючке';

таз. *lōtruy laka* 'круглый поплавок' < *lōtruy* 'поплавок' + *l* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *laka* 'комок' = букв. 'поплавок-комок' [1, с. 20];

вас. *поқот қағаллага* 'круглый поплавок' < *поқ-о* 'сети' + *т* (суффикс род. п.) + *қағал* 'короткий', 'большой палец' + *лага* 'нечто круглое', 'шарик' = букв. 'шарик сети';

об. Ч *шāбық амбалжэбо* 'грузило', 'поплавок' < *шāбық* 'крючок' + *амбалжэбо*, который имеет общий корень с *камбалымбыгу* 'плавать', 'двигаться';

таз. *поққыт нү* 'грузило к неводу' < *поққы* 'сеть' + *т* (суффикс род. п.) + *нү* 'камень' = букв. 'камень сети';

ел. *поқий ламб* 'грузило к неводу' < *поқ-и* 'сеть' + *й* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *ламб* 'грузило';

об. С *ню* 'ттивимбыди понкэ' 'тетива у невода' < *ню* 'тти тетива' + *мбыди* (суффикс причастия прош. в.) + *понкэ* 'невод';

кет. *t'agī: kū* 'тетива у невода' < *t'agī:*, возможно, от глаг. *тягу* 'схватить' + *кū* 'верёвка', 'повод', 'лямка';

вас. *нагэчэтэль чэрмы* 'верёвка для невода' < *нагэчэтэль* (прич. I от гл. *нагэччэгу* 'рыбачить неводом') + *чэрм* 'верёвка';

тым. *роkkəndə kōyəd* 'верёвка для невода' < *роkkə-ndə* (прич. I от гл. *поқыргу* 'ловить сетью') + второй элемент *kōyəd* связан с гл. *койеттэгу* 'спрясть';

таз. *поққыт нұры* 'кольцо для сети' < *поққы* 'сеть' + *т* (суффикс род. п.) + *нұры* под вопросом связь с *нұ* 'ушко иглы' = букв. 'ушко сети';

таз. *поққыт сай*, кет. *поңгэн сайи*, нар. *пóкын сей* 'ячейка сети' < *поққы* ~ *поңгэ* ~ *пóк* 'сеть' + *т/н* (суффикс род. п.) + *сай* ~ *сайи* ~ *сей* 'глаз' = букв. 'глаз сети';

кет. *лаппун қүвэ* 'мульга' < *лаппу* 'весло' + *н* (суффикс род. п.) + *қүвэ* 'мозг' = букв. 'мозг весла', т.е. важный элемент;

вас. *қолдыт қвэл* ~ *қольдыт қвэл* 'нельма' < *қолды/қольд-ы* 'Обь' + *т* (суффикс род. п.) + *қвэл* ~ *қвэл* 'рыба' = букв. 'рыба Оби';

кет. *чажандү қвэл* 'елец' < *чажа-ндү* (прич. I от гл. *чажгу* 'бродить') + *қвэл* 'рыба' = букв. 'бродячая рыба';

тур. *нүля қылы* 'хариус' < *нү* 'камень' + *ля* (умен.-ласкат. суффикс) + *қылы* 'рыба' = букв. 'камушки рыба'. Такое наименование хариус мог получить из-за того, что водится преимущественно на каменистой отмели рек. Поскольку основу его корма составляют личинки водяных насекомых и водяные улитки, он часто в поисках пищи «тыкает головой в камень», за что в некоторых местностях, например, на Онежском озере, хариуса называют «кузнецом» [8];

таз. *қәсап тоқир* 'хариус' < *қәса* 'окунь' + *п* (суффикс род. п.) + *тоқир* 'спина' = букв. 'спина окуня', очевидно, вследствие наличия огромного спинного плавника спинка хариуса напоминает слегка горбатую спинку окуня [8];

таз. *моқалый лэ*, об. Ч, вас., тым. *моғал лы* 'хребет' < *моқал-ы* 'спина' + *й* (словообраз. суффикс отн. прил.) / *моғал-л* 'спина' + *лэ* ~ *лы* 'кость' = букв. 'кость спины';

кет. *қвэлэн ту*, тым. *қуәл түд* 'плавник' < *қвэл-э* 'рыба' +

н (суффикс род. п.) / *қуәл* 'рыба' + *ту* ~ *түд* 'крыло' = букв. 'рыбье крыло';

об. Ч *нюидыл хай*, об. С, Ш *нюидү сай* 'икринка' < *нюидыл* ~ *нюидү* 'вкусный', 'сладкий' + *хай* ~ *сай* 'крупинка' = букв. 'сладкая крупинка';

об. Ч *падыт кожа* 'желчный пузырь' < *пады* 'желчь' + *т* (суффикс род. п.) + *кожа* 'мешок' = букв. 'мешок желчи';

2) Словосочетания:

ел. *қарэ четыгу* 'забросить сеть' < *қарэ* 'вниз', 'к воде' + *четыгу* ~ *чяжугу* 'забросить (сеть)' = букв. 'вниз бросить сеть';

таз. *роққур ринго* 'забросить сеть' < *роққу* 'сеть' + *р* (суффикс вин. п.) + *ринго* 'положить' = букв. 'положить сеть';

тур. *поқэ кыбыля сайсэ* 'сеть с мелкими/узкими ячейками' < *поқэ* 'сеть' + *кыбыля* 'маленький', 'мелкий' + *сай* 'ячейка' -сэ (суффикс совмест. п.) = букв. 'сеть с маленькой ячейкой';

тым. *арэгэл поқ* 'сеть с мелкими/узкими ячейками' < *арэгэ*, вероятно, от глаг. *арэлгу* 'связать' + *л* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *поқ* 'сеть' = букв. 'вязаная сеть';

тым. *поқэ челэмла* 'ловушка' < *поқэ* 'сеть' + под вопросом связь *челэм-ла* с гл. *челымгу* 'родить' + *ла* (словообраз. суффикс сущ.);

таз. *қәлі́ орсі́(н)* 'черпак', 'ковш' < *қәлі́* 'рыба' + *л* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *орсі́* 'ковш' + *(н)* (словообраз. суффикс сущ.) = букв. 'рыбий ковш', 'ковш для рыбы';

таз. *улқа́ орсі́(н)* 'черпак', 'ковш' < *улқа́* 'лёд' + *л* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *орсі́* 'ковш' + *(н)* (словообраз. суффикс сущ.) = букв. 'ледяной ковш', 'ковш для льда';

тым. *ulk'o sōtsa* 'ковш', 'черпак' < *ulk'o* 'лёд' + *sōt-sa* восходит к глаголу *соттыгу* 'черпать' + *sa* (суффикс орудия действия) [6, с. 28] = букв. 'черпак для льда';

об. С *сыбыаэн эгэ* 'бородка крючка' < *сыбық* 'крючок' + *ээн* (суффикс локатива) + *эгэ*, вероятно, – фонетический вариант *тōға* 'бородка';

тым. *перэл по* 'палка глушить рыбу' < *перэл*, возможно, имеет отношение к *перелжэгу* 'дать' + *по* 'палка', 'прут';

об. Ч *фитильт тү* 'крыло фитиля' < *фитиль* 'фитиль' + *т* (суффикс род. п.) + *тү* 'крыло';

об. Ч *фитильт шэ* 'язык фитиля' < *фитиль* 'фитиль' + *т* (суффикс род. п.) + *шэ* 'язык';

об. С *карбай по* 'сошка для самолова' < *карба* 'самолов' + *й* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *по* 'палка', 'прут' = букв. 'самоловная палка';

кет. *нырсай қвэл* 'мелкая рыба', 'мелочь' < *нырса* 'ёрш' + *й* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *қвэл* 'рыба' = букв. 'ершова рыба';

таз. *тырый қэлы* 'икристая рыба' < *тыр-ы* 'икра' + *й* (словообраз. суффикс отн. прил.) + *қэлы* 'рыба';

ел. *сэқы́ қылеймы* 'белая рыба' < *сэқы́-й* 'белый' + *қыле* 'рыба' + *ймы* (суффикс собирательной множественности) [9, с. 319];

тым. *тяээ тут*, об. Ч *тяэ тут* 'серебристый карась' < *тяээ* ~ *тяэ* 'белый' + *тут* 'карась' = букв. 'белый карась';

вас., тым. *квѡлэт қап*, кет. *квѡлан қам* 'чешуя рыбы' < *квѡл-э/а* 'рыба' + *т/н* (суффикс род. п.) + *қап* ~ *қам* 'чешуя';

об. С *квэлнан сѡға*, об. С *квэлэн шиға* 'рыбий пузырь' < *квэл* ~ *квэл-э* 'рыба' + *нан* (суффикс локатива для одуш. сущ.) / *н* (суффикс род. п.) + *сѡға* ~ *шиға* 'пузырь';

таз. *қэлын ўр*, вас. *квѡлан ър*, кет. *квѡлан юр* 'рыбий жир' < *қэл-ы* ~ *квѡл-а* 'рыба' + *н* (суффикс род. п.) + *ўр* ~ *юр* ~ *ѡр* 'жир'.

Проведённый структурный анализ сложных комплексов выявил следующие модели их построения. Для двухкомпонентных составных наименований в большинстве случаев характерны схемы образования:

1. существительное (им., род., или мест. п.) + существительное (им. п.);
2. относительное прилагательное + существительное (им. п.);
3. причастие (наст. или прош. в.) + существительное (им. п.).

Трёхкомпонентные составные наименования образуются по моделям:

1. числительное + относительное прилагательное + существительное;
2. числительное + существительное (им. п.) + существительное (им. п.);
3. прилагательное + прилагательное + существительное (им. п.).

Среди словосочетаний встречаются глагольные ком-

плексы, в которых главное слово выражено глаголом, а второстепенное слово существительным (вин. п.) или наречием, а также именные комплексы, в которых главное слово представлено существительным (им. п.), а второстепенное – либо относительным прилагательным, либо существительным, чаще в род. п.

В целом, образование сложных комплексов является важным способом обогащения селькупской лексики рыболовства. Они используются для обозначения наиболее специфичных реалий рыболовства, характерных для селькупского хозяйственного уклада: орудий рыбного лова и их компонентов. Образование сложных комплексов происходит, как правило, на основе лексем, выражающих общеизвестные рыболовецкие понятия: 'невод', 'сеть', 'удочка' и 'рыба'. Структурный анализ помог установить, что для составных наименований характерны 6 моделей образования, для словосочетаний – 4 модели.

Сокращения

Вас. – васюганский диалект; **в.-об.** – вежнеобские говоры; ел. – елогуйский диалект; **кет.** – кетский диалект; **нар.** – нарымский диалект; **об.** – обские говоры; **об. С** – обские говоры Сюсюкум; **об. Ч** – обские говоры Чумылькуп; **об. Ш** – обские говоры Шёшкун; **таз.** – тазовский диалект; **тур.** – туруханский диалект; **тым.** – тымский диалект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровская Н.В. Организация семантической структуры селькупских лексем (на примере вас., кет., тым. *laga, laça*; таз. *laka*) / Н.В. Дубровская, А.А. Ким-Малони // Томский журнал ЛИНК и АНТР. – Томск: ТГПУ, 2019. – № 4 (26). – С. 17–27.
2. Ириков С.И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Около 4000 слов: пособие для учащихся начальной школы / С.И. Ириков – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1988. – 224 с.
3. Копылова Э.В. Терминологические словосочетания в рыболовецкой лексике Волго-Каспия / Э.В. Копылова // Вопросы теории и методики русского языка. – Ульяновск: [б. и.], 1969. – С. 119–127.
4. Кузнецова А.И. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина. – М.: МГУ, 1980. – Т. 1. – 408 с.
5. Норманская Ю.В. Некоторые причины семантических изменений (на материале генезиса и развития системы глаголов плавания в селькупском языке) / Ю.В. Норманская, Н.Л. Красикова // Урало-алтайские исследования. – М.: Институт языкознания РАН, 2009. – № 1. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/15.pdf> (дата обращения 01.11.2020).
6. Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика / Г.Н. Прокофьев. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 131 с.
7. Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари / О.А. Казакевич, А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский; под ред. А.И. Кузнецовой. – М.: МГУ, 2002. – Т. 3. – 219 с.
8. Сабанеев Л.П. Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб [Электронный ресурс] / Л.П. Сабанеев. – 1892. – Т. 1. – Режим доступа: <https://www.sabaneev.org/наследие/рыбы-россии-1/> (дата обращения 20.08.2020).
9. Селькупско-русский диалектный словарь / В.В. Быконя, Н.Г. Кузнецова, Н.П. Максимова; под ред. В.В. Быконя; Федеральное агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Томский гос. пед. ун-т. – Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2005. – 347 с.
10. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. 5-е изд-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
11. Helinski E. Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev / Hrsg. von E. Helinski, U. Kahrs. – Hamburg: Universität Hamburg, 2001. – 155 S.
12. Lexica Societatis fenno-ugricae. 30: Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von K. Donner, U. T. Sirelius und J. Alatalo / zsgest. u. hrsg. von J. Alatalo. –

Helsinki : Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2004. – Bd. 27. – 465 S.

13. Südselkupisches Wörterbuch von N. P. Grigorovski / Bearbeitet und hrsg. von E. Helimski. – Hamburg : Inst. für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007. – 225 S.

© Девякович Анна Александровна (annadeviakovich@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Томский государственный педагогический университет

ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ТЕКСТАХ БАСЕН И ЭПИГРАММ СОВЕТСКОГО САТИРИКА А. Б. РАСКИНА

Зубченко Виолетта Вадимовна

аспирант, Кубанский государственный университет (Краснодар)
zubchenko.violetta@mail.ru

ZOOMORPHIC COMPONENTS IN THE TEXTS OF FABLES AND EPIGRAMS OF THE SOVIET SATIRIST A.B. RASKIN

V. Zubchenko

Summary: This article provides a comprehensive analysis of the satirical works of the Soviet writer A.B. Ruskin. It is noted that in many texts of the author's fables and epigrams, there are zoomorphic images that perform specifically significant pictorial and semantic functions in his idiosyncrasy compared to satirical discourse of the Soviet period: in epigrams – the role of an individual-active metaphorical personification, similar to caricature, and in fables – acutely critical, caricatured characterization of the relationship between literary officials and writers.

Keywords: A.B. Ruskin, fable, zoomorphism, satirical discourse, Soviet period, epigram.

Аннотация: В предлагаемой статье даётся комплексный анализ сатирических произведений советского писателя А.Б. Раскина. Отмечено, что во многих текстах басен и эпиграмм автора встречаются зооморфные образы, которые выполняют в его идиостиле, по сравнению с сатирическим дискурсом советского периода, специфически значимые изобразительные и семантические функции: в эпиграммах – роль индивидуально-деятельностной метафорической персонификации, подобной шаржу, а в баснях – остро критической, карикатурной характеристики взаимоотношений литературных чиновников с писателями.

Ключевые слова: А.Б. Раскин, басня, зооморфизм, сатирический дискурс, советский период, эпиграмма.

Сатира как особая, критически заострённая форма художественного изображения действительности реализуется, как известно, в различных видах искусства: живописи, скульптуре, музыке, танце и т.д. Но наиболее полно и разносторонне сатирическое видение мира воплощается в литературе, в частности, таких её жанрах, как басня и эпиграмма, которые, впрочем, могут сочетаться с изобразительными формами – шаржем, карикатурой и др.

Отличительной чертой литературной сатиры является высмеивание с помощью слова всего злого, вредного, неприглядного; ведь не зря басня со времен Эзопа считалась орудием, бичующим пороки. В этом смысле советская сатира вполне оправдывала своё предназначение. Вспомним хотя бы сатирические стихотворения В. Маяковского, политические басни Д. Бедного, публикации журнала «Крокодил», газетную сатиру периода Великой Отечественной войны, сюжеты видеофильмов киножурнала «Фитиль» и т.д.

В те времена сатира считалась делом «людей зорких и мужественных «до боли сердечной» любящих своё отечество» [12, с. 8], и писатели-сатирики затрагивали в своих произведениях острые политические темы, а также высмеивали недостатки людей и общественных явлений, поскольку, как отмечала в своей научной работе Е.М. Бруева, «острая критика, вскрытие и разоблачение недостатков – один из главных законов развития советского общества» [3, с. 3]. Именно сатира может показать

все изъяны общества, она имеет «способность делать дурное смешным» [11, с. 8].

По мнению И.О. Никулина, сатирики советского периода, в частности работающие в журнале «Крокодил», устремляли своё внимание «прежде всего на недостатки хозяйственной жизни страны, которые определяли в конечном итоге исход борьбы советского народа с разрухой, голодом, за новую, социалистическую Россию» [7, с. 109]. Действительно, многие материалы названных изданий дают основание полагать, что в 20-90-е годы XX века, то есть в советский период истории России, сатира была нацелена исключительно на решение идеологических, политических, злободневных социальных проблем и отличалась масштабностью тематики. Однако это не совсем так. Выбор темы, объекта и художественных средств сатирического изображения определялся не только общественными установками эпохи и указаниями правящей партии, но во многом и личностью писателя-сатирика, его нравственными принципами, эстетическими воззрениями, самой образной палитрой мастера.

Одним из выдающихся советских писателей-сатириков был А.Б. Раскин, который в 1940-ом году становится сотрудником журнала «Крокодил», и именно в это время его сатирические произведения получили популярность и признание не только среди читателей, но и в кругу литературных деятелей. Первый сборник пародий и эпиграмм «Моментальные биографии» писатель опубликовал в 1959 году, благодаря чему получил ещё большую

известность как сатирик [4, с. 336]. Критика отмечала, что А.Б. Раскин отличается неоспоримым талантом, в число его произведений входят не только сборники эпиграмм и басен, но и книги для детей, автор также писал сценарии к советским фильмам «Победа» (1941) и «Весна» (1947).

Данная работа посвящена изучению текстов басен и эпиграмм А.Б. Раскина с **целью** выявления особенностей функционирования в них зооморфных образов как сатирического средства. Её **научная новизна** определяется тем, что тексты произведений этого советского писателя-сатирика до сих пор не подвергались комплексному лингвистическому анализу. **Актуальность** же исследования обусловлена важностью научного осмысления с современных позиций изобразительного арсенала советской сатиры и, в частности, жанров басни и эпиграммы, реализованных разными авторами.

Задачи исследования:

1. охарактеризовать функционально-семантические особенности зооморфных образов в текстах басен и эпиграмм А.Б. Раскина;
2. выявить их прагматические характеристики.

Объектом рассмотрения в данной статье является сатирический дискурс А.Б. Раскина, а именно его басни и эпиграммы, опубликованные в сборниках «Это я?.. Шаржи – Кукрыниксы. А. Раскин – эпиграммы», «Очерки и почерки», «Антология Сатиры и Юмора XX века» и «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» и содержащие контексты, в которых реализованы зооморфизмы.

Предметом исследования послужили функционально-прагматические особенности зооморфизмов в текстах басен и эпиграмм А.Б. Раскина.

Материал исследования включает контексты сатирических произведений А.Б. Раскина, число эпиграмм и басен среди которых достигает 208. Общий объем страниц – 80. Количество проанализированных контекстов – 24. Зооморфные образы представлены в 11-ти эпиграммах и 5-ти баснях.

В сборник «Это я?..» включены дружеские эпиграммы А.Б. Раскина на представителей разных творческих профессий. Сатирик передает в них своё видение героев эпиграмм, а известные художники-кукрыниксы (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов) придают образам графически завершённый вид, сводя «изображение к минимализму черт» и «добиваясь максимума выразительности» [10, с. 4].

В текстах эпиграмм писателя было найдено 9 зооморфных единиц: *птица*, *зверь* употреблены в двух текстах, *лев*, *крокодил*, *волк*, *мышь*, *черепаха*, *блоха*, *ба-*

бочка – в одном. В эпиграмме на Сергея Смирнова автор использовал сказочный образ «конёк-горбунок», сатирически трансформировав его по созвучию в *коньяк-горбунок* [1, с. 241]. Следует отметить, что, помимо собственно зоонимов (наименований животных), а иногда и при их отсутствии, в создании зооморфных образов в этих эпиграммах участвуют глаголы с зооморфным компонентом: *щебечет* – употреблено в двух текстах, *скачет*, *шипят*, *воют*, *выпорхнул* – в одном. Глаголы-зооморфизмы обозначают действие не названного в тексте животного, приписанное адресату эпиграммы. Таким способом создаётся намёк на образное сравнение, поскольку они представляют «не только сам глагольный признак, но и сопутствующие ему обстоятельства способа, цели, интенсивности действия и т.д.» [2, с. 41].

Активность подобных глаголов можно объяснить тем, что А.Б. Раскин в своих эпиграммах использует зооморфизмы преимущественно с целью изображения деятельности адресатов. Например, в эпиграмме на Сергея Образцова творческое формирование артиста-кукольника, очевидно по словесной ассоциации, представлено как процесс биологического метаморфоза: «*Бабочка* из куколки выходила чинно. / Только раз из куколки *выпорхнул* мужчина». Эти строки эпиграммы связаны непосредственно с творчеством актёра, который ставил номера с куклами в пародийном стиле [10, с. 32].

В эпиграмме на скульптора-анималиста Василия Ватагина, обыгрывая каламбурно фамилию адресата, сатирик пишет: «Наловили руки Ватагина / Стаи *птиц* и *зверей* ватаги нам». Автор имел в виду не только то, что руки скульптора слепили немало различных животных, среди которых были орёл, тигр и др., но и то, что им была написана и проиллюстрирована книга «Изображение животного. Записки анималиста» [10, с. 31].

В эпиграмме, посвящённой советскому писателю и переводчику Геннадию Фишу, содержатся три зооморфизма: «*Щебечут* в небе *пташки* / И шепчут в норках *мышь* / О вредной *черепашке* / И о полезном Фише». В тексте содержится иронический намёк на книгу Г.С. Фиша «Вредная черепашка и теленомус», в которой пропагандировалась деятельность академика Т.Д. Лысенко и описывалась его борьба с вредными насекомыми [9, с. 124].

Эпиграмма на художника-иллюстратора Аминадава Каневского также раскрывает творческую деятельность адресата: «Рисует этот чудодей / *зверей*, похожих на людей». В числе работ советского графика были иллюстрации к произведениям С.В. Михалкова, С.Я. Маршака, А.К. Толстого и многих других известных писателей. Отмечая удивительную способность художника к изобразительному шаржированию и созданию зримых зооморфных образов, Раскин завершает сопоставление парадоксом: «И люди чудодея тоже / Ужасно на *зверей* похожи, / А сам он

стал вдвойне хорош: / На тех и на других похож» [10, с. 34].

Не менее интересна эпиграмма, адресованная автору большого числа детских книг, в том числе и популярной стихотворной сказки «Крокодил», К.И. Чуковскому, который в 1952 году опубликовал большой литературоведческий труд под названием «Мастерство Некрасова», получивший Ленинскую премию. В коротком сатирическом тексте А.Б. Раскин мастерски обыгрывает первые строки сказки, характеризуя её популярность: «Крокодил, крокодил, / Он повсюду выходил». Объединяя образы писателя и его зооморфного героя, сатирик пародирует манеру речи Чуковского и выражает основную идею его монографии: «По-чуковски говорил / Про Не-не, про Кра-кра, / Про Не-кра-со-ва, / Что его мастерство / Кла-кла-классово!» [5, с. 350].

Глагол с зооморфным компонентом *щебечет* А.Б. Раскин употребляет в эпиграмме, адресованной С.П. Щипачёву: «Он о любви *щебечет* дни и ночи...» Создавая образ певчей птицы, автор, вероятно, хотел сказать об известных лирических произведениях поэта-песенника, которые составляют большую часть его творчества и посвящены теме любви [5, с. 366].

В эпиграмме на советского писателя, драматурга, киносценариста и юриста Льва Романовича Шейнина зооморфный образ напрямую связан с именем адресата, а также с его разнообразной деятельностью: «Лев на охоте! Стар иль молод, – / Преступник будет пойман, вызван, / Допрошен, побеждён, «расколот», / Описан, издан ... переиздан!». В лаконичной форме эпиграммы А.Б. Раскин сумел показать адресата в образе царя зверей, вышедшего на охоту. И поскольку Шейнин работал следователем в областном суде, участвовал в расследовании убийств и, кроме этого, занимался литературным творчеством, то об этом свидетельствует ряд грамматически однородных, но «разнотемных» сказуемых, выраженных краткими страдательными причастиями [5, с. 357].

Рассмотренный материал убеждает в том, что А.Б. Раскина можно назвать мастером дружеской эпиграммы, так как большинство произведений этого жанра было написано им по поводу юбилеев и других знаменательных событий в жизни адресатов и потому имело целью не резкую критику каких-либо их недостатков, а скорее мягкую иронию, шуточную похвалу, облеченную в юмористическую стихотворную форму, которая по прагматике близка к изобразительному жанру шаржа. Образ животного в каждом таком тексте – это не обличительно-сатирическая аллегория, он выполняет не функцию характеристики объекта по какому-либо отрицательному признаку; это, скорее, изобразительная метафора, создающая по-товарищески шаржированный образ адресата. Основой метафоризации может быть омонимия личного имени и зоонима (*Лев – лев*) либо

профессионального предмета и наименования стадии развития животного (*куколка*); используется также каламбурное обыгрывание фамилии (*Ватагина – стаи птиц и зверей ватаги нам*); активны зооморфные глаголы (*шипят, воют, выпорхнул*).

Басни А.Б. Раскина, в которых выявлены зооморфные образы, тоже весьма специфичны. Все они посвящены одной проблеме, которая, видимо, очень волновала писателя, а именно отношениям творческой личности и околотрудовых чиновников, то есть проблеме свободы творчества, независимости таланта. Зафиксированы следующие наименования животных, число которых достигает 7-ми: *чиж, павлин, хамелеон, соловей, баран, бык, муравьи*.

Например, в басне «Отредактированный Павлин» рисуется ситуация, в которой редактор-*чиж* – маленькая невзрачная птичка – «редактирует» яркое оперенье автора-*павлина*, приговаривая: «Тут пышно! Пёстро здесь! Там длинно! / Убрать! Подрезать!! Снять!! Ура! / Теперь – ни пуха, ни пера!» После такой редакторской правки, подобной «ощипыванию заживо», автор с трудом узнаёт себя: ««Отредактирован» на славу, стал наш *павлин* похож на паву» [9, с. 109].

В басне «Бык-драматург» зооморфизм *бык* положен в основу образа маститого, «приобыкшего» (оказионализм на базе зооморфизма) к славе писателя, который «пописывал», «частенько баловался прозой, / А может и стихом», «слыл автором изрядных сочинений». Его небрежные «мычания» публиковались в короткие сроки: «ещё не замер звук, а уж пошёл в печать». Окружённый незаслуженным вниманием, почётом и уважением, а также от избытка веса «внезапно начал бык страдать головокружением». Он «с жиру пьесится и за ночь пишет пьесу». Автор обыгрывает фразеологизм «с жиру беситься», заменяя глагол «беситься» окказиональным глаголом «пьеситься», образованным от слова пьеса. Во фразеологическом словаре Р.И. Яранцева выражение «с жиру беситься» объясняется как «выражение презрения к человеку, который от безделья, праздности, пресыщения способен на самые необъяснимые, нелепые поступки с точки зрения здравого смысла» [13, с. 155]. Действительно, бык ведёт себя слишком самоуверенно и заявляет, что напишет пьесе «левой, мол, ногой / И заднею притом». Однако в конце басни ему приходится отвечать на критику лесного народа – *чижа, ежа, крота*, и хотя бык признаёт, что «схалтурил», но спешит переложить вину на других: «Её хвалил *барсук*, приветствовали *цапли*, / Осёл её издал...» А главными виновниками превознесения никчемной пьесы объявляет «весь комитет искусств: сам *Лебедь, Рак* и *Щука*! / Они всему виной! Они ту пьесу брали!» [9, с. 110-111]. В этой басне, как видим, помимо центральной фигуры быка, создан целый ряд зооморфных образов персонажей, имеющих отношение к лите-

ратурным процессам.

Басня «Баран и Соловей» изображает агрессивного барана, заведующего отделом поэзии, который не хотел принимать от соловья песни и стихи, ссылаясь на его отличия от парнокопытных: «как смеешь походить так мало на барана», «коль не дано тебе копыт», «телёнка я приму, приветствовал козу бы», «на тебе не вижу я рогов» [9, с. 107]. Так в басне изобличается клановость литературного цеха, сквозь стену которой трудно пробиться инородному таланту.

Образ лицемерного и беспринципного критика воплощает А. Раскин в своей басне «Хамелеон», сравнивая изменчивость его взглядов с природной способностью животного к цветовой мимикрии. Выбор данного зоонима как образа сравнения вполне обоснован: в толковом словаре С.И. Ожегова слово «хамелеон» во втором производном и переносном значении, имеющем эмоционально-стилистическую помету «неодобрительное», обозначает человека, «который, приспособившись к обстановке, легко меняет своё поведение, взгляды, симпатии» [8, с. 860]. Кроме того, слово «хамелеон» ассоциируется с прецедентным текстом в русской культуре. В рассказе А. П. Чехова «Хамелеон» образ человека, поминутно меняющего своё поведение, представлен в лице главного героя, полицейского-надзирателя Очумелова. Этот персонаж воплощает в себе такие отрицательные качества, как подхалимство и приспособленчество: он то обвиняет собаку, то заступает за неё, в зависимости от того, кто её предполагаемый хозяин. Зооним, вынесенный в заголовок произведения, организует всю его образную систему и служит характеристикой главного героя.

О. В. Кондрашова рассматривает такие существенные как метафорические характеристики лица по зоонимическому образу, являющемуся в национальном языковом сознании традиционным носителем оцениваемого признака, и отмечает, что их основной семантико-прагматической функцией является функция воздействия на адресата, обусловленная яркой образностью единиц [6, с. 8].

Художественная действительность басни, в которой изображается нечаянная встреча критика в зоологическом саду с хамелеоном, многократно усиливает прагматику языкового образа. «Дешёвый критикан, / Один из тех <...>, / Что нынче хвалят вещь, а завтра уничтожат» и животное, принадлежащее «к разряду гадин, что цвет меняют раз по двадцать на день», пускаются во взаимные обвинения в лицемерии: «Приспособленец! / Сколь мерзок ты, двурушен и бесстыж» – «Куда быстрее, чем я оттенки, / Меняешь ты свои оценки». Верх в этом диалоге одерживает хамелеон: «И «критик» задрожал, услышав эту речь...». Завершая нарисованную им картину, сати-

рик резюмирует: «Недавно я листал журнальные страницы... / Ох, должен кой-кому хамелеон присниться!» [9, с. 105-106].

В басне «Дискуссия» поэт-сатирик изображает муравейник, растревоженный попавшей в него градиной, и муравьёв, затеявших по этому поводу долгий и бессмысленный спор: «Что ни оратор, то философ, / Тьма тем затронута, а поднято вопросов... / Поди-ка разбери, кто прав, кто виноват». Итогом этого «принципиального» муравьиного спора ни о чём стала «большая драка». В заключительных строках басни автор обращается с моралью к собратям по литературным трудам, предостерегая их от бесполезных споров: «Друг критик, искушены в литбоях, / Но давеча развёл дискуссию такую, / Что удивились все. Так вот, я и толкую: / Ведь ты, брат, оказался в муравьях» [9, с. 112].

Как видим, все басни А.Б. Раскина с зооморфными образами сатирически характеризуют уродливые отношения в литературной среде: различные животные изображают бесталанных писателей и поэтов, высокопоставленных чиновников и маститых критиков, которые ничего не смыслят в литературном творчестве. Зооморфные образы здесь выступают в своей основной «бассенной» роли, близкой к карикатурному изображению, – все они критически высмеивают пороки людей, так или иначе связанных с литературой. При этом традиционно-бассенная функциональная семантика зооморфизмов может быть трансформирована. Например, вместо всем известного муравья-трудяги автор рисует образ муравья-болтуна.

Таким образом, комплексный анализ текстового материала эпиграмм и басен советского поэта-сатирика А.Б. Раскина в аспекте выявления в них функциональной семантики зооморфизмов позволяет сделать следующие выводы:

1. произведения этих жанров широко представлены в творчестве автора, и во многих из них зооморфизмы используются в качестве яркого изобразительного средства;
2. сатирические басни и дружеские эпиграммы написаны Раскиным в индивидуально-авторской манере, и образы животных выполняют в них различные роли, соответствующие художественным установкам этих жанров;
3. в адресных эпиграммах зооморфизмы, в основном, служат для шуточно-иронического комплиментарного изображения адресата по роду его деятельности, тогда как в баснях они выступают в роли остро критических характеристик личностей, так или иначе связанных с литературным трудом;
4. приёмы авторского использования зооморфизмов также жанрово ориентированы: в эпиграм-

ме это преимущественно игра слов, основанная на созвучии, каламбуризации, а в баснях – системы взаимодействующих зооморфных обра-

зов, создающих цельную критическую картину взаимоотношений писателей и литературных чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 41. Эпиграмма. – М.: «Эксмо», 2005. – 384 с.
2. Брагарник-Станкевич О.С. Использование в речи метафорических аспектов зооморфических глаголов // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016, – №9. С. 41-42.
3. Бруева Е.М. Лексика советской басни: автореф. дис. канд. фил. наук. – Горький, 1952. – 20 с.
4. Вольфганг Казак. Лексикон русской литературы XX века. – М.: РИК «Культура», 1996. – 493 с.
5. Двадцатый век в эпиграммах от А до Я. Из собрания Льва Куклина. Шаржи Игина И. и Мезенцева Д. Вступительная статья, сопроводительные статьи Куклина Л. – СПб.: Академический проект, 2002. – 456 с.
6. Кондрашова О.В. Характеризующие существительные в современном русском языке (функционально-семантический аспект): автореф. дис. канд. фил. наук. – Ленинград, 1985. – 16 с.
7. Никулин И.О. Журнал «Крокодил» как бренд советской сатиры // Актуальные проблемы рекламы и связей с общественностью: концепции, техники, технологии. – 2016. – С. 108-113.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
9. Раскин А.Б. Очерки и почерки. Пародии, фельетоны, эпиграммы. – Москва: «Советский писатель», 1959. – 132 с.
10. Раскин А.Б. Это Я?... Шаржи – Кукрыниксы. А. Раскин – эпиграммы. – Москва: «Искусство», 1968. – 102 с.
11. Русская сатира XIX–начала XX веков / Сост: Л. Плоткин, Н. Тотубалин / вступ. ст. Л. Плоткина. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1960. – 732 с.
12. Феноменология власти в сатире / Под ред. В.В. Прозорова и И.В. Кабановой. – Саратов: «Наука», 2008. – 258 с.
13. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. – М.: Русский язык, 1997. – 845 с.

© Зубченко Виолетта Вадимовна (zubchenko.violetta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОТОТЕРМИНОЛОГИИ

Кондратьева Ольга Анатольевна

Аспирант, ГАО ВО «Московский городской
педагогический университет»
li-photo@yandex.ru

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF PHOTOTERMINOLOGY

O. Kondratieva

Summary: The paper introduces semantic topoi of phototerminology through its structural components. Semantic groups of temporality, locality, negation, intensification of qualities, reduction of qualities are shown to contain structures composed of classical elements, morphemes of Latin and Greek origin, both in English and Russian. Further research field is outlined as defining specific for photography semantic topoi: exposure, kinds of photography work and diditalisation of photographic processes. The paper draws some preconditions for archaic phototerminology to appear in response to nonlinguistic domain progression.

Keywords: terminological semantics, classical elements, structural-semantic analysis, phototerminology.

Аннотация: Материалы исследования раскрывают структурно-семантическую организацию терминологии фотографии. В статье представлен обзор семантических групп темпоральности, локальности, негации, усиления признака, ослабления признака на материале фототерминологии английского и русского языков. Обозначена область дальнейшего исследования специфических семантических групп, присущих данной области знания, в совокупности формирующих семантику профессионального поля фотографии. Сделан вывод о причинах формирования ряда архаизмов в фототерминологии.

Ключевые слова: семантика терминологии, греко-латинские морфемы, структурно-семантический анализ, фототерминология.

Анализируя семантическую структуру фототерминологии (далее ФТ) интересно выделить образованные, например, греко-латинскими морфемами термины и обозначить семантические группы внутри профессионального поля фотографии. Поскольку «морфема определяется как единица двусторонняя, и потому для ее характеристики оказывается равно важным как учет ее формы, так и учет ее значения» [12, с.11], исследования, отражающие влияние морфологического строения терминов на организацию семантических групп внутри отдельной терминосистемы, становятся актуальными. Богатый словообразовательный потенциал латинского языка неоднократно подчеркивался современными учеными [17, с. 10; 3, с.104-105].

Терминологии профессиональной деятельности в последние несколько десятилетий представляют большой интерес для исследователей, работы которых посвящены туристической терминологии [2], терминологии телевидения [5], подъязыку сферы информационной безопасности [6], подъязыку архитектуры и строительства [7], терминология венчурного финансирования [9] и др. Рассматриваются различные аспекты профессиональных терминологий: морфологическое строение [22], формально-структурное строение [2, 5, 6], лингво-когнитивные аспекты [9], лингвокультурологические [15] и др. В области упорядочения лексики профессионального поля фотографии опубликованы работы, содержащие анализ многокомпонентных терминов [1], анализ

способов номинации [16], и структурно-семантических единиц фототехнической терминологии [21]. Профессор С.В. Гринев-Гриневиц акцентирует внимание на связи структуры термина и степени развития терминологии и доказывает актуальность диахронических исследований отраслевых терминологий: «существует определенная связь между структурой терминов и временем их появления, а также между степенью развития области знания и средствами образования ее терминов. Все это свидетельствует о необходимости диахронического анализа отдельных способов образования терминов с учетом времени появления терминов, образованных этим способом». [4, с.122]. Анализ семантической структуры терминологической составляющей любого языка может оказаться полезным для понимания формирующейся структуры профессиональной области, смещения акцентов в ходе развития данной профессиональной области и причин формирования пласта архаизмов.

В целях данного исследования был подобран лексический материал на основе отраслевых изданий на русском языке [8, 13, 14, 19, 20, 23], использовались материалы англоязычных словарей: Cambridge [24], Longman [25], Meriam-Webster [26]; многоязычные интернет-ресурсы: multitrans.com [27], The Free Dictionary [28].

Ученые выделяют два этапа в становлении предметной области: 1) начальный, естественный этап ее формирования и 2) сознательный, регулируемый.

Первый этап связан с формированием новой области знания, с выделением научной компоненты новой сферы. В этот период появляется множество вариантов для обозначения одного и того же объекта, так как в основу обозначения разные исследователи-первооткрыватели данной области знания кладут разные признаки [17, с.15]. Наряду с синонимией неизбежно появляется функциональная полисемия, которая проявляется в перегруженности отдельных терминов и терминологических элементов различными значениями. Чаще многозначные слова обиходного языка приобретают новые значения в рамках формирующейся новой области знания.

В ходе проведенного исследования в английской ФТ были рассмотрены 632 фотографических термина и 698 русских фотографических термина. И в английской, и в русской ФТ доля однословных терминов составляет меньше четверти выборки. Среди однословных терминов принято выделять простые (корневые), чья основа совпадает с корнем (*R*), производные (аффиксальные), чья основа содержит корень и аффикс/аффиксы (*R+s*, *p+R*, *p+R+s*), и сложные, чья основа содержит несколько корневых морфем (*R+R*). Обратимся к каждой из категорий.

Простые, или корневые, термины английской ФТ представлены существительными, прилагательными и глаголами. Доля простых терминов во всей выборке английских однословных фототерминов составляет 12%: *haze* (блик), *fog* (вуаль), *focus* (фокус), *lens* (линза), *angle* (ракурс), *raster* (растр) и проч. Русские простые термины представлены такими терминами как *бленда*, *блик*, *вираж*, *вуаль*, *кадр*, *кома*, *кофр*, *кювета*, *окуляр*, *ореол*, *фокус*. Как видно, большая часть русских простых терминов образована путем калькирования и их доля в общей выборке – 7,5%. Отдельно стоит упомянуть многозначные слова, которые приобрели новое специальное значение внутри ФТ: *снимать* [12], *щелкать*, *печатать*, *ставить*, *линза*, *экспозиция* и др. их доля невелика и содержит преимущественно глаголы.

Производные однословные термины в английской ФТ составляют треть от однословных терминов рассматриваемой выборки. Внутри данной категории английских терминов существует три словообразовательные модели:

1. суффиксальная, термины образованы по схеме *R+s* (*R* – корень, *s* – суффикс);
2. аффиксальная, термины образованы по схеме *p+R* (*p* – префикс, *R* – корень);
3. аффиксально-суффиксальная способ образования подразумевает наличие и префикса, и суффикса в структуре термина: *p+R+s*.

В группе производных однословных фототерминов можно выделить следующие семантические группы:

- группа терминов, репрезентирующих того, кто совершает действие, содержит окончание *-er/-or*: *sensor* (сенсор), *inhibitor* (замедлитель процесса проявления), *intensifier* (раствор усилителя), *restrainer* (ослабитель раствора), *polarizer* (поляризатор);
- группа терминов, описывающих процессы, которые обычно в своей структуре содержат *R+tion*, *R+ing*, *R+ise*, *R+ment*:
 - i. *-tion*: *aberration* (аберрация), *sensibilization* (сенсублизация);
 - ii. *-ing*: *backing* (перенос отпечатка на постоянную основу), *bracketing* (брэкетинг/съёмка со сдвигом в значении экспозиции), *denoising* (устранение шума), *finishing* (печенье);
 - iii. *-ise*: *sensitize* (делать чувствительным к световым лучам, покрывать светочувствительным раствором);
 - iv. *-ment*: *development* (проявка);
- группа терминов, описывающих состояние, свойство и качество представлена терминами вида *R+ity/ty*, *R+cy*, *R+ic*:
 - i. *-y*: *intensity* (оптическая плотность);
 - ii. *-cy*: *transparency* (прозрачность);
 - iii. *-ic*: *autotypic* (автоматический), *photographic* (фотографический), *ranchromatic* (панхроматический) и др.

В русской ФТ производные однословные термины составляют 80% от всех однокомпонентных терминов, входящих в выборку. Результаты исследования формально-структурной организации русской ФТ показали, что доля простых терминов составляет 24% [11, с. 244].

Сложные однословные термины в английской ФТ могут быть написаны через дефис или слитно: представлены такими терминами как **viewfinder** (*view+find+er*) *видоискатель*, **lightbox** (*light+box*) *лайтбокс*, **lenscap** (*lens+cap*) *крышка объектива* и др.

В русской ФТ наблюдается значительное количество сложных однословных терминов, образованных путем слияния двух корневых основ *R+R*. Это обусловлено словообразовательными возможностями русского языка и тем, что подобный способ образования сложных слов привычен для носителей русского языка. Варианты перевода сложных корневых терминов профессионального поля фотографии сводятся к кальке и описательно-му переводу. Например, калькированием образованы такие термины как *софтбокс*, *тильт-шифт*, *фишай*, *фотография*. А *видоискатель*, *широкоугольный*, *светопись* были перенесены в русский язык путем перевода. Стоит отметить небольшое количество сложных однословных терминов, образованных путем слияния более, чем двух корневых основ, например, *photomacrography* (*макрофотосъёмка*), *isopanchromatic* (*изопанхроматиче-*

ский); *actinic photometer* (актинофотометр), *monochromatic sensitometer* (спектросенситометр), *photoindustry* (фотоаппаратостроение).

Задачей данного исследования было установить связь между морфемами (в т.ч. греко-латинского происхождения) и семантическими группами, образующимися внутри ФТ при их использовании, а также выделить уникальные для данной профессиональной терминологии семантические группы. По словам В.Ф. Новодрановой греко-латинские морфемы «вступают между собой в синонимические отношения, образуют семантические группы». Ученый выделяет семантические группы темпоральности, локальности, негации, усиления признака, ослабления признака, родственной связи [17, с.46]. Проведенное исследование выявило, что помимо обозначенных В.Ф. Новодрановой семантических групп в ФТ наличествуют специфические семантические группы, присущие данной области знания и в совокупности формирующие профессиональную семантику фотографии: семантическая группа релевантности к фотопроцессам (фото-), семантическая группа количества световых лучей, для получения фотоизображения (экспо-), семантическая группа фотохимии, семантическая группа множественности экспозиций (мульти-), семантическая группа дигитализации фотопроцессов (цифро-), семантическая группа видов съемки (микро-; макро-; аэро-; дрон-), которые представляют большой интерес и требуют отдельного подробного рассмотрения в будущем. В данной статье обратимся к основным семантическим группам, предложенных В.Ф. Новодрановой.

Семантическая группа темпоральности

К семантической группе выражающей темпоральность относятся термины с элементами *instant*, *hour*, *synchro*, *chrono*. Термин *blue-hour* (режимный свет/время), реферирует к определенной части суток – сумеркам – и подразумевает получение определенного эстетического эффекта. Компонент *instant* в термине *instant photography*, передает значение моментальности получения изображения, появившегося как результат преодоления недостатков ранних фотографических процессов, требовавших длинной выдержки. Термин появился в английском языке в 1937 г. с приходом компании Polaroid, предлагавшей альтернативный способ печати фотоснимков. Взрывной рост употреблений термина *instant photography* в ФТ и обиходном языке пришелся на 80-е гг. XX в. в связи с возросшей популярностью камер, производимых компанией Polaroid, которой удалось снизить стоимость расходных материалов и завоевать сердца потребителей. После появления цифровой фотографии термин *instant photography* стал использоваться меньше.

В русский язык термин *моментальная фотография* пришел позже по ряду экстралингвистических причин

и кривая распределения частотности употребления данного термина имеет два пика: первый – появление термина в переводной профессиональной литературе, посвященной фотографии; второй – приход продукции компании Polaroid на постсоветский рынок. В английском языке фотокиоски обозначены термином *photo booth*, а в русском языке они продолжают называться *моментальная фотография/моментальное фото*, а *фотокиоском* считается специализированный стенд, оснащенный разъемами для считывания электронных карт памяти и монитором, подключенный к фотопринтеру.

Морфема **synchro-** образует обширную семантическую подгруппу «одновременности» и формирует значение соотнесенности моментов срабатывания разных частей фотоаппаратуры во времени: **synchrotimer** (таймер срабатывания затвора), **synchronizer** (синхронизатор), **synchroterminal** (синхроконттакт вспышки). Развитие технологий привело к появлению ядерный компонент семантического поля фотографии: синхронность процессов, синхронность работы элементов-участников фотосъемки.

Помимо перечисленных морфем, отражающих семантику темпоральности имеет морфема **chrono-**. Фиксация на одном отпечатке последовательных фаз движения путем производства съёмок с короткими равными промежутками времени называется **chronophotography** (хронофотография).

Семантическая группа локальности

Семантическую группу локальности в ФТ следует разделить на подгруппы:

1. семантика локальности процесса съемки;
2. семантика локальности (частей) аппаратуры относительно выделенного параметра,
3. семантика расположения внутри объекта (объектива, кадра, светочувствительной поверхности и т.д.).

Например, к первой группе будет относиться такие термины как *indoor* (интерьер, съемка в интерьере), *outdoor* (съемка вне помещения), ко второй - *back* (задняя стенка фотоаппарата, цифровой модуль в модульных камерах), *backing* (фон для съемки), *back/central/front lens* (задняя/средняя/передняя линза объектива), *back/front/horizontal light* (контровой/лобовой/боковой свет), а к третьей – *TTL/through the lens* (способ экспозамера через объектив), *subbing* (подсдой фотографической эмульсии).

Семантическая группа негации

Семантическая группа негации в английской ФТ представлена терминами, образованными с помощью

морфем **a-, an-, anti-, de-, un-**. В русской ФТ рассматриваемая семантическая группа образована терминами, содержащими морфемы: **a-, an-, анти-, де-, дис-, против-**. Отрицательная частица **a-/an-** входит в состав таких фототерминов как, например, **aplanat (апланат), achromat (ахромат), afocal (афокальная оптическая система), aspherical (асферическая оптика); anastigmat (анастигмат)**.

Морфема **anti-** (*противо-*) в ФТ на русский язык переводится тремя способами: первый – семантикой упреждения, т.е. слова, в состав которых входит данный префикс не всегда имеют однословный перевод, а переводятся выражением, например: **antifoam (вещество, предупреждающее вспенивание фотораствора)**. Чаще применяется русский эквивалент приставки **anti- против-**: **antifogant (противовуалирующее вещество); antihalation (противореольность)**. Альтернативный вариант, который прижился в семантической группе «Объективы» - калькирование: **antiplanat (антупланат)**. Калькирование имеет экстралингвистические причины: объектив имел улучшенные свойства и быстро распродавался, его название вошло в профессиональную лексику без изменений из-за скорости распространения продукта. Далее конструкция данного объектива дала название целой линейке объективов, обладающих определёнными свойствами. В русской ФТ морфема **анти-** представлена малочисленными кальками **антублик, антупланат** т.к. в основном термины с семантикой преодоления некоторого признака переводятся на русский язык морфемой **против-**: **противореольный, противоскручивающий, противовуалирующий** или описанием.

Морфема **de-**(*де-*) в ФТ представляет группу терминов, показывающих отсутствие признака или действия, а также процесса обратного тому, который обозначен в корне термина: **desalinization (опреснение), desensitising (десенсибилизация, понижение чувствительности), desolarisation (снижение эффекта соляризации)**.

Группа терминов, образованных с помощью морфемы **un-**: **uncoated (непросветленный), undistorted (свободный от искажений), unexposed (непроявленная или не снятая пленка), unloading (извлечение кассеты), unsharpness (нерезкость)**. Термины данной семантической группы чаще всего переводятся описанием с использованием слов «свободный», «понижающий» или калькой с морфемами **де-, не-**.

Семантическая группа ослабления признака

Семантическую группу ослабления признака в английской ФТ представляют термины, образованные морфемой **under-**: **underdevelopment (недопроявка), underexposure (недодержка/недоэкспонирование)**. На русский

язык данные термины переведены калькированием с использованием морфемы **недо-**. На раннем этапе формирования ФТ термины, содержащие морфему **under-**, переводились описанием, содержащим слово «недостаточный», ср. **underdevelopment (недостаточная проявка), underexposure (недостаточное экспонирование)**. В настоящее время описательный вариант перевода терминов используется в официальных источниках (инструкциях и развернутых отчетах), а в профессиональном языке закрепился более короткий и удобный однословный эквивалент.

Семантическая группа усиления признака

Семантическую группу усиления признака образуют термины, образованные с помощью морфем **ultra-, super-, pan-, hyper-**. В английской ФТ данная группа представлена такими терминами как **ultraspeed (сверхчувствительный, ультраскоростной), ultrathin (сверхтонкий)**. Отдельно следует рассматривать термин **ultraviolet (ультрафиолетовый)**, раскрывающий другое значение морфемы **ultra-** «находящийся за пределами» видимого излучения. Термины, образованные морфемой **pan-**, подразумевают охват полного диапазона: **panchromatic (панхроматический)** т.е. охватывающий/реагирующий на все лучи видимого спектра фотоматериал. Морфемой **super-** образованы такие термины, как **supercoating (защитный желатиновый слой), superimposing (многократное экспонирование), Superpan (негативная суперпанхроматическая плёнка)**.

Уникальные свойства, присущие фотографии, отображены в семантических группах, передающих семантику получения изображения на светочувствительной поверхности. Основная группа образована терминами с морфемами **фото-** и **экспо-**.

Сокращение от *photography*→*photo*→*foto* (*фотография*→*фото*) со временем стало графическим отражением сущности технологии получения изображения на светочувствительной плоскости и пережило превращение в морфему-префиксоид [18, с.53] со значением «фотографический, имеющий отношение к фотографии». Морфема **фото-** является центральной, ядерной, смыслообразующей в данной терминосистеме, соответственно, требует отдельного внимания.

В русском языке производительность морфемы **фото-** превосходит свой английский эквивалент **photo-** что объясняется тем, что данной морфемой переведены не столько термины, образованные по типу *photo+R*, но и двусоставные термины вида *photographic + N*, а так же однословные термины не содержащие в английской версии морфемы **photo-**.

Термины, образованные морфемой **helio-**(гелио-), на данный момент можно причислить к фотоархаике, поскольку данная морфема использовалась на раннем этапе формирования ФТ и позже была заменена на морфему **фото-**: *heliography* (гелиография) → *photography* (фотография), *heliogravure* (гелиогравиюра) → *photogravure* (фотогравиюра), *heliotype* (гелиотипия) → *phototype* (фототипия).

Группа терминов номинирующих способы получения изображения, которые в своей структуре содержат *R+type*, *R+graphy* может быть отнесена к семантической группе релевантности к фотопроцессам в ФТ: *daguerreotype* (дагерротипия), *talbotype* (тальботипия), *cyanotype* (цианотипия), *stereotype* (стереотипия), *stereography* (стереография) и др. Стоит отметить, что данная категория терминов содержит максимальное количество эпонимов, которые к 1970-ым годам перешли в разряд архаизмов, т.к. номинируют ранние фотографические процессы. Внимание к данным терминам было привлечено при попытке воссоздания художественного эффекта, получаемого данными фотопроцессами цифровыми технологиями и при создании электронных архивов фотографического наследия в начале XXI века.

Исследователи ФТ указывали, что XIX век отмечен полным отсутствием эмоционально-экспрессивной окраски и предполагает, что «значительно большую часть современного словаря составляют слова, возникшие в первой половине 20 века.» [18 с.53]. Однако в указанной работе не были учтены изменения последних десятилетий, которые произошли в терминологии фотографии. После прихода цифровой фотографии значительную часть ФТ составляют слова современные, относящиеся к компьютерным технологиям и сфере социальной функции фотографии.

Выводы

Анализ морфологии и семантического состава однословных терминов профессионального поля фотографии показал, что помимо выделенных ранее семантических групп темпоральности, локальности, негации, усиления признака, ослабления признака, родственной связи, в ФТ следует особо рассмотреть специфические семантические группы, присущие данной области знания и в совокупности формирующие профессиональную семантику фотографии. Греко-латинские морфемы используются во многих профессиональных областях и слова, содержащие данные элементы легки для восприятия и интерпретации, что является важным в терминотворчестве т.к. влияет на восприятие профессионалами, дальнейшее использование и создание терминологических гнезд. В терминологии фотографии используется большое количество греко-латинских морфем. Особенностью словообразования однословных терминов ФТ является наличие перешедших из химии, оптики и искусствоведения терминов, которые сохранили свойства исходных терминологий, наличие сложных однословных терминов из двух и более корневых основ. Переход ядерных терминов *фотография* и *экспозиция* в морфемы с более высоким словообразовательным потенциалом в русском языке, чем в английском связан с реализацией принципа языковой экономии. На русский язык фототермины переводятся калькированием в случае, если технология или явление проникают в профессиональный оборот очень быстро, переводом и описанием, если получившаяся калька не отображает необходимого содержания термина. Архаизмы в ФТ стали формироваться под влиянием процесса перехода на цифровые технологии и неизбежной смены устаревших явлений в профессиональном языке на новые, более современные. Рассмотрение данных процессов требует отдельного пристального внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадова А.Ю. Структурно-семантическая характеристика многокомпонентных терминов (на примере терминологии цифровой фотографии) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2016. № 9. С. 30-37.
2. Вертьянова О.В. К вопросу об особенностях английской туристической терминологии: на материале формально-структурного анализа // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 2. С. 332 – 345.
3. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. – М. Изд-во МГУ, 1997. – 180 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
5. Гурьянова О.А. Гиперо-гипонимические отношения в английской терминологии телевидения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2019. Т. 12. № 7. С. 180-184.
6. Долгоновская Л.Я. Об особенностях терминосферы «информационная безопасность» // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 5. № 3. С. 99-101.
7. Жаханова З.Р. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в современном русском и английском языках на материале подъязыка архитектуры и строительства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 274-279.
8. Жолудев Н. Композиция в фотографии. – М.: Эксмо, 2012. 272 с.
9. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с. – («Gaudeamus»).

10. Кондратьева О.А. Диахронический анализ глагола снимать в значении фотографировать. // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2020. №2. С.6-12.
11. Кондратьева О.А. Формально-структурный анализ русской фототерминологии //Филологические науки. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. № 11. С. 243-247.
12. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: на материале германских языков / Е.С. Кубрякова. - 2-е изд. - Москва: URSS, 2007. - 320 с.
13. Лапин А.И. Фотография как... Учебное пособие. -М.: Изд-во Московского университета, 2003. - 296 с.
14. Левашов В. Лекции по истории фотографии / Галина Ельшевская. 2-е изд. М.: «Тримедиа Контент», 2014. - 464 с.
15. Матвеева Е.Е. Лингвокультурологические особенности формирования лингвистической терминологии (на материале английских и русских терминов фонетики) диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / МГОУ. - Москва, 2012. - 336 с.
16. Молодец И.И. Способы номинации в современном русском языке (на материале фотолексики) диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ин-т русского языка. - Москва, 1990. - 156 с.
17. Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. М.: Языки славянских культур, 2008. - 328 с. - (Studia philologica).
18. Плещинская А.И. Развитие префиксоидного словообразования в русском языке: (на материале слов с элементами аудио-, видео-, кино-, фото...) диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. - Казань, 2005. - 166 с.
19. Сахаров А.А. Англо-русский словарь по фотографии и кинематографии / под ред. Е.М. Голдовского. М.: Гл. ред. иностранных науч.-технических слов. ФИЗМАТГИЗА, 1960. - 395 с.
20. Соловьева Н.М. Фотоаппаратура и ее эксплуатация: учеб. Пособие. М.: Дрофа, 2009. 286 с.
21. Тененёва И.В. Терминология фотографической техники: проблемы и принципы упорядочения: монография / И.В. Тененёва; Юго-Зап. гос. ун-т. - Курск, 2019. - 156 с.
22. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Томский государственный университет, 1987. - 200 с.
23. Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. Монография. М.: Искусство, 1987. - 255 с.
24. Cambridge [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.10.2020).
25. Longman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 20.10.2020).
26. Meriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 20.10.2020).
27. Multitran [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 20.10.2020).
28. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2020).

© Кондратьева Ольга Анатольевна (li-photo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ДВОЙНОМ КАУЗАТИВЕ В ДАРГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

ABOUT DOUBLE CAUSATIVES
IN DARGIN LANGUAGES

R. Mutalov

Summary: The article deals with the formation and functioning of double causatives in Dargin languages. This issue has not previously been the object of special research in the sphere of Dargin languages study. The main attention in the article is paid to the methods of grammatical formation of single causative in Dargin idioms, and to the methods of double causatives formation. It has been established that double causatives are formed by adding derivative *-axъ* to the analytical forms of the causative. The results of this research can be helpful to the study of double causatives in other related languages and in typological research.

Keywords: caucasian languages, Dargin languages, morphology, grammatical categories, increasing derivation, causative, actant changes.

Муталов Расул Османович

Д.филол.н., профессор, г.н.с., Институт языкознания
Российской академии наук (г. Москва),
mutalovr@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы образования и функционирования двойных каузативов в даргинских языках. Данная проблема в даргиноведении ранее не становилась объектом специального исследования. Основное внимание в статье уделено способам грамматического оформления в одинарного каузатива даргинских идиомах, а также механизму образования двойных каузативов. Установлено, что двойные каузативы образуются присоединением к аналитическим формам каузатива дериватемы *-axъ*. Результаты работы могут быть применены при изучении двойных каузативов в других родственных языках и типологических исследованиях.

Ключевые слова: кавказские языки, даргинские языки, морфология, грамматические категории, повышающая деривация, каузатив, актантные изменения.

Даргинские языки (нахско-дагестанская семья языков) распространены в Центральном Дагестане. Традиционно они считались диалектами даргинского языка, но в последние десятилетия, вследствие имеющихся между ними значительных расхождений, рассматриваются в качестве самостоятельных языков, что является вполне обоснованным [4]. Различия проявляются на всех языковых уровнях, в том числе, на лексическом и грамматическом. Данный факт подтверждается также результатами, полученными в ходе настоящего исследования, посвященного характеристике каузативных конструкций в рассматриваемых языках. Каузатив является своего рода узловой категорией, в которую вовлечены морфология, синтаксис, лексика и семантика.

Каузатив, как правило, «стремится выражать наиболее общее и наиболее неопределенное значение, допускающее в различных прагматических контекстах целый ряд интерпретаций – быть причиной, заставить, приказать, настоять, пригласить, предложить, попросить, разрешить, дать и т.п.» [7, с. 390].

Каузативы относятся к средствам повышения актантной деривации в языке. Различают каузативы морфологический, лексический и синтаксический. Морфологический каузатив характеризуется наличием в языке регулярного морфологического процесса образования маркированных каузативных глаголов от немаркированных. Синтаксические каузативы представляют собой аналитические конструкции, образованные посредством вспомогательных глаголов, выражающих смысл каузации. При лексическом каузативе компонент «кау-

зировать» инкорпорирован в семантическую структуру глаголов.

Каузативная деривация является чрезвычайно продуктивным и распространенным явлением в даргинских языках. Она привлекала к себе внимание даргиноведов всегда, начиная с работы П.К. Услара [11]. Каузативы и каузативные конструкции, как правило, рассматриваются в научных грамматиках и обобщающих трудах [1, 3, 6], имеется лишь 2 специальные статьи, посвященные даргинскому каузативу [5, 9]. Основное внимание в этих исследованиях уделяется морфологическим характеристикам каузативов и актантным изменениям, происходящих при канонических каузациях в разных даргинских идиомах. Между тем, обнаруживается, что многие явления даргинских каузативных конструкций, представляющие собой типологический интерес, остаются пока неисследованными.

В образовании каузативных форм в даргинских языках можно выделить 2 этапа: это образование одинарного каузатива, и от него – двойного. Одинарный каузатив представляет собой грамматическую форму, которая содержит один из показателей каузатива – каузативную морфему *-axъ* или полувспомогательные каузативные глаголы *-барес* «сделать», *-аэс* «превратить». Присоединением каузативной дериватемы *-axъ* образуются синтетические формы, а полувспомогательные глаголы служат для образования аналитических каузативов.

Синтетический, или морфологический, каузатив занимает особое место в словообразовательной системе

даргинских языков – данная форма может быть образована практически от любого глагола. Показателем каузатива акушинского (основы даргинского литературного языка) и большинства других языков служит дериватема *-ахъ-*, которая присоединяется непосредственно к глагольному корню: *б=елчI-ес* «прочитать» – *б=елчI-ахъ-ес* «заставить прочитать».

При наличии в слове фарингализации гласный *a* дериватемы *-ахъ* переходит в гласный более нижнего подъема *я*, в результате чего образуется вариант *-яхъ*: *букъес* «пойти», *букъ+ахъес* – *букъ-яхъ-ес* «заставить пойти». В форме глагола *белхI-ехъ-ес* «разбудить», образованной от глагола *белхI-ес* «проснуться» каузативная морфема содержит гласный *e*.

Каузативная дериватема *-ахъ-* имеет привилегированное положение в структуре глагола – она присоединяется непосредственно к корневому согласному, вклиниваясь между ним и другими посткорневыми морфемами: *барг-ахъ-ес* «заставить найти». При этом все другие элементы словоформы, функционирующие до процесса каузативации непосредственно за корневым согласным (показатели претерита, маркеры императива и оптатива, личные окончания хабиуталиса, показатели вербоидов, формативы и т.д.), перемещаются в постпозицию.

Суффикс *-ахъ-* присоединяется как к основе совершенного, так и к основе несовершенного вида: *бицIахъес* «заставить наполнить, наполнить» – *бирцIахъес* «заставлять наполнять; наполнять». Данная морфема может сохраняться и при образовании всех других словоизменяемых и словообразовательных парадигм глагола.

Довольно интересный случай представляет собой явление морфологического выражения каузатива в переходных формах глагола северных даргинских языков. Непереходная форма 3-го лица при присоединении показателя каузатива становится переходной: *в=ирцI-ар* «наполнится (он)» – *в=ирцI-ахъ-у* «наполняет (его)». В формах 1-го и 2-го лиц появляются личные показатели *-ра, -ри*:

1л. *ну в=ирцI-ус* «я наполнюсь» – *ну в=ирцI-ахъ-у-ра* «меня наполняют»,

2л. *хIу в=ирцI-уд* «ты наполнишься» – *хIу в=ирцI-ахъ-у-ри* «тебя наполняют».

1л. *Ну ля=в=кь-яс* «я приду» – *ит-и-ни ну ля=в=кь-яхъ-у-ра* «он заставит меня прийти»;

2л. *ХIу ля=в=кь-яд* «ты придешь» – *ит-и-ни хIу ля=в=кь-яхъ-у-ри* «он заставит тебя прийти».

По все видимости, в данном случае происходит двойная маркировка лица, в результате чего выпадают элементы **с, д** глагольного личного показателя: **ля=в=кь-яхъ-ус-ра* – *ля=в=кь-яхъ-у-ра*, **лявкьяхъудри* – *лявкьяхъури*. Явление двойной маркировки лица извест-

но и в других формах северных языков; личные показатели *-ра, -ри* наслаиваются на другие личные показатели *-ус, -уд*: *б=ир-ис-ра* «сделаю».

Дериватема *-ахъ* не может присоединяться к формам немаркированного оптатива (**вицIахъ* (ср. *вицI* «пусть заполниться»)) и к непереходным формам императива (**кайахъи* (при *кайи* «садись»)). Не присоединяется также данная морфема к формам настоящего времени глагола *б=изс* «быть» (*са=й* «есть», *ахIен* «не является», *ле=в* «имеется», *аг-ар-а* не имеется).

Даргинский глагол *диг-ахъ-ес* «любить» функционирует в форме хабиуталиса только с морфемой каузатива: *Наб учIес дигахъис* «я люблю учиться» (хабиуталис); ср.: *наб учIес дигулра* «я хочу учиться» (презенс). Т.е., данный глагол совмещает значения «хотеть» и «любить». В хабиуталисе функционирование данного глагола возможно только в значении «любить», а в презенсе – в значении «хотеть».

П. Услар, впервые обративший внимание на даргинский каузатив, пишет, что показателем каузатива в урахинском языке является глагол *ихъис* «преодолевать»: «Понудительный залог образуется постоянно через присоединение к глагольному корню окончания *ихъ-ис*». В показателе каузатива данного идиома «наряду с гласным *-а(я)* могут быть гласные *и, у*: *б=арг-ис* «найти» – *б=арг-ихъ-ис* «заставить найти», *б=илкI-ун* «написал» – *б=илкI-ухъ-ун* «заставил написать» [11, с. 204], т.е. наблюдается дистанционная регрессивная ассимиляция гласных – гласный маркера претерита уподобляет гласный суффикса каузатива. Услар полагает, что показатель каузатива в урахинском языке восходит к глаголу *ихъис* «преодолевать» [11, с. 204].

В кайтагском и ицаринском языках заднеязычные корневые согласные перед показателем каузатива переходят в переднеязычные согласные: *бугарай* «оставаться» – *бужахъуй*. Подобное явление в других случаях в ицаринском отмечается лишь в позиции перед гласными переднего ряда образования *и, е*: *б=уг-ар-ай* «оставаться» – *б=уж-иб* (имперфект).

В ряде даргинских языков – кубачинском, чирагском, кункинском, синтетический каузатив отсутствует; каузативные конструкции образуются аналитическим путем – присоединением того или иного вспомогательного глагола к инфинитиву. Считается, что вспомогательный глагол в этих диалектах не успел морфологизироваться [2, с. 58].

А. Магомедов отмечает, что в кубачинском языке образование каузативных форм различается в зависимости от глагольного вида – совершенного или несовершенного вида: «Каузативные формы в кубачинском

образуются при помощи глагола *ахъий* «преодолеть» (в недлительном виде), *ихъий* (в длительном виде). При образовании каузативной формы в глаголах недлительного вида изменение претерпевает спрягаемый глагол: он утрачивает суффиксальную часть, и к основе, оканчивающейся на корневой согласный, присоединяется глагол *ахъий* в полной форме: *бахъв-ахъий* (от *бахъвий-ахъий*) «заставить засеять»; ср.: *бахъвий* «засеять», *ахъий* «преодолеть», *бисахъий* «заставить продать», от *бисий* «продать». В глаголах длительного вида спрягаемый глагол сохраняет форму инфинитива, вспомогательный глагол, присоединяясь к форме инфинитива, утрачивает начальный гласный *и*: *балхъвий-хъий* (от *балхъвий-ихъий*) «заставить сеять» [6, с. 214].

Показателем каузатива чирагского диалекта выступает глагол *бацле-бяхъи* «растопливать» [3, с. 78]; ср. акуш.: *бацлахъес* «растопить».

Аналитические каузативы в даргинских языках образуются присоединением вспомогательных глаголов *барес*, *аэс*, в семантике которых содержится значение каузации, к разным основам. Следует отметить, что ранее в даргиноведческой литературе об этом виде образования каузативов не упоминалось.

Можно выделить 3 типа основ, к которым могут присоединиться вспомогательные глаголы со встроенным каузативным значением: это именны́е основы, причастие общее и инфинитив НСВ. Нужно отметить, что к любой из этих основ может присоединяться также неагентивный вспомогательный глагол *биэс* «стать», образуя стативные глаголы, которые являются непереходными. Таким образом, при этом создаются каузативные пары. Как отмечает В.А. Плунгян, «различия между стативными и динамическими глаголами многообразны; главным среди них является, пожалуй, то, что для продолжения состояния обычно не требуется никаких специальных усилий субъекта; не требуется притока энергии для его поддержания. Именно поэтому субъектом состояния чаще является пациенс или экспериенцер... Динамические ситуации обозначают либо различные виды изменений, либо, по крайней мере, такие состояния, для поддержания которых требуется постоянный приток энергии (и субъектом которых является агенс)» [10, с. 246].

Основанием для того, чтобы рассматривать полученные формы в качестве каузативов, служат 2 факта: а) имеется грамматический показатель –полувспомогательный глагол *барес* / *аэс*, выражающий значение каузации; б) в полученной конструкции появляется новый агенс в эргативе.

Исходная ситуация при этом необязательно должна выступать в виде завершеного предложения, это может быть и подситуация, выражающая какую-нибудь дан-

ность, которая подвергается каузации. Например: *ц1акъ* «сила» (исходная данность) - *ц1акъбарес* – «усилить, сделать сильным».

Присоединение вспомогательных глаголов к именной основе рассматривается как способ образования сложных глаголов. Вспомогательные глаголы с семантикой каузации могут присоединяться также к двум отглагольным образованиям: это причастие общее и инфинитив НСВ. При этом следует отметить, что причастие общего времени по своим характеристикам близко к именным основам; аналитические формы также данные формы образуют аналогично: посредством присоединения глагола –*барес* «сделать».

Аналитический каузатив от инфинитива образуется посредством присоединения вспомогательного глагола *аъес* «превратить, заставить»: *бузесаэс* «заставить работать».

В южнодаргинских языках в глаголе *аъ-ес* сохранился увулярный спирант *гъ*, который в северных языках, в частности, в акушинском имеет соответствие *ъ* (смычку) *аъ-ес* – *агъ-уй* Можно допустить, что корень *-агъ* данного слова может лежать в основе образования каузативной дериватемы –*ахъ*, распространенной в даргинских языках.

Образование стативных глаголов от основы инфинитива происходит посредством вспомогательного глагола *биэс* (*б=иъ-ес*). Данный глагол является омонимичным другому вспомогательному глаголу *биъэс*, который образует стативные глаголы от именных основ и причастия общего. Эти два глагола отличаются также в южнодаргинских языках: глаголу *биъэс* соответствует глагол *би-игарай* «начало становления какого-либо состояния» с долгой гласной основы. В работе [6] данные формы рассмотрены в качестве элементов парадигмы категории фазовости, которые передают значение «начало действия или состояния».

В даргинских языках возможны также двойные каузативы. Они образуются присоединением к аналитическим формам каузатива дериватемы –*ахъ*. Следует отметить, то суффикс *-ахъ* может присоединяться и к некаузативному элементу каузативной пары.

Каузативы от сложного глагола с именной основой: (*т1ум1у-дарес* «рассыпать» - *т1ум1у-дикес* «рассыпаться»): *Анк1и т1ум1удикиб* «зерно рассыпалось» (некаузативное значение, стативный глагол) - *Итини анк1и т1ум1удикахъиб* «он (ненамеренно) рассыпал зерно» (морфологический каузатив, пермиссивное значение, контактный, слабый) - *Итини анк1и т1ум1удариб* «он (намеренно) рассыпал зерно» (аналитический каузатив, фактитивное значение, контактный, сильный) - *Мурадли итизи анк1и т1ум1ударахъиб* «Мурад заставил его рас-

сыпать зерно» (двойной каузатив, фактитивное значение, дистантный, сильный).

Каузативы от причастия общего времени:

Урши вашаниуб «мальчик стал ходить» (некаузативный глагол) - *Тухтурли урши вашаниахъуб* «врач помог мальчику, и тот стал ходить» (морфологический каузатив) - *Тухтурли урши вашанвариб* «врач сделал так, что мальчик стал ходить» (аналитический каузатив) - *Ибрагимли тухтурлизи урши вашанварахъиб* «Ибрагим воздействовал на врача, и врач способствовал тому, что мальчик стал ходить» (двойной каузатив).

Каузативы от инфинитива НСВ:

Сяг1ят бузесбииб «часы стали работать» - *Устали сяг1ят бузесбиахъиб* «мастер починил часы (заставил работать)» (морфологический каузатив) - *Устали сяг1ят бузесаиб* «мастер сделал так, что часы стали работать» (аналитический каузатив) - *Каримли устализи сяг1ят бузесаахъиб* «Карим воздействовал на мастера с тем, чтобы тот починил часы, и часы стали работать» (двойной каузатив).

Из примеров видно, что при присоединении к имен-

ным основам каузативной дериватемы –ахъ к вспомогательным глаголам со стативным значением новый агенс, как правило, имеет пермиссивное значение, действие протекает помимо его воли. Между тем, подобное явление не наблюдается в двух других случаях каузации. Каузация вербоидов (причастия общего и инфинитива НСВ) отличается от каузации сложных глаголов с именными основами тем, что в них при маркировке каузатива морфологическим показателем –ахъ невозможно пермиссивное значение, т.е. невозможны значения с ненамеренным агенсом:

Тухтурли урши вашаниахъуб «врач (*нечаянно) помог мальчику, и тот стал ходить» (морфологический каузатив). *Устали сяг1ят бузесбиахъиб* «мастер (*нечаянно) починил часы (заставил работать)»

Таким образом, в даргинских языках представлена широкая система образования каузативных конструкций, которые относятся к средствам повышения актантной деривации в языке. Возможны как одинарные каузативы, образованные синтетическим или аналитическим путем, так и двойные каузативы, которые оформляются дериватемой –ахъ, присоединяемой к одинарным каузативным формам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. 218 с.
2. Ганенков Д.С. Реконструкция эволюции конъюнктива в даргинских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 1. С. 53-64.
3. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988. 225 с.
4. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006. 57 с.
5. Магометов А.А. Каузатив в лакско-даргинской группе дагестанских языков // ЕИКЯ. Т. 4. Тбилиси, 1977. С. 172-187.
6. Магометов А.А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси, 1963. 342 с.
7. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том. II. М., 1998. 544 с.
8. Муталов 2003 О морфологическом каузативе в даргинском языке // Вестник ДГУ. Вып. X. Махачкала, 2003. С. 89-96.
9. Муталов Р.О. Глагол даргинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. 216 с.
10. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000. 384 с.
11. Услар П.К.. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 5. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 503 с.

© Муталов Расул Османович (mutalovr@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ АНГЛИЙСКИХ ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ОТОБРАЖЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА ЯЗЫКОВОГО КОЛЛЕКТИВА

Новикова Ольга Вячеславовна

*К. филол. н., доцент, Московский авиационный институт
Novikova_English@mail.ru*

THE INNER FORM OF ANIMAL ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MIRROR OF THE CULTURAL EXPERIENCE OF SPEECH COMMUNITY

O. Novikova

Summary: The goal of the current work is to study the inner form of animal phraseological units which reflect the long process of the English culture development. The in-depth analysis of 315 English metaphors, proverbs and sayings with fauna images showed that the figurative content of the units in question is the mirror of the cultural and national worldview. Special attention is paid to the etymological meaning of fixed word combinations with erased inner form. The focus on the idiomatic phrase origin allows us both to identify the creative thinking peculiarities of the English-speaking people and to reveal the expressiveness of the language units under consideration. The relevance of the research is due to the need to study zoonym images, which are a valuable linguistic heritage, since they embody cultural and historical worldview of the people, their culture, customs and traditions.

Keywords: cultural linguistics, etymology, imagery, English animal phraseological units, zoonym, inner form.

Аннотация: Целью работы является лингвокультурологическое исследование внутренней формы зоосемических фразеологических единиц, которые отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры англоязычного народа. Анализ 315 английских метафор, пословиц и поговорок с образами животного мира показал, что в образном содержании исследуемых единиц воплощено культурно-национальное мировидение. Особое внимание уделено рассмотрению этимологического значения устойчивых словесных комплексов со стертой внутренней формой, что позволяет не только выявить своеобразие творческого мышления англоязычного народа, но и эксплицировать экспрессивный потенциал анализируемых языковых единиц. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения зоонимных образов, которые представляют собой ценное лингвистическое наследие, поскольку в них отображается культурно-историческое мировоззрение народа, его культура, обычаи и традиции.

Ключевые слова: лингвокультурология, этимология, образность, английские зоосемические фразеологические единицы, зооним, внутренняя форма.

Лингвистика последних лет характеризуется обостренным интересом исследователей к человеческому фактору в языке, поскольку именно человек стоит в центре постижения мира и его отображения в формах языка.

Рассмотрением того, как в языковых единицах «отражается сам Homo Sapiens во всем многообразии его кипучей деятельности» [1, с. 6] занимается лингвокультурология.

Термин «лингвокультурология» появился в последние десятилетия в связи с работами представителей фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия, работами А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, Д.О. Добровольского, А.В. Кунина, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, И.Г. Ольшанского, Ю.С. Степанова, Т.З. Черданцевой, В.И. Шаховского и других исследователей.

Лингвокультурология ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке, а это значит, что лингвокультурология – достояние собствен-

но антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры.

Одним из надежных и эффективных способов изучения английской культуры является фразеологический фонд английского языка, неотъемлемую часть которого составляет активно функционирующий пласт зоосемических фразеологических единиц (ЗФЕ), т.е. устойчивые словосочетания с компонентом-зоонимом, в которых частичная или полная переосмысленность значения их компонентов создает образность.

За последнее десятилетие национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом рассматривалась на материале русского [2], финского [3] и румынского [4], бурятского [5] языков. В фокусе отдельных лингвистов исследования ЗФЕ в семантико-типологическом аспекте на материале английского и русского языков [6], татарского и английского [7], немецкого и английского [8], русского и французского [9], русского и корейского [10], китайского и русского языков [11]. В ряде работ уделяется внимание зоонимам в русской, английской и

итальянской лингвокультурах [12], проводится сопоставительный анализ национально-культурной специфики ЗФЕ русского, английского, татарского и таджикского языков [13], а также испанского, узбекского, английского и русского языков [14].

Анализ работ, затрагивающих эту тематическую группу в различных ракурсах, повлиял на наш выбор предмета исследования, целью которого является изучение культурного опыта языкового коллектива сквозь призму внутренней формы английских метафорических фразеологических единиц, а также пословиц и поговорок, включающих названия животных.

В качестве объекта исследования методом сплошной выборки были проанализированы 315 английских ЗФЕ с наиболее частотными стержневыми компонентами *badger, bear, bird, bull, cat, dog (hound), fish, fox, goose, horse ox, lion, pheasant, pig, sheep*, которые зафиксированы в современных лексико-фразеологических источниках [15; 16; 17; 18; 19; 20].

Актуальность работы обусловлена повышенным вниманием лингвистов к исследованию ЗФЕ, которые являются древнейшей частью фразеологического фонда английского языка, что позволяет определить национально-специфичные черты их семантики.

Новизна предпринятого исследования заключается в выделении и комплексном исследовании английских ЗФЕ, которые играют особую роль в трансляции национально-культурного самосознания народа и его идентификации.

Теоретическое значение работы определяется возможностью дальнейшего развития семантической концепции фразеологической образности и выявления общих принципов создания образности ЗФЕ в аспекте лингвокогнитивного представления ментального мира человека.

Практическая ценность исследования заключается в прикладном использовании результатов и материалов при разработке курсов и проведении спецсеминаров по лингвострановедению, общему языкознанию и лингвокультурологии современного английского языка.

Исследование языкового материала с помощью таких методов лингвистического анализа, как компонентный, денотативный, лексико-семантический анализ, описательный, лингвокультурологический анализ, анализ словарных дефиниций свидетельствует о том, что отображение культурного опыта языкового коллектива осуществляется через образные представления, лежащие в основе ЗФЕ.

Наблюдения людей за повадками представителей животного мира послужили причиной появления переносно образных символических значений слов, на их основе – ЗФЕ, в которых поведение человека отождествляется с поведением этих животных.

Образность значения ЗФЕ предполагает обязательное наличие внутренней формы. Понятие внутренней формы (ВФ), зародившееся в трудах В. фон Гумбольдта, прочно вошло в обиход лингвистов. В. фон Гумбольдт выдвинул идею о том, что человек переносит в язык то, что его «живо волнует» [21, с. 401], т.е. вкладывает в название предмета или явления те или иные признаки, осмысленные называющим и представляющие для него значимость. Разные понятия порождаются фантазией и чувствами, отражающими индивидуальный характер нации, и являются разными внутренними формами обозначений.

Большая заслуга в разработке проблемы ВФ применительно к языковому материалу принадлежит русскому ученому А.А. Потемне, давшему несколько определений ВФ, одно из которых указывает, что ВФ – это «ближайшее этимологическое значение» языковых единиц [22, с. 83-84]. Наиболее последовательным представляется также определение ВФ ФЕ, разработанное А.В. Куниным как «значение ее прототипа, с которым фразеоматическое значение связано деривационными отношениями» [23, с. 173].

По степени участия ВФ ЗФЕ в наименовании явлений объективной действительности различают живую и стертую ВФ. Под живой ВФ ЗФЕ мы понимаем те признаки образности, которые понятны носителю языка, осознаются им и вызывают у него прямую ассоциативную связь со значением переменного прототипа. К этому разряду относится, например, ЗФЕ *to take the bull by the horns* 'действовать решительно, мужественно преодолеть затруднения'. Для носителей языка данная ЗФЕ ассоциируется с крайней степенью мужества. Таким образом, ВФ ЗФЕ 'взять быка за рога' воспринимается как компонент ее значения.

ЗФЕ не всегда обладают ясной внутренней формой, часто их образ завуалирован. Целый ряд ЗФЕ содержит в своей семантике национально-культурный компонент – или синхронно, с позиции современного языкового сознания, или диахронно, т.е. только по причине сопряженности с национальной культурой словосочетания-прототипа [24, с. 70-71].

Следует подчеркнуть, что наиболее значимы с точки зрения изучения культуры англоязычного народа являются ЗФЕ со стертой ВФ. Стертая ВФ означает наличие таких мотивирующих признаков, для оживления которых требуется развернутое этимологическое исследование

с привлечением объяснений и другой дополнительной информации. Значение подобных ЗФЕ может быть восстановлено в отдельных элементах толкования фразеологических источников: авторских комментариях и пояснениях и практически не восстанавливается в речи.

Для уточнения словарных данных были проанализированы словарные статьи этимологических и толковых словарей [25; 26; 27]. Например, ВФ ЗФЕ *go the whole hog* со значением 'достичь цели, делать что-л. основательно, доводить что-л. до конца', оказывается не до конца понятной. Этимология выражения восполняет этот недостаток. Слово *hog* 'боров' первоначально означало сленг для названия монеты *shilling*, поэтому *to go the whole hog* означало 'потратить весь шиллинг сразу же'.

Знание этимологии ЗФЕ со стертой ВФ ЗФЕ *no room to swing a cat* 'очень тесно, повернуться негде' способствует экспликации ее экспрессивного потенциала ВФ 'не было места для кошки', которая в гиперболической форме обычно описывает мероприятие, на котором много народу. Первоначально фраза имела вид *not room to swing a cat-o-nine-tails* – не было места, чтобы хлестнуть «кошкой-девятихвосткой» ЗФЕ датируется временем, когда моряков пороли на борту корабля «кошкой-девятихвосткой», плетью из девяти ремней, расходящихся на конце. До 1881 года подобная процедура побоев происходила на палубе и официально применялась для наказания в английской армии и на флоте. Какуты были настолько малы, что нельзя было повернуться даже кошке.

Через восстановление ВФ появляется возможность выделения экспрессивности в структуре содержания и ЗФЕ *the Trojan horse*. Рассматриваемое выражение означает дары, поднесенные с предательским умыслом. Они таят в себе опасность или гибель для тех, кому они предназначены. История этого выражения такова. Долго и безуспешно вели греки (данайцы) осаду Трои. В конце концов, они решили прибегнуть к военной хитрости, соорудив огромного деревянного коня – будто бы в знак окончания войны. Греки оставили деревянного коня у стен Трои, а сами сделали вид, что возвращаются домой. Троянцы, движимые любопытством, втащили коня в свой город. Ночью воины-данайцы, спрятавшиеся внутри деревянного коня, вышли и ворвались в Трою. Троя была захвачена и разрушена.

Экстралингвистическая база зоонимов довольно разнообразна: «причины неадекватных коннотаций следует искать вне языка – в системе ценностей, обычаев, традиций конкретной лингвокультурной общности» [1, с. 24].

Рыболовство, как одна из ведущих отраслей хозяйства Англии и США, послужило источником возникновения многих пословичных ЗФЕ, тематическим индикатором которых является зооним *fish*: *catch fish with a silver*

hook – 'покупать рыбу после неудачной рыбной ловли'; *all is fish that comes to his net* – 'доброму вору все впору, он все использует, он из всего извлекает выгоду'; *he who would catch fish must not mind getting wet* – 'без труда не вытащишь и рыбки из пруда'; *if you swear you will catch no fish* – 'руганью делу не поможешь'; *it is a silly fish, that is caught twice with the same bait* – 'глуп тот, кто два раза попадает на одну и ту же удочку'; *never fry a fish till it's caught* – 'не радуйся раньше времени, цыплят по осени считают, не убив медведя, шкуры не продавай'; *venture a small fish to catch a great one* – 'стоит рискнуть малым ради большего'.

Анализ внутренней формы 315 ЗФЕ показал, что 78 % метафорических ЗФЕ и 22 % пословиц и поговорок с образами животного мира вербализуют также такие виды деятельности человека, как охота, скачки, военное дело, крестьянский труд и игры. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих обозначенные сферы деятельности человека:

- Охота на животных: *to ride past the hounds* – 'опережать события, забегать вперед (проезжать мимо охотничьих собак)'; *to follow the hounds* – 'следовать привычке, наклонностям (следовать за гончими)'; *to hound a dog on somebody* – 'подстрекать кого-либо (натравливать собаку на кого-л.)'; *to call off the dogs* – 'переменить неприятную тему разговора' (охотники отзывали собак, когда они теряли след); *dog in a doublet* – 'смелый, отважный парень' (охотники надевали на охотничьих собак кожаные камзолы, которые предохраняли их во время охоты на кабана); *to draw the badger* – 'заставить кого-либо проговориться' (вытаскивать барсука); *loaded for a bear* – 'злой, готовый к драке, пьяный' (ЗФЕ этимологически связана с охотой на медведя, по ассоциации с особой подготовкой охотников к охоте на медведя); *stalking-horse* – 'предлог, отговорка (заслонная лошадь)';
- Охота на птиц: *sitting duck* – 'легкая добыча, удобная мишень (сидящая утка)'; *to shoot the sitting pheasant* – 'погубить, испортить репутацию человека (стрелять в сидящего фазана)';
- Военное дело: *war horse* – 'пьеса, опера, симфония, потерявшая оригинальность в результате многократной постановки, исполнения (военная лошадь)'; *to be on the high – horse* – 'важничать, высокомерно держаться' (выражение возникло в связи с тем, что феодалы, обыкновенно сражавшиеся верхом, презрительно относились к пехоте, состоявшей из наемников и простолюдинов); *to ride the fore-horse* – 'быть впереди, играть главную роль';
- Скачки: *ask a horse the question* – 'добиваться от лошади напряжения всех ее сил во время бегов (задавать лошади вопросы)'; *dark horse* – 'малоизвестный кандидат на выборах (темная лошадка)'; *talk horse* – 'хвастаться (говорить о лошадях)'; *to back*

the wrong horse – ‘сделать плохой выбор, просчитаться, ошибиться в расчетах (поставить не на ту лошадь)’, *to flog a willing horse* – ‘подгонять добросовестного работника (стегать добросовестную лошадь)’.

- Крестьянский труд: *off ox* – ‘неуклюжий, неповоротливый человек’ (бык, занимающий место в правой стороне упряжки, поэтому находящийся вне поле зрения извозчика; при движении животному трудно было удерживать равновесие); *not to know one from the Adam’s off ox* – ‘не иметь ни малейшего представления о человеке, о котором идет речь’.
- Игры: *fox and hounds* – ‘лиса и собаки’ (детская игра, где один ребенок бежит, а остальные его ловят); *to play ducks and drakes with*: - 1) ‘бросать плоские камешки по поверхности воды’; 2) ‘разбазаривать, растрчивать попусту что-либо, рисковать’; *fox and geese* – ‘лиса и гуси’, ‘волки и овцы’ (род игры в шашки, в которой у одного игрока одна дамка, а у другого – четыре); *cat and mouse game* – ‘игра в кошки – мышки’; *wild-geese chase* – ‘скачки на лошадях гуськом’; ‘сумасбродная затея’ является прототипом названия игры, известной в шекспировские времена, в которой принимали участие несколько всадников. Всадник, одержавший победу, был впереди, а все остальные на определенном расстоянии за ним. Это название игры этимологически связано с полетом диких гусей; *the hobby-horse is forgotten* – ‘конек-скакунок забыт, об этом уже забыли’ – этимологически связана с английскими народными гуляниями, представлениями, во время которых актеры на потеху публике скакали на деревянных лошадах; *horse play* – ‘прыгать, паясничать, шумная игра, грубое развлечение’.

Приведенные примеры, в основе которых лежит остаточное представление о каком-либо факте, явлении, событии, подтверждают идею В. фон Гумбольдта о том, что во внутренней форме отражен дух народа, а различные языки – это различные видения одного и того же предмета [21, с. 100-105].

Конкретную экстралингвистическую направленность имеют ЗФЕ, генетически свободные словосочетания которых описывали предания, народные поверья: *to take a hair of the dog that bit you*, *to lead apes in hell*, *swan song*, басни, легенды: *kill the goose that lays the golden eggs*, *to bell the cat*, *wolf in sheep’s clothing*, *crocodile tears*, *lion’s share*, *black ox*, *to make a cat’s paw of smb*.

Приведем несколько примеров, демонстрирующих своеобразие мышления англоязычного народа:

- *to lead apes in hell* – ‘умереть старой девой’ – связана с английским поверьем о том, что старым девам суждено после смерти нянчить обезьян в аду;

- *to bell the cat* – ‘отважиться, взять на себя риск, инициативу в опасном деле, рискованном предприятии’ связана с басней, которая гласит о том, что однажды мыши договорились повесить колокольчик на шею кошки, чтобы знать о ее приближении. Однако никто из мышей не осмелился это сделать;

- *white elephant* – ‘обременительное или разорительное имущество, подарок, от которого не знаешь, как избавиться, обуза’. Происхождение связано с легендой о том, что король Сиам, желая разорить кого-либо из своих подданных, дарил ему священного белого слона, содержание которого обходилось очень дорого;

- *halcyon days* – ‘спокойные, мирные дни, спокойное время’. По древнему преданию, зимородок выводит птенцов в гнезде, плавающем по морю, в период зимнего солнцестояния, и в этот период, около двух недель, море бывает совершенно спокойным;

- *lion’s share* – ЗФЕ ‘львиная доля’ употребляется для обозначения большей, лучшей доли чего-либо, которую при дележе берет сильнейший. Выражение заимствовано из басни древнегреческого баснописца Эзопа о льве, который с помощью других зверей поймал оленя и угрозами заставил зверей отдать ему всю добычу.

Анализ языкового материала, в качестве которого послужили 315 ЗФЕ, позволил сделать вывод о том, что ЗФЕ отражают народную культуру своими прототипами – свободными словосочетаниями, описывающими определенные обычаи, праздники, легенды, подробности быта и многое другое.

Культурная информация хранится во внутренней форме, которая, являясь образным представлением о мире, придает ЗФЕ культурно-национальный колорит. Образное восприятие окружающей действительности находит свое воплощение в образах метафорического происхождения, в которых видится ключ к пониманию основ мышления и процессов создания национально-специфического видения мира.

Комплексный анализ ЗФЕ позволил выявить лингвокультурологические особенности метафор со стертой ВФ, которые несут на себе отпечаток духовной и материальной культуры английского языка, что прослеживается в вербальном отражении таких сфер деятельности, как охота, скачки, рыболовство, военное дело и крестьянский труд. Внутренняя форма пословиц и поговорок с компонентами-зоонимами формирует оценочную картину мира, где образно запечатлен опыт нации в ходе исторического развития.

Актуальность работы обусловлена перспективно-

стью дальнейшего изучения зоонимных образов, поскольку устойчивые словесные комплексы с названиями представителей животного мира, воспроизводимые из поколения в поколение, составляют обширный пласт любого языка и являются самой распространенной и

древней формой языковой номинации.

Правильное использование зоосемической фразеологии необходимо для успешного овладения межкультурной коммуникацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамонтов А.С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 53 с.
2. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 162 с.
3. Соколова М.В. Семантические характеристики анималистических фразеологизмов финского языка. Вестник Марийского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 92 – 94.
4. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры: лексико-семантический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 173 с.
5. Дондокова Н.П. Зоосемические фразеологические единицы бурятского языка: Структура, семантика, функции. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 24 с.
6. Богдавленская Ю.В., Симонова Е.С. Сопоставительный анализ национально-культурной специфики эмотивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках. Многоязычие в образовательном пространстве. – 2018. – № 10. – С. 75–82.
7. Ганиева Э.С., Исмаилова С.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в крымскотатарском и английском языках: лингвокультурологический аспект. Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2016. – № 3. – С. 25–29.
8. Лаврищева Е.В., Аброськина Н.Б., Остроухова А.В. Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецкой и английской языковой картине мира. Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – № 2 (2). – С. 40–46.
9. Пучков В.О. Репрезентация внешних качеств человека в русских и французских фразеологизмах с компонентом-зоонимом. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015 – №4. – С. 47–55.
10. Антонова А.Б., Ким Чжиён. The structural-semantic peculiarities of animalistic phraseologisms describing a human's appearance and character in Russian and Korean. Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2017. – №3. – С. 87–93.
11. Донова О.В. Сопоставление символов в культурной семантике фразеологизмов китайского и русского языков. Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №3. – С. 78–82.
12. Куличенко Ю.Н., Королевская Е.М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом. Научный диалог. – № 4. – 2017. – С. 44–56.
13. Сакаева Л.Р. Характерные особенности использования компонентов-зоонимов во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского, английского, татарского и таджикского языков. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2009. – № 1–2. – С. 140 – 144.
14. Бахронова Д.К. Лингвокультурные особенности зооморфных фразеологических единиц. Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 9 (391), – С. 36–43.
15. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь/ 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1984. - 944 с.
16. Cambridge Dictionary. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/>
17. Macmillan Dictionary. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
18. The Oxford English Dictionary. – URL: <http://oxforddictionaries.com>
19. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Longman, 2005. – 1621 p.
20. Apperson G.L. The Wordsworth Dictionary of Proverbs. – London: Wordsworth Reference, 2006. – 656 p.
21. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
22. Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1926. – 130 с.
23. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381с.
24. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
25. Collins Dictionary – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus>
26. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>.
27. Multitran Dictionary – URL: <https://www.multitran.com/>

© Новикова Ольга Вячеславовна (Novikova_English@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАРУШЕНИЕ ИКОНИЧНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ФОКУСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Петрова Инна Михайловна

К.филол.н., доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
miinna@yandex.ru

VIOLATION OF THE ICONICITY OF A LANGUAGE SIGN AS AN INDICATOR OF CHANGES IN COGNITIVE FOCUS (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

I. Petrova

Summary: The article presents the results of a study of the dynamics of cognitive focus due to the violation of the principle of iconicity of a language sign. The object of study is nominative and verbal binomials, for example, a day and a night and to sow and plow, which are considered as a single linguistic sign of diagrammatic iconicity. The study aims to establish the features of cognitive focusing provoked by the violation of the principle of iconicity. The cognitive focus in the work is understood as the speaker's attention on the relevant aspect of reality. As a research method, we use the method of determining the cognitive focus in relator structures and the analysis of the information component. English poetry is research material in this study. The conclusion states that the violation of the iconicity of the sign is connected with changes in the hierarchy of concepts in the speaker's mind, which are caused by the circumstances of the described situation, as well as with a change in the sequence of actions aimed at creating a certain pragmatic effect. The results of the study may find practical application in general linguistics courses, the practice of teaching English, as well as be of interest to researchers in the field of cognitive linguistics.

Keywords: diagrammatic iconicity, a language sign, binomials, cognitive focus, hierarchy of concepts, order of structure elements.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования динамики когнитивного фокуса вследствие нарушения принципа иконичности языкового знака. Объектом изучения выступают номинативные и глагольные биномы, например, *a day and a night* и *to sow and plow*, рассматриваемые как единый языковой знак схематической иконичности. Цель исследования – установить особенности когнитивного фокусирования, спровоцированные нарушением принципа иконичности. Под когнитивным фокусом в работе понимается фиксация внимания говорящего на релевантном для него аспекте действительности. В качестве метода исследования используется метод определения когнитивного фокуса в реляторных структурах и анализ информационной составляющей. Материал исследования представлен поэтическими произведениями на английском языке. Итогом исследования является вывод о связи нарушения иконичности знака с изменениями в иерархии концептов в сознании говорящего, которые обусловлены обстоятельствами описываемой ситуации, а также с изменением последовательности действий, направленным на создание определенного прагматического эффекта. Результаты исследования могут найти практическое применение при разработке курсов по общему языкознанию, практике преподавания английского языка, а также представлять интерес для исследователей в области когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: схематическая иконичность, языковой знак, биномы, когнитивный фокус, иерархия концептов, порядок следования элементов структуры.

Понятие иконичности включает в себя два основных типа: диаграммную иконичность (diagrammatic), которую мы называем схематичной, и которая связана со структурным (или реляционным) сходством между знаком и референтом, и образную иконичность (imagic), которая отражает сходство между знаком и референтом (например, звуковая символика). Хотя понятие схематической иконичности использовалось в различных функциональных и когнитивных объяснениях языковой структуры [6, с. 341; 7, с. 229; 9, с. 202; 10, с. 90; 12, с. 45; 13, с. 1630; 14, с. 458; 15, с. 25; 18, с. 640], общая идея, лежащая в основе схематической иконичности, состоит в том, что «структура языка в некотором роде отражает структуру опыта» [6, с. 341].

Схематическая иконичность реализуется на струк-

турном и семантическом уровнях, порождая омонимичность языковых знаков. Например, согласно исследованию [8, с. 86], слова *flaunt* (щеголять) и *flout* (пренебрегать) для многих носителей английского языка, в силу близости формы, могут передавать одно значение, тогда как слово *obsequious* (подобострастный), в результате ассоциации с другими словами, начинающимися со слога *ob-*, которые имеют отрицательное значение – *obstreperous*, *obstinate*, *obnoxious* (упрямый, несносный), приобретает уничижительный оттенок. Данный пример показывает, что форма языкового знака, являясь своего рода иконическим обозначением, может влиять на восприятие значения этого знака, вызывая когнитивные искажения в изначальном значении слова.

В рамках схематической иконичности выделяется два

вида: (а) изоморфизм и (б) мотивационно обусловленная иконичность. Первый подвид иконичности, согласно Дж. Хейману, является универсальным принципом, тогда как второму универсализм не присущ [12, с. 53]. Изоморфизм означает, что существует взаимно однозначное отношение между знаком или «signans» и означаемым объектом/понятием, «signatum». Соответствие данному типу можно обнаружить как на лексическом, так и на грамматическом уровне, что означает, согласно позиции Дж. Хеймана, что в языке существование чистых синонимов и омонимов является лингвистической патологией, т.е. не нормальным состоянием. Например, употребление французского *delit* в среднеанглийском языке рядом с его родным синоним, *lust* (похоть), было обусловлено заимствованием. Однако с развитием языка данное синонимичное употребление слов было разграничено: слова *lust* (похоть) и *delight* (наслаждение) приобрели разные значения. Это явление подтверждает тезис Дж. Хеймана о стремлении языкового знака избегать омонимии. Аналогично, на синтаксическом уровне принцип изоморфизма подразумевает, что в поверхностной структуре не может быть каких-либо различий, т.е. идея генеративистов о наличии одной глубинной структуры, выраженной множеством поверхностных структур, представляется несостоятельной.

Другой подтип иконичности, выделяемый Дж. Хейманом, – это иконичность, построенная на основе мотивировки. Одним из видов таковой является последовательное упорядочение, которое может иметь место на любом уровне грамматики. Простой тип повествовательной последовательности можно наблюдать на примере фразы *veni, vidi, vici*, где показано, что действие, которое совершается ранее, размещается в начале структуры. Данный тип иконичности на более глубоком уровне синтаксиса описывается Дж. Гринбергом следующим образом: «the order of elements in language parallels that in physical experience or the order of knowledge» – последовательность языковых элементов параллельна физическому опыту или последовательности получения информации [11, с. 103]. Эту последовательность отражает универсалию приоритета субъекта (S) над объектом (O), релевантную для типологических исследований языков. Данный принцип позволяет объяснять наличие большого количества языков, где традиционно используются следующие типы последовательностей: SOV, SVO и VSO, где S (субъект) предшествует O (объекту), при этом V (действие). Порядок следования элементов OSV, OVS и VOS встречается нечасто. Кроме того, иконическая мотивация актуальна для лингвистической «маркированности»: «категории, которые маркированы морфологически и синтаксически, также маркированы семантически» [12, с. 528].

Все вышесказанное позволяет заключить, что схематическая иконичность в языке являясь крайне значимым явлением, реализуемым как на уровне семантики, так и

на уровне синтаксиса, затрагивает определенные когнитивные механизмы говорящего. В рамках данной статьи мы намерены рассмотреть случаи нарушения схематической иконичности на уровне синтаксиса, обусловленные динамикой когнитивного фокуса.

Исследование механизма когнитивного фокусирования строится на основе положений об иконической природе языкового знака и изоморфизме, изложенных в трудах лингвистов и когнитивистов, например, [9, с. 199; 12, с. 88; 13, с. 1632], о когнитивных аспектах выражения внимания в языковой форме [18, с. 640] и работах, посвященных когнитивному синтаксису и вариативности высказывания [1, с. 37; 2, с. 249; 3, с. 185; 4, с. 395]. Под когнитивным фокусом понимается фиксация внимания говорящего на актуальном для него аспекте действительности, что находит отражение в структурной организации элементов высказывания [3, с. 185]. Данная фиксация внимания реализуется посредством порядка следования элементов структуры, в котором доминирующая роль принадлежит элементу, занимающему первую позицию в структуре.

Например, в системе биномиальной структуры динамику когнитивного фокуса можно наблюдать в следующих примерах: (1) *Likewise, the everyday borrower would not be living the American dream of a house and a car – on credit – were it not for the obscure financial instruments that...* (Точно так же обычный заемщик не жил бы американской мечтой о доме и автомобиле – в кредит – если бы не неясные финансовые инструменты, которые...) (URL: <http://sites.uwm.edu/ascher/files/2017/11/Will-Roberts-review-of-Portfolio-Society-ri1aw5.pdf>). В данном предложении нашел отражение культурный стереотип, в результате чего в биноме *a house and a car* на первой позиции представлено существительное *a house*, что показывает доминантное значение этого концепта в иконической репрезентации культурного стереотипа. Ср. динамику когнитивного фокуса в следующем предложении (2) *I remember when I first got out of college I wanted to have a car and a house just like my parents.* (Помню, когда я только закончил колледж, мне хотелось иметь машину и дом, как у моих родителей.) (URL: <http://communitychurchofwaterford.com/images/CouplesChallenge.pdf>). В данном предложении когнитивный фокус говорящего сосредоточен на концепте *a car*, причем обусловленность этого изменения очевидна: она не связана с традиционной формой выражения данного бинома в культуре, поскольку отражает личный опыт говорящего, для которого в детстве актуальным объектом выступал не *дом*, а *автомобиль*, в силу его эксклюзивности для данного лица, что и нашло фиксацию в воспоминаниях.

Несмотря на то, что Ф. де Соссюр подчеркивал существенную произвольность языкового знака, уже давно было признано, что форма может влиять на восприятие значения знака в языке. Возможно, не удивительно, что

осознание формы как значения вышло на первый план в литературе в тот момент, когда поэты начали использовать форму для «ломки привычного восприятия», создавая тем самым повышенную чувствительность к форме. Здесь уместно вспомнить модернистский переворот в литературе, когда традиционные языковые формы и структуры были частично отброшены; когда значение больше не было представлено непосредственно и легко через традиционную структуру. Вместо этого читателю, «лишенному привычной дискурсивной логики» [5, с. 318], часто приходилось извлекать смысл высказывания из когнитивного содержания и ассоциаций отдельных форм и из языкового расположения этих форм. Аналогичная ситуация прослеживается и в изобразительном искусстве, когда картина больше не следовала естественным или условным образом формам на холсте и модернистская живопись должна была интерпретироваться из нового расположения пространственных форм, из используемых форм и цветов. Р. Якобсон в этой связи описывает чувство возмущения, «наивный гнев» [16, с. 752], сравнимое с реакцией непрофессионала на «трудную» поэзию или прозу, какую можно найти в модернистских произведениях Т.С. Элиота, Эзры Паунда или Джеймса Джойса. Очевидно, что модернистские писатели в своих поисках новых форм и новых формальных механизмов отступали или заново открывали старые иконические принципы, которые всегда были важной силой в языке, которые обычно не замечаются говорящими. Таким образом, нарушение иконичности позволяет создавать уникальную форму, привлекающую внимание читателя или слушателя, поэтому нарушение иконичности часто сопровождает поэтическое творчество.

Рассмотрим, как нарушение иконичности в структуре бинорма отражает изменение когнитивного фокуса на примерах поэтических произведений. Ср.: (3) *And at times, by **day and night**, / his impassioned squawk like the amplified awakening of a raucous oboe-reed / will penetrate the house to remind us of his need.* URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> и (4) *Whether near to me or far, / it is no matter, darling, / where you are / I think of you **night and day**.* URL: <https://www.doctoruke.com/nightandday.pdf>. В предложении (3) структура *day and night*, которая является более стабильной в английском языке, согласно исследованию [3, с. 185], реализует традиционную форму обозначения временных параметров ситуации, тогда как в предложении (4) позиционирование существительного *night* в когнитивном фокусе бинорма заостряет внимание на переживаниях влюбленного человека, подчеркивая факт бессонных ночей в тоске по возлюбленной. Другими словами, изменение в когнитивном фокусе бинорма позволило автору произведения не только обозначить временные параметры ситуации, но и расширить описание данной ситуации, подчеркнув его эмоциональную вовлеченность в нее.

Таким образом, с помощью примеров (1) и (2) была

продемонстрирована динамика когнитивного фокуса в системе схематической иконичности, построенной на иерархии предикатов в сознании говорящего. Данная иерархия была обусловлена обстоятельствами, оказавшими влияние на говорящего (в детстве ребенку казалось, что *автомобиль* является более важным объектом, чем *дом*), тогда как в примерах (3) и (4) динамика когнитивного фокуса, реализованная посредством нарушения традиционной формы, позволила в рамках поэтического произведения расширить описание ситуации, актуализировав эмоциональный компонент.

Рассмотренные бинормы относятся к номинативным структурам, состоящим из существительных. В глагольных бинормах, связанных с выражением определенной последовательности действий, изменение порядка следования элементов также является нарушением схематической иконичности. Ср.: (5) *"All for **to plow and sow** your lands," / I heard the other say, / "If your crops would prove a failure, / your debts you couldn't pay.* URL: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/4FFFDYDCJ2ID8X/R/file-25c2f.pdf> В данном случае в значении бинорма *to plow and sow* отражена логичность и последовательность совершения действий в контексте земледельческих работ, а именно: сначала земля вспахивается, а затем засеивается, тогда как в следующем примере (6) *Genteel it is to cringe and bow, but not genteel **to sow and plow**. / Genteel it is to play the beau, but not genteel **to reap and sow**. / Genteel it is to keep a gig, but not genteel to hoe and dig.* URL: <https://books.google.ru/books?id=VSZAAAAAYAAJ&pg=PA286&dq> данная последовательность изменена и когнитивный фокус сосредоточен на глаголе *to sow*. Нарушение иконичности последовательности действий в этом случае позволяет автору подчеркнуть «неуместность и глупость» крестьянского образа жизни по сравнению с жизнью рантье. С помощью бинорма *to reap and sow* этот эффект усиливается алогичностью действий: сначала *жать*, а потом *сеять*. В результате мы наблюдаем, что нарушение иконической структуры языкового знака служит маркером необычности ситуации и, соответственно, своей формой привлекает внимание читателя.

Таким образом, проведенное исследование нарушения иконичности языкового знака, который представлен в данной работе бинормальными структурами, состоящими из существительных и глаголов, показало, что в английском языке подобные нарушения характерны для поэтических произведений и выступают в качестве инструмента, активизирующего когнитивный фокус структуры. Нарушения иконичности связано с изменениями в иерархии концептов в сознании говорящего, которые обусловлены обстоятельствами описываемой ситуации, а также с изменением последовательности действий, направленным на создание определенного прагматического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24.
2. Когнитивные категории в синтаксисе: коллективная монография / М.Я. Блох [и др.]. Иркутск: ГОУ ВПО «Иркутский гос. лингвистический ун-т». 2009.
3. Петрова И.М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур). М.: Языки народов мира. 2020.
4. Фурс Л.А. Когнитивные процессы интерпретации знания в синтаксисе // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13.
5. Butler Ch. Early Modernism. Literature, music and painting in Europe 1900-1916. Oxford: Clarendon Press. 1994.
6. Croft W. Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.
7. Dressler W. Interactions between iconicity and other semiotic parameters in language. // Amsterdam Studies in The Theory and History Of Linguistic Science. 1995. (4).
8. Fischer O. Iconicity in language and literature: language innovation and language change. // Neuphilologische Mitteilungen. 1997 (98).
9. Givon T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax. / Typological Studies in Language. Vol.6. Iconicity in Syntax. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1985.
10. Givon T. Isomorphism in the grammatical code: cognitive and biological considerations. // Studies in language 1991. 15(1).
11. Greenberg J.H. Some universals of language with special reference to the order of meaningful constituents. / Universals of Language. Joseph H. Greenberg (ed.). Cambridge, MA.: MIT Press. 1966.
12. Heiman J. The iconicity of grammar // Language. 1980. (56).
13. Heiman J. Iconicity / The Encyclopedia of Language and Linguistics. R.E. Asher (ed.), Oxford: Pergamon Press. 1994.
14. Heiman J. Iconicity. / Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. V. [2nd edition]. Keith Brown (ed.) Amsterdam: Elsevier. 2006.
15. Haspelmath M. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // Cognitive Linguistics. 2008 (19).
16. Jakobson R. Roman Jakobson. Selected writings. Vol. II Word and Language. The Hague: Mouton. 1971.
17. Talmy L. Attention phenomenon // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press. 2007.
18. Taylor J. Cognitive grammar Oxford: Oxford University Press. 2002.

© Петрова Инна Михайловна (miinna@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕАЛИЙ

COGNITIVE AND LINGUODIDACTIC ASPECTS OF STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS

L. Chistyakova

Summary: Within the framework of the cognitive approach, culture-specific element are considered as representatives of culture, which play a crucial role in shaping the language picture of the world. Russian realities and their German correspondences, identifying common and different semantic components will help to draw a conclusion about the similarities and differences in the German and Russian language pictures of the world.

Keywords: culture-specific element, language picture of the world, structural and semantic analysis, semantic component.

Чистякова Людмила Александровна

*К.филол.н., доцент, Елецкий Государственный
Университет им. И.А. Бунина
luchis@mail.ru*

Аннотация: В рамках когнитивного подхода реалии рассматриваются как репрезентанты культуры, играющие важнейшую роль в формировании языковой картины мира. Компонентный анализ русских реалий и их немецких соответствий, выявление общих и различных семантических компонентов поможет сделать вывод о сходствах и различиях в немецкой и русской языковых картинах мира.

Ключевые слова: лингвострановедческая реальия, языковая картина мира, структурно-семантический анализ, семантический компонент.

Современные ученые О.С. Лилюкович в публикации «Реалии в отечественной и зарубежной лингвистической традиции» [8], Л.В. Мосиенко в статье «Лингвокультурологическая проблема классификации реалий» [9] отмечают отсутствие однозначной дефиниции термина «реалия», в том числе, с учетом функционирования в научном обороте многочисленных родственных понятий (безэквивалентная лексика, экзотизм, лакуна, фоновые слова и т.д.).

Отличающийся высокой частотностью употребления в лингвистических и культурологических научных трудах термин реалия до недавнего времени рассматривался, главным образом, с двух позиций: с позиции переводоведения (проблема адекватной передачи средствами иностранного языка) и с позиции лингвострановедения (проблема классификации и функционирования в речи).

В переводоведении проблема реалий исследована на материале разных языков, в основном европейских, в работах А.В. Фёдорова (1983), Л.Н. Соболева (1952, 2018), А.Е. Супруна (1958), Ж. Мунена (1965), И. Левого (1974), а также С. Влахова и С. Флорина (1988, 2009), А.Д. Швейцера (1988, 2011), в современных трудах Л.Л. Нелюбина (2003), Г.Т. Хухуни (2007).

Лингвострановедческий аспект реалий проанализирован в трудах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (1980), Г.Д. Томашина (1997), С.Г. Тер-Минасовой (2000),

Н.Л. Новиковой (2003). А.А. Кретов и Н.А. Фененко разработали лингвистическую теорию реалий (2013).

В рамках новой научной парадигмы реалии, хранящие информацию о культурном коде нации, рассматриваются как репрезентанты культуры. Реалии как носители колорита, зримые языковые элементы национального своеобразия рассматриваются в трудах Й. Вайсгерберга (многократно цитируемый в современных исследованиях «Родной язык и формирование духа»), М.Л. Вайсбурд, Вл. Россельса. Исследование когнитивной функции языка относится к актуальным направлениям современной лингвистики. Языковая картина мира преобразует восприятие мира и накладывает отпечаток на то, как человек видит себя и окружающую среду. Учитывая национально специфический характер реалий, можно предположить исключительно важную роль этой категории лексики в формировании национальной языковой картины мира.

Отмечая множество подходов и дефиниций этого термина, сошлемся на определение Вагановой: «Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [1:22]. По мнению исследовательницы, «языковая картина мира как единый «живой организм» четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой» [там же]. Она определяет:

1. особый набор звуков и звуковых сочетаний;
2. особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка;
3. просодические характеристики речи;
4. словарный состав;
5. словообразовательные возможности языка;
6. синтаксис словосочетаний и предложений;
7. паремиологический багаж. [1]

Языковая картина мира обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему. [1] Согласно приведенной схеме, реалии наряду с другими словами в системе вокабуляра относятся к «единицам четвертого уровня», но по своей значимости занимают первые позиции. «Из всех уровней языковой структуры наиболее тесная и яркая связь языка и национальной культуры проявляется в области лексики и фразеологии», - справедливо замечает Д.Г. Мальцева [9:22].

Различие языков на уровне слова состоит в том, что слова, обозначающие в разных языках одни и те же предметы, могут иметь разную внутреннюю форму. Проиллюстрируем это на достаточно простом примере. В начале весны, в канун Великого поста и в Германии, и в России проходят традиционные многодневные празднования, обозначаемые в русском языке словом «масленица», а в немецком «Karneval» или «Fasching». Наличие фоновых знаний или обращение к лингвострановедческим справочникам позволяют выделить основные компоненты значения слов.

В значении русского слова «масленица» можно выделить следующие семы:

1. Языческое происхождение (встреча весны, начало полевых работ).
2. Связь с главным христианским праздником Пасхи.
3. Длительность в одну неделю.
4. Отдельная тематика для каждого дня (понедельник - «встреча», вторник - «заигрыш», среда «лакомства», четверг - «широкая масленица», пятница - «к теще на блины», суббота - «проводы», воскресенье - «Прощеный день»)
5. Массовые народные гуляния.
6. Сожжение соломенной куклы Масленицы.
7. Ежедневное выпекание блинов.

В значении немецкого «Karneval»:

1. Связь с языческим ритуалом изгнания зимы.
2. Длительность - с 11 ноября до Великого поста, установленного христианской церковью.
3. Установленная последовательность основных событий: торжественное открытие (StichtagdesKarnevals), праздник Трех Королей (Drekönigfest), заседания карнавалов обществ (Karnevalsitzung), карнавалы шествия, заключительная праздничная

неделя, Розовый понедельник (Rosenmontag), Пепельная среда (Achermittwoch), в сельской местности - сожжение чучела Зимы.

4. Массовые гуляния
5. Региональные особенности (AachenerKarneval, KölnerKarneval, DüsseldorferKarneval, MünchenerFaschung, schwäbisch-alemannischeFasnet).

В результате сравнение можно установить наличие следующих общих семантических компонентов в словах «масленица» и «карнавал»:

1. Праздничное событие.
2. Многодневный праздник.
3. Массовые гуляния.
4. Языческое происхождение.
5. Предшествование Великому посту в настоящее время.

Различие в значениях представлено меньшим количеством сем: непереносимое сожжение чучела Масленицы (в Германии - преимущественно в сельской местности) и обязательное приготовление блинов - входят в семантическую структуру русского слова «масленица», значительные региональные различия (вплоть до названия - Karneval, Fasching, Fasnet) и известная соревновательность (кельнский и дюссельдорфский карнавалы) - дополняют значение немецкой лексемы «Karneval».

Анализ сходных компонентов приводит к сравнению процесса перехода от языческих традиций к христианским на историческом уровне, констатации неизменной потребности человека в шумных праздниках перед длительной работой или постом с точки зрения психологии и так далее. Различия в семантической структуре позволят оценить важность единства или подчеркнутого своеобразия (обособленности) традиций, обрядов, сознания в пределах целого народа или отдельных регионов страны, отношение к угощению и тому подобное.

Сравнение по структурно-семантическому признаку русских и немецких реалий с применением методов компонентного и контекстуального анализа, выявление общих и различных семантических компонентов позволят выделить реалии, содержащие в семантической структуре наибольшее количество мультикультурных (общекультурных) компонентов и составить перечень концептуально значимых реалий на русском и немецком языках. Их сравнительно-исторический, статистический анализ поможет сделать вывод о сходствах и различиях в немецкой и русской языковых картинах мира.

Исследование таких качественных различий на языковом материале реалий может стать предметом анализа и в процессе преподавания иностранного языка. С точки зрения лингводидактики, такая работа на занятиях по иностранному языку представляется творческим,

продуктивным процессом освоения своего и чужого культурного пространства и формирования вторичной языковой личности в результате обогащения картины мира, сформированной родным языком, иноязычными концептами. Преподавание иностранного языка имеет в наше время прочное методологическое обоснование в современных лингвистических теориях о связи языка и мышления, языка и культуры. Впервые высказанная немецким ученым конца 18 - начала 19 века В. Гумбольдтом идея о тождественности языка и духа народа получила развитие и в европейской, и в отечественной науке. „Отец современной философии языка» [12:97] говорил и роли иностранного языка: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» (Гумбольдт; цит. по [13:131]. Л. Вайсгербер рассматривает язык как фактор формирования мышления, считая, что «из общего владения языков члены одного языкового сообщества

черпают значительную однородность основ мышления и форм выражения». [2:105] . В введении к истории немецкого языка В.М. Жирмунский говорит: «Каждый язык должен изучаться в тесной связи с историей народа, который был и является создателем и носителем данного языка». [6:13] Способность языка фиксировать и сохранять информацию о реальности, постигаемой человеком и той общностью людей, к которой индивид принадлежит, отмечают в исследованиях Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [3]. «Средством проникновения в инородную культуру со всеми ее национально-этническими и социально-классовыми особенностями» называет язык Д.Г. Мальцева [9:21].

Таким образом, применение сравнительного подхода к изучению реалий в аспекте структурно-семантического анализа будет способствовать, с точки зрения когнитивного лингвистического подхода, выявлению их роли в формировании языковой картины мира и воспитанию вторичной языковой личности в лингводидактическом рассмотрении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е.Г. Ваганова. Языковая картина мира: онтологический анализ // Филологические науки: Наука о человеке: гуманитарные науки. Омск. 2015. №1(19). С.20-29.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем.; вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Серия «История лингвофилософской мысли».. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Едиториал УРСС, 2004. - 232 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство. М., 1990. — 246с.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. — Изд. 4-е- М.: «РВалент», 2009. 360 с.
5. Вторушина Ю.Л. Формирование межкультурной компетенции в контексте профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка: на материале преподавания английского языка с использованием народного фольклора: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00. Московск. пед. гос. ун-т. - М. [б.и.], 2007. 218с.
6. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. 300с.
7. Кретов А.А. Лингвистическая теория реалий // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С.7-13.
8. Лиликович О.С. Реалии в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 101-104.
9. Мальцева Д.Г. Лингвострановедческий аспект в процессе изучения и преподавания немецкого языка // Ярославский педагогический вестник. 2000. №1(23). С. 21-27.
10. Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 155-161.
11. Оленев С.В. Изучение родного языка как формирование языковой личности // Социогуманитарный вестник. 2010. №4. С. 84-90.
12. Радченко О.А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. №3. С. 96-25.
13. Селеменова О.А. Формирование концепции языковой картины мира в работах отечественных и зарубежных лингвистов конца XVIII – начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1(12). С. 130-134.

© Чистякова Людмила Александровна (luchis@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Alferov A.** – Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University
- Alferov A.** – Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University
- Avetisyan V.** – candidate of historical sciences, associate professor, Samara State University of Social Sciences and Education
- Belenov N.** – Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education
- Bulokhov A.** – staff member, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation
- Burdovskaya E.** – PhD in Philological sciences, assistant lecturer, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university)
- Chernykh S.** – Doctor of Philosophy, Professor, South-Russian State Polytechnic University (NPI), named after M.I. Platova
- Chistyakova L.** – Candidate of philological Sciences, associate Professor, Bunin Yelets State University
- Devyakovich A.** – Applicant, Tomsk State Pedagogical University
- Efimov A.** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova, Novocherkassk
- Filyutina T.** – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Shadrinsk State Pedagogical University
- Garifullin R.** – candidate of technical Sciences, associate Professor, FGBOU VO «Kazan state Institute of culture»
- Gavrilova Ju.** – PhD in Philology, Associate Professor, Moscow University for the Humanities
- Gurenko M.** – postgraduate student, Tambov state University named after G.R. Derzhavin
- Kalmanovich V.** – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, FGBOU VO "Kazan state University of architecture and civil engineering"
- Kazieva I.** – Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia
- Khairullin R.** – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, FGBOU VO "Kazan state Institute of culture"
- Kondratieva O.** – postgraduate student, Moscow City Pedagogical University
- Kovalenko A.** – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova, Novocherkassk

Our authors

- Mikhaylov M.** – candidate of technical science, staff member, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation
- Mutalov R.** – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
- Novikova O.** – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Moscow Aviation Institute
- Orlova S.** – PhD in Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia
- Petrova I.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University
- Poleva Yu.** – candidate of historical sciences, senior lecturer, Volgograd state academy of physical culture
- Popkov M.** – postgraduate student, Ryazan State University S.A. Esenin,
- Popova E.** – PhD in Philological sciences, assistant lecturer, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university)
- Savina M.** – Doctor of Economics, Associate Professor, Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gubkina
- Semenov A.** – candidate of biological sciences, associate professor, Samara State University of Social Sciences and Education
- Shang Shang** – Graduate Student, Pacific National University (Khabarovsk)
- Stepanov A.** – Doctor of Economics, Professor, Odintsovo branch of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs
- Susimenko E.** – Doctor of Philosophy, Professor, South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova, Novocherkassk
- Tyutyueva I.** – candidate of Psychological Sciences, associate professor, Shadrinsk State Pedagogical University
- Unezhev K.** – doctor of philosophy, Professor, Kabardino-Balkarian state University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik
- Yaitsky A.** – senior lecturer, Samara State University of Social Sciences and Education
- Yarovova T.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Odintsovo Branch MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs
- Zubchenko V.** – Post-graduate student, Kuban State University (Krasnodar)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).